

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БОРЬБА

ТАННЫЙ СЫСЬ ЦАРЯ ГОРОДА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ЖЕНИТЬСЯ И
ОБЕЗВРЕДИТЬ

Annotation

А ведь как хорошо всё начиналось... Золотая осень, теплынь, пора свадеб, моя невеста Олёнушка спешит в Лукошкино, я её честно жду, отец Кондрат уже назначает день нашего венчания и... Абзац! Всему! Горох рехнулся (по полной программе!), царица от него уходит, меня (участкового!) сажают в тюрьму, Яга устраивает скандал за скандалом, Митьку бьют (ну это не ново), на город движется орда шамаханов... и самое неприятное, что всему этому нет никакого логического объяснения. Просто не повезло, и всё тут! Милицейская интуиция в голос вопит, что не так просто. А как? Пока не знаю, разберёмся. Главное, успеть жениться... и обезвредить. Опергруппа, на выезд!

- [Андрей Белянин](#)
 - [* * *](#)
 - [Буйство глаз и половодье чувств, или прощание с героем](#)
-

Андрей Белянин
Жениться и обезвредить

* * *

...Утро не задалось с самого начала. Причин много. Первую могу указать абсолютно точно: вчера мы с котом Васькой «побились об велик заклад» (на пол-литра сметаны), что наутро бабкин петух не прокукарекает мне подъём в четыре часа, а дотерпит как минимум до восьми. Согласитесь, довольно завлекательная идея дать усталому милиционеру хоть один раз в законный выходной выспаться по-человечески. А в результате что?

В полчетвёртого утра я проснулся сам как миленький и ворочался с боку на бок, ожидая, закричит или не закричит эта проклятая пернатая скотина?! Не закричала... Но ровно в ноль три пятьдесят девять за окном раздались звуки приглушённой борьбы, перемежающиеся хриплым рычанием, горловым мявканьем и свищущими ударами крыльев.

Да-да, внизу, прямо у нас на заборе, чёрный Васька пытался зажать клюв бабкиному петуху, а тот отбивался, как психованный горнист, которому враги-контрреволюционеры не дают сыграть полонез Огиньского. Причём кот явно сдавал! Такое впечатление, что горластая сволочь с гребешком за лето окончила курсы какого-нибудь экзотического стиля ушу типа «пьяный петух в балетной пачке»... Он так лихо дубасил Василия крыльями под рёбра и шпорами в пах, что только шерсть летела! Положение спас заспанный Назим, вылетевший из-под крыльца с ножом в зубах и половником наперевес. Петух вырвался, взлетел на наши ворота и уже оттуда победно прокукарекал наступление утра. Я глянул вниз, заботливо плеснул водички на распростёртого кота и окончательно понял — петух не жилец. Теперь у него уже трое кровников...

В горницу спускался мрачно, вроде бы и зевая, но, с другой стороны, не усну теперь точно. Яга суетилась у печи, судя по тому, что на меня даже не глянула, — тоже не в настроении. И должен признать, повод у неё есть, и весомый...

Отмотаем некоторое время назад. Итак, я — Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, бывший москвич, непонятно какими судьбами угодивший в мир русских сказок времён царя Гороха. Застрял здесь крепко-накрепко, занимаюсь своим делом, состою на жалованье и в целом вполне обустроился.

Сам царь у нас хороший, здравомыслящий, хотя и разноплановый, что порой приводит к нехилым казусам и перекосам. Однако ума открыть в

столице первое отделение, назначить меня сыскным воеводой и поселить в тереме Бабы-яги ему хватило. В остальном типичный русский самодур — и на плаху пошлёт, и последней рубахой с нищим поделится. Таких в народе любят...

А вот бабка у нас уникальна по всем параметрам. Она и хозяйка, и эксперт-криминалист, и просто бесценный фольклорный персонаж — не любить её нельзя! Да и опасно, кстати. Хотя тут я, возможно, сгущаю краски в связи с теперешними проблемами, но о них позже сами догадаетесь.

...Из сеней высунулась заспанная Митькина физиономия, он одним глазом оценил обстановку, сопоставил две наши недовольные рожи и мудро решил не возникать. Первоначально этого увальня, с силой Ивана Поддубного и мозгами, как гири того же борца, нам дали в нагрузку. Потом он прижился, пообтесался и даже заметно поумнел, хотя жизнь нам продолжал отравлять с завидной регулярностью. Зато милицейскую работу любит круче квашеной капусты, а это подкупает... Во дворе тихо перекликались дежурные стрельцы охранной сотни Фомы Еремеева. Тоже наши ребята, практически местный спецназ. Без их помощи в Лукошкине уже никуда, в конце лета, ближе к осени, преступность всегда активизируется. Разбойники, воры и спекулянты стремятся набить карманы до наступления холодов и зимовать на доходы от продажи несправедливо нажитого добра, в тепле и уюте...

Ха!

Вот тут-то, на страже закона и правопорядка, и появляемся мы, вечные заступники и вечные крайние. Попробую всё объяснить по порядку, но не сейчас — Яга уже накрыла на стол и ждёт к завтраку:

— Ты кушай, кушай, Никитушка, не смотри на меня старую, чего уж...

Я молча обозревал стол: гречневая каша с грибами, блины с мёдом и горячий чай. Надо умудриться и что-то съесть, и не обжечься, и вылезти из-за стола как можно быстрее. Потому что начинается... — Олёнушка-то твоя, слышала, к обеду приезжает. Ну вот и ладушки, не век же тебе холостым ходить. А я-то уж сама буду, обо мне и не думай, кушай давай...

Это у нас уже третий день. Бабка просто изводит меня муками совести и сама на немецкий валокордин подсела, как на наркотик. Валерьянка с пустырником уже не помогают...

— Я ж не без понятия, ваше дело молодое — честным пирком да за свадьбу! А я тебе кто? Я те как есть никто, на венчание пригласили — уже спасибо! Мог бы и взашей турнуть дуру старую, я ить не в претензиях...

— Бабуль! — Я со стуком отложил ложку.

— Чавой, Никитушка? — мгновенно делая самые невинные глаза, вскинулась моя домохозяйка. — Али кашка не упарилась, али блинki остыли, а может, болтовня моя старушечья не ко двору пришлась? Дак ты плюнь и прости, мало ли чё развалина слабоумная на костяной ноге языком молоть будет... А ведь согласитесь, царь предупреждал! Даже в отпуск нас всей опергруппой отправил в надежде отсрочить этот бред, эту кару небесную, эти разборки милицейские... Спасибо, государь-батюшка! Отсрочил! А теперь что? Умереть мне тут от разрыва сердца?!!

— Никита Иванович, — тихо пробурчало из сеней, — тут к вам Фома Силыч, с докладом набиваются. Пропустить или так перетопчется?

За дверями раздался возмущённый мат Еремеева, ибо уж если Митя хамит, то прицельно, потом ещё звуки недолгой борьбы, и помятый начальник стрелецкой сотни кубарем выкатился к нам в горницу. Багровый от ярости Фома только взглянул разок на нас с бабкой, мысленно выругался и молча сел напротив меня за стол, без приглашения. Чувствуете, до чего доведено всё отделение? Скоро искрить начнём, обходя друг друга за версту.

— Чаю будешь? — ровно предложил я. Сама Яга поджала губки и, демонстративно промокая платочком уголки глаз, проскрипела к себе в комнатку. Дверь за ней захлопнулась с грохотом пушечного залпа.

— Опять, что ли? — шёпотом спросил Фома.

Я кивнул.

— Третий день. Как держусь — ума не приложу...

— Да уж, влип ты, участковый. Не бывать в одном улье двум маткам, не летать вокруг одного лебедя двум лебёдушкам, не скакать вокруг одного кобеля двум...

— Фома, блин!

— Тьфу ты, прости господи, — честно перекрестился он. — Заболтался! Да ить с вашими напряжениями уже совсем ум за разум едет! Разобрались бы вы по-людски, что ли?

— И я им о том же, Фома Силыч, — предательски прогудело из сеней. — Ну мало себе нервы портят, мне, мальчонке неповинному, сотруднику безгрешному, почитай всю кровь вёдрами выпили! А я-то молчу, молчу, да и ну как отпишусь царице мемуарами...

— Митька, не лезь не в своё дело! — рявкнул я.

— Вот так, Фома Силыч, — незамедлительно откликнулся он. — Затыкают на каждой фразе, слова вымолвить не могу, скоро уж и рот зашьют, с бабули станется.

— Митька! — действительно раздалось из бабкиной комнатки. —

Замолчишь ты аль нет?! Не доводи до греха — ить под горячую руку и впрямь не помилую.

— Что и требовалось доказать, — скорбно заключили сени. — А ведь тока один Никита Иванович женится. Ну а, не приведи господь, я бы об законном браке помыслить посмел? И жить мне, молодцу, опосля того признания ровно три минуточки...

Я грохнул кулаком по столу, посуда дзынькнула, бабка пристукнула костяной ногой, и даже Еремеев невольно перекрестился. Из-за печки высунулся было сизый нос азербайджанского домового и блюдо со свежей пахлавой, мгновение спустя и он исчез, не нарываясь на личности. Сколько Назим заплатил откупного нашему прежнему домовому, мне в цифрах неизвестно, но дело они сладили без драки, вроде бы на вполне взаимовыгодных условиях. Мне так даже лучше: наш бывший вообще ни разу не показывался, а этот умел поговорить и поддержать компанию, к тому же разбирался в здоровой пище для «кавказского долголетия»! Ну и Яге глазки строил абсолютно искренне...

— Фома, меня царь не вызывал? — с нажимом спросил я.

— Не-э... вроде... а?! Ага! Точнёхонько, ещё со вчерашнего вечера вызывал!

— Одного?

— Э-э... не... — не сориентировался сотник, но я уже встал.

— Значит, опять одного! Пошли, проводишь.

В сенях Митяй, молитвенно сложив ладошки, на языке мимики и жестов, со слезами в глазах, попросился с нами. Типа в доме ему сейчас оставаться — смерти подобно, бабуленька в таком настроении его в ёжика нетрезвого превратит и по столу маршировать заставит. Доля истины в этом есть, я тоже не зверь, всё понимаю, пришлось взять...

* * *

Шесть утра; несмотря на воскресенье, уже везде суетится народ. Первыми выползают дворники-татары, они у нас этот бизнес плотно держат. За ними уличные торговцы, ещё часик-другой — и базар загудит во всю мощь. Со стороны Немецкой слободы показался дружно марширующий отряд юных фройляйн, идут строем на речку, будут бельё полоскать. Вот и телеги крестьянские от главных ворот на площадь

потянулись, мужики сельскохозяйственную продукцию везут. Основная битва за урожай ещё не начиналась, но сады изобилуют фруктами, хозяева за бесценок отдают, хоть мешками уноси...

Олёна должна была прибыть ближе к обеду, с купеческим обозом из Сибири. В смысле это обоз из Сибири, а Олёна — моя невеста, и гостила она у тётушки в соседнем городе, верстах в двухстах от Лукошкина. Вот она вернётся, и мы поженимся, я давно собирался. Венчать отец Кондрат будет, свидетелем с моей стороны немецкий посол Кнут Гамсунович, со стороны невесты — сама царица! Лидия Адольфина Карпоффгаузен, законная жена нашего всеми любимого Гороха, сразу предупредила, что если ей не дадут побыть «свидетелкой нефесты», то она будет очень огорчена и «горько плакать, а Горошек этого не пропустит... не попустит?... не запустит?!». Короче, всем всё ясно. Да, она хорошая, хоть и австриячка, обрусела в считанные дни, и стрельцы за неё горой, так матушкой и кличут... Или по матушке, но это если государыня очень уж гайки завинчивает, и такое бывает.

— А и доброго здоровьечка, Никита Иванович! — с поклонами сняли шапки двое хорошо одетых бородачей из Кузнечного квартала. — Как жизнь да служба? Не сегодня ли невестушка ваша из краёв заморских прибывает?

— Здравствуйте. Сегодня. От тётки из-под соседнего... — коротко попытался отмазаться я, но разве ж от нашего народа так просто уйдёшь... Фигу!

— Вот дело-то ладное! А мы вам на свадебку подкову знатную на ворота изготовили! Всем миром на счастье ковали, уж не побрезгуйте...

Мама родная! Их там восемнадцать мастеров с подмастерьями, и все на одну подкову?! И какого же она тогда размера? С предполагаемое счастье, да?!

— Да будет бахвалиться-то, — мигом раздалось с другой стороны улицы. — Эка невидаль, подкова, железяка гнутая! Вот мы, гончары-молодцы, цельный воз горшков да плошек, крынок да чашек, блюд да тарелей, расписных немыслимо, в глазури блестящей, новобрачным наобжигали! Будет из чего щи хлебать, бражку пить, рассолом баловаться... Уж не побрезгуй, сыскной воевода!

Я молча надвинул фуражку на нос. Поздно... Пока мы с Фомой и Митькой плелись через Базарную площадь, со всех краёв слышались бурные поздравления, щедрые пожелания и посулы самых замечательных подарков от всей широты необъятной русской души. Впрочем, и не только русской...

— Участковый, э-э, не побрезгуй давай! Сюда давай, э-э! Ковёр тебе пирилизли, на! Сам бери! Денег не нада! На свадьбу твою одыним глазком, э-э, гилянем, и всё! Два ковра бери! И вот этот... маленький... кирасивый... в уборную!

— Отступись, бабы, я сама говорить буду! Так вот те слово моё, Никита Иваныч... Хотя какого ты мне Иваныч, сын ты мне... сынок... Никитушка! Вот так бы на руках-то и закачала, так бы у груди и затискала, так и... о чём эт я? О! Цельную бочку капустки квашеной со брусничкою от тётки Матрёны на свадебный стол прими, не побрезгуй! И вот ещё даром горсточку... Бери, бери, она, поди, не очень мокрая, охальнику своему скормишь!

— А что ж гостю дорогому, милиции любимой, ко столу нашему дорогу-то загораживают! Расступись, народ, батюшка участковый тоже живой человек. Ему, может, тоже хочется с утречка да в честь праздничка, покуда холостой, а потом жена не даст, так, что ли? Ох и ядрёная самогончка уварилась, Никита Иваныч, друг сердечный... Три ведра тебе на свадебку ставлю! Тока не обессудь, без сертификату медицинского будет... Но на вкус — слеза Христова! Прodeгустируешь ли, отец родной, тока не побрезгуй...

Я даже не пытался ускорить шаг. Во-первых, бессмысленно, во-вторых, решат, что я убегаю или, того хуже, кого-то ловлю, и помогут всем миром. Ну их... Я вежливо выслушивал всех и вся. Список подарков расширился до ульев с мёдом, рулонов полотна, кобылы жеребой, шести лукошек с яйцами, набора столярных инструментов, новой сбруи с хомутом, подойника чеканного кубачинского, клетки для канареек, резной тумбочки из карельской берёзы и бус из чешского стекла. Причём каждое предложение сопровождалось сакраментально смиренным «уж не побрезгуй»... Видимо, на всё Лукошкино самым непроходимо-брезгливым считался именно я!

А на выходе с Базарной площади нас ждал вездесущий дьяк Филимон Груздев. Мы трое дружно сплюнули через левое плечо, а Митька даже перекрестился, от греха подальше. Но поздно, наш вечный стресс вскинул тощую бородёнку выше крючкотворного носа и... бросился мне в ноги. Я же говорил, день не задался с самого утра...

— Ну и чего ж ты встал, аспид милицейский? Ступай по мне, топчи меня, безвинного, сапожищами уставными, попирай тело моё белое муками бесовскими! Всё одно мне жизни нет, с тех пор как тебя, ирода, в наше Лукошкино сам нечистый взащей вытолкнул...

Я попробовал обойти идиота. Не тут-то было — дьяк резво вертелся у

меня поперёк пути, изображая первого христианского мученика в древнем Колизее, бросающегося под колёса колесницы императора Нерона.

— А вот не уйду, да и умру на том же месте! Истерзал ты мне сердечко ретивое, измаял душеньку, за привет да ласку да органам содействие одними слёзоньками уплатил! Ну так и убей своей рукой али ноженькой, самую смертушку уж почту благодеянием, тиран ты форменный...

Я было готовился просто через него перешагнуть, но после таких слов резко отдёрнул ногу. Мои же сослуживцы вытаращились на меня с таким изумлением, словно до этого гражданина Груздева знали исключительно с лучшей стороны. А этот провокатор явно разыгрывал перед всем миром сцену... ревности?!

— Врёт он. Ничего между нами не было, — стараясь никому не смотреть в глаза, зачем-то объявил я. Мой младший сотрудник нервно сглотнул, почесал в затылке и, решив «подыграть», со всем пылом бросился доказывать двум совершенно левым прохожим полную ахинею:

— Чё встали, православные? Проходите! Сказано же вам, не было ничего. Чист Никита Иваныч, ни в одном глазу, ни словом ни делом... А уж жениться, как честный человек, он Филимону Митрофановичу не обещал точно! А без обещания — взятки гладки.

— Митя-а... — ахнул я.

— А чё? Пусть докажут!

— Что докажут?! — взвились мы с оклеветанным дьяком.

Гражданин Груздев прозрел непрозрачные намёки и теперь орал на нас один, встав и вытянув обличающий перст к небу. Небеса изо всех сил сдерживали улыбку, притворялись равнодушными...

— Вы об чём на меня подумали, филистимляне необрезанные?! Каких ересей греко-римских начитались?! И без того милиция ваша дьявольская всех приличных мужиков без разбору в положение противоестественное ставит, так ты мне энто дело ищцё и посередь улицы предлагаешь?! Без ласк, без романтизму, без томления любовного... Шиш тебе!

Видимо, у меня как-то особенно исказилось лицо, и этот фрондёр мигом перешёл к делу:

— Заявление до тебя имею. В отделение занести не могу, стрелы твои, аки псы цепные, давеча пристрелить грозились за настырность. Вот и решил поперёк дороженьки вашей лечь, лишь бы грамотку мою вниманием удостоили.

Я покосился на Фому. Тот пожал широкими плечами. Последние три дня дьяк действительно ошивался у наших ворот. Вёл себя вызывающе, оскорблял стрельцов при исполнении «легавыми» и «фараонами»,

пробовал плевать с безопасного расстояния. В принципе всё как обычно, ничего нового. Кто-то из ребят вполне мог и сорваться, но извиняться перед дьяком от лица всего отделения — плохая примета...

— Митя, прими у гражданина заявление и догоняй нас.

— А вы к царю, что ль? Дак я с вами, — тут же увязался следом этот небритый аппендикс в рясе. Отвязаться от него законным путём возможности не было, поэтому дальнейшую часть пути прошли молча.

Официального вызова к государю у меня не было, но Горох по натуре жаворонок, то есть может принять рано и без доклада. А поговорить всегда есть о чём... У самых ворот Еремеев пожал мне руку и распрощался до вечера, у него насыщенный день, проверка постов, осмотр новобранцев и ещё что-то там личное, по дому.

Дьяк как репей повис на нашем младшем сотруднике. Даже поднимаясь по лестнице в царские палаты, я краем уха слышал, как Митька ровно объяснял брюзжащему зануде, что арестовывать эдакую прорву народа мы не будем и расстреливать никого не станем и каторги для детей от трёх до семи у нас законом не предусмотрено, а если у Назима прописка азербайджанская, так про то у Яги спросить надобно, а она вмешательств в свою личную жизнь очень не любит.

Дальше я уже просто ускорил шаг, потому что нервов моих на них всех не хватит. А Филимон Митрофанович, тот, известно, без звиздюлей как без пряников, правильно его Митя послал: бабке только намекни на прописку, она и сама, поди, из нелегалов, всю молодость по лесам да болотам в избушке партизанила.

— Как сам? — Я вопросительно кивнул на дверь в малые покои государя.

Двое стрельцов из охраны Гороха неопределённо пожали плечами.

— Опять пишет?

— Угу, — кивнули они. — И всю ноченьку писал. Матушка плакала ажно... Говорит, будто это узкоглазые его чем заразили.

— Ладно, посмотрим.

— Ты уж полегче там, сыскной воевода. Не ругай его так уж... под впечатлительностью государь...

* * *

Короткая предыстория. В двух словах. Неделю назад наше Лукошкино посетила с дружественным односторонним визитом японская делегация с Хоккайдо. Что-то выторговывали насчёт леса и островов. Подарили батюшке царю красивые гравюры, два веера, самурайский меч и томик стихов то ли Васё, то ли Масё. Горох попросил перевести, весь вечер хихикал: типа три строчки не поэзия, так и любой дурак сможет. А потом подсел...

— Ирассей массей! — по-японски приветствовал меня русский царь, не отрывая глаз от созерцания маленькой сосны бонсай в крошечном горшочке. — Заходи, Никита Иванович, друг сердечный. Посидим, чайку зелёного выпьем али саке пригубим по чуть-чуть? О, у меня как раз есть новенькое хайку на эту тему: «Друг в дом мой вошёл и сандалии снимать начинает... Быстро открою окно!»

— Это... вы... про меня?! — не веря своим ушам, едва выговорил я.

— Не-э... — Государь обмакнул кисточку в тушь и, от усердия чуть высунув кончик языка, начал что-то быстро рисовать на листе рисовой бумаги. — Это я про боярина Кашкина. Хочешь, я о любви почитаю? Тоже совсем свежее... «Выпить жена не даёт, а до свадьбы сама наливала... вот они бабы!» Как тебе?

— Жизненно, — прокашлялся я, снимая обувь и без приглашения садясь на новую циновку.

Первую чашечку саке, размером с напёрсток, гостеприимный Горох церемонно булькнул мне сам и многозначительно подмигнул — японские традиции не позволяют самому наливать себе алкоголь.

— Царица не застывает? — на всякий случай уточнил я, наливая ему ответную.

Выпили не чокаясь. У обоих на мгновение скуksились физиономии (всё-таки тёплая разбавленная водка — дрянь несусветная!), но оба сохранили лицо. В том смысле, что не закашлялись, не поперхнулись и не выругались матом.

За дверью раздались грохочущие шаги.

— Легка на помине...

— Ви позфолите? — После деликатнейшего стука к нам вежливо заглянула матушка государыня. — Ой, майн либен, это же дорогой дрюг герр Ивашов! Как я есть рада фас фсюду фидеть! Как дела в полиции? Как фаша Олёнушка? Мы с Горошком принимаем ф ней большое причастие... участие... на фаше счастье! Ах! Это же есть почти стихи, да?! Я тоже хотела би...

— Сядь, а... — тихо попросил царь, стыдливо пояснив: — Второй

день учу, что приличной гейше при беседе самураев рот открывать не положено. Пока туго идёт...

— Я стараюсь! Я фся есть...

— Ох уж старается она мне... До сих пор достойного шёлку на кимоно не нашла! Сандалии-то деревянные заказала хоть?

— Найн... — совсем поникла бедняжка. — Фаш плотник скажаль, что он не есть сапожник. Я буду их пилить сама.

— Сандалии али дворника с сапожником?! С ума она меня сведёт, Никита Иванович... простейших вещей запомнить не может. А ты-то куда встал?

— Не хочу смотреть, как вы в моём присутствии ни за что унижаете собственную жену! — чётко выговаривая каждое слово, припечатал я.

Царь охренел на месте! Других слов не нахожу. А Лидия Адольфина благодарно подняла на меня полные слёз голубые глаза. Вниз по лестнице я спускался вроде бы быстро, но всё равно не успел.

— Возвернуть! В кандалы! В Сибирь! На каторгу! Самолично обезглавлю дурака, а потом всё одно на каторгу! Я ему царь али кто?! Хватать сыскного воеводу!

Ну вот, это уже что-то... Это нормальный Горох, наш, не объяпонившийся. А то строит из себя Токугаву русского пошива...

— Эгей, погоди, батюшка участковый, — сзади заспешили царские стрельцы. — Ты уж или шаг ускорь, али давай мы тя для порядку повяжем. Чё ж ты эдакого самодержцу нашему сболтнул — ногами топает, аж поглядеть любо-дорого!

— Да так... за матушку государыню заступился.

— Святой ты человек, участковый, — с уважением откликнулись бородачи, а сверху уже доносился невнятный гул, похожий на шум прибоя, перемежаемый дроботом сапог, стуком посохов, счастливым матом и верноподданническими лозунгами.

— Беги, сыскной воевода, — бояре поднялись!

Ой, мама, родила ж ты сына-милиционера... Вот только бояр мне сегодня на мою голову и не хватало! С первого дня моей службы в Лукошкине я был объявлен всей боярской думой как враг народа номер один, на уровне Чингисхана, Гитлера или Баскова. Редкое дело нам удавалось довести до конца без помех с их стороны. А боярский бунт с попыткой государственного переворота? Или «альтернативное думское следствие» в лице пьяницы Псурова да дьяка Фильки?

О достопамятном аресте главы думской фракции знатного боярина Бодрова с собутыльниками и последующей посадкой оных в поруб вообще

умолчим... Их же потом еле-еле в бане отогрели вениками и водкой, а так хоть на фестиваль ледяной скульптуры в Хельсинки отправляй! А к чему это я?

— Вяжи злодея-участкового-о!!!

Всё. Заболтался. Поздняк метаться. Будут убивать... В один миг я был атакован шумной, сопящей, бородатой толпой толстопуzych политиков в высоких шапках. Глаза горят, зубы скрежещут, тяжёлые посохи уже перехвачены на манер разбойничьих дубин, но...

— Не замай! — Меж мной и боярами грозно сомкнулись отточенные бердыши царских стрельцов. — Арестован он! В темницу ведём, а трогать не смей!

Из боярской толпы незамедлительно выдвинулись две наиболее весомые фигуры — Кашкин и Бодров. У-у-у... Теперь я уже и сам никуда не спешил. Пока они ещё не вцепились друг другу в бороды, напомним: старик Кашкин, представитель прогрессивной боярской фракции, вечно в меньшинстве, но меня любит как сына. А вот толстяк Бодров, хоть и моложе его лет на двадцать, но сторонник традиционализма и милицию на дух не переносит, так что...

— Да нешто мы, бояре, потерпим, чтоб лютый враг государев (это про меня?!!) во темнице тёплой с калачами да бражкой отсиживался? Казнить безмерно и немедленно!

— Не след поперёк слова царского идти. Государь, он строг, да и отходчив: сказано ж было — в Сибирь, значит — в Сибирь!

— Не буди во мне силу великую, старик, не ищи себе смерти безвременной, не стой на пути гнева праведного! А участковому я прям сей же час своей рукой фуражечку на другое ухо забекреню!

— Вот тока тронь Никиту Иваныча, я ить не посмотрю, что у ты двое детей-недорослей, как дам посохом поперёк зубов... а там уж пусть сажают! Хоть потешу душеньку на старости лет.

Прямо на моих глазах боярская дума бодренько разделилась на две неравные половины и начала засучивать рукава. Эх, Яги нет, она на такое поглядеть любит...

— Ты бы шёл отсель тихохонько, — шёпотом посоветовали царские стрельцы. Я, собственно, поступить так и собирался, но ведь день не задался с самого начала. То есть уйти не успел, потому что... Митя!

— Никита Иваныч, отец родной, держитесь! — медвежьим рёвом раздалось снизу, и наш бугай, огромными прыжками преодолевая ступеньки, на полном ходу врзался в боярский строй. Меня он попросту смёл в сторонку, дабы не зашибить. — Расступись, Сократа не читавшие!

Ништо, небось отмашемся-а!!!

Ну, как вы поняли, в результате он увлѣк в развлекаловку всех. И «наших» бояр, и «ненаших», и стрельцов, и подоспевшую дворовую челядь, и меня, и... всех! Это Митя, его надо знать... Полчаса спустя он же каялся мне в отдельной камере, связанный по рукам и ногам, с синяками на полфизиономии, довольный, как тюлень в банке с прибалтийскими шпротами:

— Как я по двору ходил, да всё гоголем! Со носочка преступал да на пяточку! Что да песни распевал — всё народные, а частушки сочинял, так приличные! Тока слышу, стук да гром в царском тереме — там бояре бьют толпой всю милицию...

— Во-первых, не всю, а меня одного. Во-вторых, они, может, только собирались. И в-третьих, тебя-то кто просил вмешиваться?

— Тут не стал я, молодец, думу думати, а пошёл да на бояр всем намститити, — практически не слушая меня, нагло продолжал он. — Вот уж удаль где была, слава бранная! Вот уж душу отвели, оторвали...

— Митька, — уже изрядно поднапрягаясь, возвысил я голос, потому что сидеть связанным в сыром полуподвальном помещении на несвежей соломе мне не улыбалось абсолютно. — Ты хоть наших успел предупредить?

— Не-а... А чѐ, надо ли было? Бабуленька и так про всё узнает, когда на казнь поведут.

— Куда-а?!

— Дык на плаху, куда ж ещё? — даже удивился он, мечтательно разглядывая сводчатый потолок. — Рази ж царь-батюшка попустит, чтоб вы его при государыне матом крыли, а потом меня, сотрудника младшего, при всех на боярскую думу спустили? Казнит, казнит всенепременно...

— М-минуточку, — теперь уже окончательно занервничал я. — Каким матом, что ты несёшь? И на Бодрова я тебя не науськивал, ты сам припёрся. Митя! А ну смотри мне в глаза, опять какие-то научные игры с психоанализом?!

Он честно повернулся, почти полминуты выдерживал мой взгляд, а потом всё равно сдался:

— Угадали! Так с вами даже неинтересно, Никита Иванович, а ить я энту схемку «группового воздействия» у Кнута Гамсуновича едва ли не месяц выпрашивал. Думаете, немцы так уж строем ходить любят? Ага, как же! Групповое воздействие, вот оно как...

Дальнейшие полчаса я тупо выслушивал всю эту восторженную ахинею насчёт его изощрённого плана, составленного по последним

научным достижениям в исследовании глубинных процессов подсознания, и вовлечения в этот простенький опыт максимально большего количества влиятельных лиц. Короче, если всё выгорит — меня повысят в звании и наградят шубой с царского плеча, а если нет...

Отрицательный результат он даже не просчитывал, заранее отметая его как лишённый логического смысла, но исполненный недостойного паникёрства.

Хотя если уж совсем по совести, то я по зрелом размышлении тоже как-то перестал особенно волноваться. Всё-таки царь у нас не деспот и самодур, а вполне вменяемый управленец. Пошумит, поорет, естественно, но не казнит. Погоны сорвёт, с должности снимет, но рук распускать не станет и на каторгу тоже не зашлёт. Сам, конечно, извиняться не придёт, но наверняка с минуты на минуту пришлёт кого-нибудь...

С традиционным лязганьем отошли дверные засовы, ну — что я вам говорил?!

— Вот, государь-надёжа сыскному воеводе передать велели! — Молоденький незнакомый дьячок, с наивными глазами и юношескими прыщами на носу, торжественно положил передо мной чистую рубаху, длинный нож, баночку с тушью и кисточку. Типа полный набор для ритуального харакири.

Боже, этот бред надолго?!

— На словах ничего передать не просил?

— Стих! — гордо возвестил посыльный и смущённо прочёл наизусть: — «Белая ткань, а на ней — алые пятна заката... Честь самурая строга!» Сказал, дескать, вы человек культурный, сами поймёте...

— Мить, ты понял?

— Не-а, — равнодушно откликнулся тот. — Поесть бы лучше принесли чего! Или вон хоть руки развязали, я этой кисточкой записочку на волю накорякаю...

— О, а это идея, — согласился я. — Молодой человек, не считите за труд, я буду диктовать, а вы пишете. Потом занесёте в отделение Бабе-яге, она вам ватрушку даст. По рукам?

— С превеликим удовольствием, батюшка участковый! Чего ж не отнести-то? — Дьячок привычно разложил бумагу на колене и несколько неуверенно взялся за кисть. — А то я гадал, зачем царь вам это всё отправил. Ну вот, хоть принадлежности писчие сгодились. Глагольте!

— Э-э... «Бабушка, не волнуйтесь, мы с Митей в тюрьме. Пусть Еремеев за всем присмотрит. Казнь вечером, так что на ужин не ждите». Вроде всё?

— Что-нибудь ласковое в конце, — с укоризной подсказал мой младший сотрудник. — А то суховато как-то, обидится, пожилой человек...

— Да, разумеется, допишите ещё: «С наилучшими пожеланиями счастья, здоровья и любви, всегда ваши Никита и Митя!» Так хорошо?

— Так лучше, — кивнули они оба, и дьячок развернул записку ко мне, чтоб я проверил текст. Всё верно, без ошибок, толковый парень, нам такие в отделении всегда нужны. Надо не забыть переманить, как срок отмотаем.

— А государю ничего передавать не будете?

— Нет. Доложи, что всё исполнил, как велено. Можешь даже письмо Яге ему показать, пусть прочтёт, — подумав, разрешил я.

Паренёк отвесил поясной поклон, сунул записку за пазуху и вышел.

* * *

Мы снова остались одни. Ситуация глупейшая — сидим, связанные, в какой-то занюханной камере и ждём «суда несправедливого». Милицонеры, блин! Борцы за справедливость и законпорядок! Довоевались... Я уж не говорю о том, что мне после обеда Олёну с обозом встречать! Где же, блин, царь?!

Засовы вновь лязгнули, мы вытянули шеи, но в темницу вошёл не Горох, а его дражайшая половина. Заботливая Лидия Адольфина Карпоффгаузен по-немецки извинилась за то, что без приглашения, и начала бодренько выставлять из принесённой корзины разнообразные вкусности. Ладно, тоже приятно.

— Я могу фас разфясать. Ви не будете от меня убегать, я?

— Натюрлих, Лидия Карповна, — с акцентом, но довольно бегло откликнулся Митяй. Всё-таки не зря он в Немецкую слободу шастает, нахватался помаленьку...

— Горошек ошень-ошень-ошень сердит, — печально рассказывала матушка императрица. — Ви мне есть настоящий дрюг, герр участковый, я это всегда ценить и говорить налицо, но... Но мне кажется, ви сегодня перешли граница... рубеж... фассальной ферности, найн? Я буду ходотаить за фас обеих!

— Обоих, — поправил я.

— Твоих сразу, — согласилась она, довольно ловко перерезая «ножом для сампуку» верёвки на моих запястьях.

На моём напарнике узлов было больше, с ним пришлось повозиться, зато потом спокойно уселись прямо на полу, без чинов и регалий, разложили сосиски, хлеб, копчёный шпик, стопочки под шнапс и как-то совершенно незаметно разговорились. Начали с чего-то вовсе нейтрального, вроде я сказал, что пробовал в Москве немецкое пиво, но никогда не ел рульку по-баварски. Царица Лидия тут же пообещала заказать её ближайшим обозом из Германии, а Митька заявил, что у Кнута Гамсуновича в слободе «энто дело подають с кислой капустой и гороховым пюре», чё возить-то?

Слово за слово, ещё по стопочке, с кулинарии перешли на внешнюю и внутреннюю политику, с неё на личную жизнь женщины до брака и в браке, на перспективы образования современной молодёжи и создания развёрнутой программы содействия пенсионерам с отклонениями в психике. Отвлеклись, только когда в дверь постучали...

— Кто есть там нам мешать?

— Энтшульдиген зи битте. — В нашу уютную темницу с извинениями заглянул немецкий посол, Кнут Гамсунович. — Не помешаю, господа? Я слышал о вашем аресте, герр Ивашов, и не мог не попытаться прийти сюда, дабы выразить свой протест царским призволом и ещё раз подчеркнуть моё искреннее уважение вашим поступком!

— Каким именно? — чуть смутился я.

— Как?! — столь же искренне смутившись, поразился посол. — Да весь двор только и говорит, как вы обругали русского царя матом за то, что он был недостаточно вежлив со своей же царицей!

Вступить за честь женщины перед венценосной особой способен не каждый. Увы, истинное рыцарство честь приводит в тюрьму или на плаху. Но я горжусь вами! Позволите?

Господин Шпицрутенберг извлёк из-за пазухи длинную узкую запечатанную бутылку с чёрной кошкой на этикетке и вопросительно подмигнул. Чистопородный немец, он уже так давно жил у нас в России, что если и не обрусел окончательно, то, по крайней мере, обычаи знал и умел поддерживать компанию. Митя охотно подвинулся, и дальнейшие разговоры пошли уже на четыре голоса. А мы хорошим людям всегда рады, даже в тюрьме!

Сравнивали церковную музыку в лютеранских храмах с нашим разноколокольным перезвоном, спорили о преимуществе голландского кроа камзолов, говорили об этнических конфликтах и пассионарной психологии шамаханов, о чём-то ещё. О, вспомнил, о том, кстати, что в длинной бутылке у посла оказалось роскошное вино, градусов на пять слабее

шнапса, зато на травах. То есть в лучших милицейских традициях — мы не пьём, мы лечимся!.. И лечились, пока в дверь не постучали ещё раз...

— Заходите! — громко предложил я, и все согласно кивнули. Почему нет? Может, у нас сегодня День открытых дверей в Бутырском изоляторе?!

На пороге стоял малость удивлённый дьяк Груздев — как уж его-то пропустила охрана, ума не приложу. К тощей груди Филимона Митрофановича уютно прильнула двухлитровая бутылка мутного самогона. Ну-у... главное ведь повышать градус, а не наоборот. И то со сладкого винца нас уже как-то повело...

— Государь послал, из человеколюбства христианского, проведать, не надо ли чего? А вы тут вона что, за спиной государевой?! — Но, заметив среди нас гордо выпрямившуюся царицу, опытный скандалист мгновенно сменил тон. — Но ить с матушкой Лидией Карповной, оно конечно, можно. Она ить, головушка светлая, лебёдушка белая, небось стыдить пришла души ваши заскорузлые, а я и...

— Да присаживайтесь! И бутылочку давайте на общий стол, раз уж принесли...

— Не тебе нёс, мент соломенный, — взвился было дьяк, но опять-таки в мгновение ока сменил тон. — Однако же за-ради честной компании с каким змием не помиришься. Угощайтесь, люди добрые, пейте, аки кровь мою, чистую... Не сам гнал, но где брать — ведаю!

В принципе мы все были уже более чем чуточку хорошие, а после второй или третьей стопки и наш долгополый представитель жеребьячьей породы тоже вдруг оказался не самой распоследней сволочью. Филимон Митрофанович охотно припомнил свои летние похождения в Подберёзовке, сам первым визгливо хихикая над собственным, едва не состоявшимся «бракосочетанием», от которого его удержало единственное здоровое опасение — получить Митеньку в пасынки. Мите, как вы понимаете, такой отчим, как дьяк, тоже глубоко не в радость, поэтому пили за то, чтоб «всем было хорошо и никому не обидно...».

— Мне обидно, — глухо раздался чей-то жалостливый голос от дверей.

— Горошек?! Это есть ты? — Матушка государыня мигом обернулась к пришибленному судьбой царю. — Зачем тебе так скучать, иди к нам! Ми тут... слегка и по чуть-чуть... То есть нам уже почти весело, но без тебя... как-то...

— ...Не то! — дружно поддержали все мы.

Горох выдохнул, махнул рукой, дал какие-то распоряжения стрельцам по ту сторону дверей и решительно присоединился к нам. Как я понимаю,

казни сегодня не будет. Митькина схема группового воздействия сработала на все сто. Осталось дожидаться повышения в звании и шубы с царского плеча. А в темницу быстренько доставляли чистую скатерть, перемену горячих блюд, сёмгу и чёрную икру, закуски и разносолы...

Короче, мы с Митей удрали первыми. Остальные уже вовсю пели, обнимались, клялись в вечной дружбе и взаимном уважении, так что на наше исчезновение особого внимания не обратили. Своего младшего сотрудника я уволок практически за шиворот (ему пить нельзя — кодируй не кодируй!), а мне ещё Олёну встречать — вдруг она с большим багажом? Митька в этом плане бесплатная тягловая сила.

— Хорошо ещё, Бабуленька-ягуленька нас спасти не откликнулась, — значимо изрёк он, когда охрана задними калиточками вывела нас с царского подворья.

— Что, кстати, странно, — отметил я, поддерживая разговор. Обычно наша эксперт-криминалистка себя долгими сборами не утомляет — прилетит на ступе и забомбит весь гороховский терем на фиг! А тут... даже Ваську с напильником не прислала...

Но хуже всего оказалось известие, что так долгожданный мною обоз прибыл ещё два часа назад. То есть, заигравшись с Горохом в «тюрьму», я безбожно опоздал на встречу с любимой девушкой! На Гостином дворе разгружали последние телеги, иностранцы, примкнувшие к нашим купцам ещё от северной границы, уже разошлись по своим посольствам и торговым домам. Мой верный напарник пошнырял туда-сюда, что-то понавывспрашивал, кому-то поугрожал, где-то выцыганил настоящий французский круассан и вернулся ко мне с подробным докладом:

— Прибыла пассия ваша разлюбезная! Добралась в цельности и сохранности, в пьянстве по дороге не замечена, себя блюла, одному обозному аж ухо открутила за намёки безобразные. Вон на той скамеечке цельный час сидела, как лапушка, всё вас выглядывала. Потом всплакнула вроде, да и пошла в отделение...

— Куда? — не сразу поверил я.

— Дык... в отделение, ясное дело, — недоумённо пожал плечами Митька. — Дома-то у неё здесь нет, жить негде, вот она со своим сундучком к вам на работу и направила. А чё не так-то? Вроде всё логически обоснованно... Вы куда, Никита Иванович?! Я ить ещё не всё рассказал-обозначи-и-ил...

А-а, в задницу этого умника с его расширенным словарным запасом! Меньше знал, так хоть не лез везде со своим «логическим обоснованием»! Остатки хмеля сразу улетучились из моей буйной головы. Я рванул с места

и нёсся вперёд, как милицейский «уазик», поднимая тучи пыли и со скрежетом тормозя на поворотах. Если в нужных местах бежать очень быстро, а потом совсем не бежать, то есть идти вразвалочку, с ленцой, то народ подумает, что это я так, дурью маюсь, и помогать не кинется. Тут главное — опыт и знание психологии, в противном случае к отделению я бы вылетел в сопровождении как минимум сотни не очень занятых горожан. С Митькой потом объяснюсь, а сейчас главное — не допустить столкновения Олёны и Яги! Однако по бледным лицам вытянувшихся стрельцов нашей команды я понял, что второй раз за сегодня катастрофически опоздал... Нет, ну что за день, а?!

— Еремеева ко мне!

— В тереме он, батюшка участковый, — тихо шепнули стрельцы. — Как девица твоя внутрь вошла, так и он следом отправился. Пропавшая душа...

— Это почему ещё? — внутренне похолодел я.

— Да уж так, предчувствие... — скорбно перекрестились оба бородача. — А нам пост покидать нельзя. Фома Силыч, прими его Господь, очень уж строг на энто дело.

— Тьфу на вас, болваны! — не выдержав, рявкнул я. — Развели тут демагогию на пустом месте... Сейчас должен Митя подойти, скажете, чтоб в дом шёл. А кроме него, никого сюда не пускать! Карантин у нас в отделении.

— Чаво?

— Карантин! Ангина! Чума! Холера и птичий грипп, вместе взятые, ясно?!

Не в силах больше тратить свои нервы ещё и в воротах, я решительным шагом пересёк двор и бодренько взбежал на крыльцо. Дверь открывал так осторожно, словно с той стороны была привязана граната. Сени встретили меня гробовым молчанием. Ладно, разберёмся, не в первый раз...

— Всем привет! Не ждали? А я от царя, вот только-только из тюрьмы... — бодро проорал я, бочком входя в горницу.

Немая сцена — на скамье сидит мрачный, как ноябрьская туча, кот Васька с ароматной кружкой в нетвёрдой лапе. Ароматной потому, что иначе не скажешь, запах валерьянки едва ли не валил с ног. Плечом к плечу с Васей, счастливый до умопомрачения, домовый Назим с уполовиненной бутылью чего-то азербайджанского крепкого. Морда сияет почище бабкиного самовара! Причём ни моей невесты, ни моей домохозяйки нигде не видно. Зато на столе лежит высокая шапка стрелецкого сотника и...

Прошу прощения, вообще-то не лежит, а перемещается по столу неровными, короткими движениями с приглушённым негодующим кваканьем. Вопросов нет. Та-ак...

— Где Олёна?

Пьяный кот молча указал когтем наверх. Ясно, в моей комнате.

— Где Яга?

Столь же нетрезвый Назим, хмыкнув, кивнул в сторону комнатки моей домохозяйки.

— А... это Еремеев, да?

Кот и домовый покосились на прыгающую шапку и церемонно чокнулись в знак согласия.

Очень-очень-очень длинную минуту я думал, куда пойти в первую очередь? Ну Фома подождёт, ему всё равно деться некуда, а вот женщины... Поднимусь к Олёне — гарантированно задержусь там надолго, потому что надо объяснить, почему опоздал, попросить прощения за то, что не встретил, и хотя бы вкратце выслушать, что тут произошло. Пойду к Яге — придётся час распинаться в извинениях, требовать расколдовать попавшего под горячую руку сотника и ещё час выслушивать бабкины вздохи, всхлипы, слёзы и укоры. Какой у меня выбор, а?!

— Этого стеречь и не выпускать! — игнорируя призывное кваканье из-под шапки, приказал я и опрометью бросился вверх по лестнице. В общем, недалеко ушёл, потому что почти в ту же секунду врезался в широкую грудь моего верного напарника, входящего из сеней. Как кстати! — Митя, бабушка на тебе! Успокой, обними, утешь, объясни ситуацию, но в психоанализ не лезь — убьёт! Общий сбор за столом через пять минут, в остальном — действуй по обстановке.

— Рад стараться, Никита Иванович! Ужо не подведу, отец и благодетель!

Вот не люблю я, когда он так говорит, но поздно, ноги сами несли меня наверх, а сердце пело от предвкушения долгожданной встречи с любимой...

* * *

Олёна явно слышала мои шаги и встретила меня почти на пороге. На мгновение мы просто встали лицом к лицу, едва ли не касаясь друг друга, и молча пытались хотя бы посмотреть глаза в глаза... Я понял, что безумно

её люблю, что искал именно такую, что никогда и ни на кого её не променяю, что хочу видеть её каждый день, каждый час, каждую минуту своей жизни!

— Родной...

— Да, любимая... Прости, я...

— Я понимаю...

— Но... честно...

— Я тоже, я...

— Вот тут и...

— Да...

Я развёл руками, демонстрируя свои скромные апартаменты, она улыбнулась и кивнула. Со стороны наш диалог, наверное, выглядел до безобразия содержательным. Плевать! Без разницы! Кому какое дело? Главное, что я смотрел в её глаза и видел, что она меня понимает. Значит, любит... И я её люблю. Она сделала шаг вперёд, молча прижавшись лбом к моему плечу.

Дверь едва слышно скрипнула. Я скосил взгляд — в узкой щели горел зелёный кошачий глаз и слышалось пьяненькое хихиканье. Потом глаз исчез так резко, словно Ваську оттащили за хвост. В дверь подчёркнуто вежливо стукнули, и краснеющий за поступок друга домовый церемонно объявил:

— Абэд! Все ждут. Как брата прашу, старался очень, да?!

— Я не пойду, — быстро откликнулась Олёна. — Там что-то с бабушкой вашей... страшное. ТАК на меня посмотрела... Я тебя здесь подожду.

— Успокойся, ты же со мной, — как можно увереннее произнёс я. — Назим, Яга внизу? Как она?

— Как роза! — широко улыбнулся он во все тридцать два зуба, а может, и больше.

Повезло мужику... Я раньше, грешным делом, думал, что он нашей домохозяйкой восхищается, чтоб работу получить и в столицу переехать. Но нет! Этот азербайджанец был влюблён абсолютно искренне и честно, не придерёшься, только позавидовать...

И всё-таки вниз идём вместе, не хватало ещё, чтоб бабка на нервах не решила, что мы с ней теперь за один стол не сядем.

— Первым иду я, держись через две ступени за спиной. Заметишь вспышку — пригнись! Если ничем не заденет — уходи огородами к царю, Лидия Адольфина тебя прикроет. Обо мне не думай, я выберусь... но если...

— Родной, ты о чём вообще?! — на мгновение вытаращилась бывшая бесовка.

Действительно, о чём это я?! Мы же не на войне, а в любимом отделении. Всё будет замечательно! Просто день не задался с самого утра, как вспомню...

И вот он — момент истины! Внизу за столом Баба-яга, во всём строгом, прямая и величественная, как Эйфелева башня. Напротив на лавке чёрный кот Василий — уже трезвый и потому злой, как чукча в полярную ночь в ожидании безбожно опаздывающего вертолёт геологов. Назим растворился, как коричневый сахар в бакинском чае с чабрецом. Мити нет! На столе между самоваром и пирогами потерянно стоит гордая стрелецкая шапка Фомы Еремеева, но кваканье из-под неё разносится уже явно на два голоса. Ясно, тут и без особой дедукции никаких дополнительных вопросов не возникает...

— Добрый день, не помешаем? — всходя на первую ступеньку эшафота, бодренько поинтересовался я.

— Отчего ж, Никитушка, присаживайтесь, али я так похожа на тигру какую незаконную?! — столь же жизнерадостно, с нотками истерии в голосе, ответствовала наша эксперт-криминалистка.

Мы с моей невестой как можно осторожнее присели на скамью на противоположном конце стола. Обоюдное молчание провисло, отдавая металлическим звоном и запахом пороха. По сути, не хватало только одной искорки.

— Бабушка, нам надо поговорить. Разумно и серьёзно, как взрослым людям с жизненным опытом и трезвым взглядом на вещи.

— Давай, Никитушка, не томи. Добивай меня, старую...

— Ещё раз подчёркиваю...

— Не надо, родной, я сама, — вступилась Олёна, и это была последняя роковая ошибка. Яга отреагировала на подавшую голос девушку, как испанский бык на тореро в красных семейных трусах. Я помню, что ещё как-то успел встать, заслоняя собой любимую, а у моей домохозяйки глаза сошлись в две узкие синие щёлочки, из которых вот-вот должны были вырваться молнии, как...

— Прощенья просим, гражданин участковый! — раздалось откуда-то с высоты небес. — А только дело у нас неотложное. Заявление в твою милицию имеем!

В дверях совершенно открыто, не прячась, грудью вперёд (то есть абсолютно не сообразуясь с требованиями техники безопасности) стояли двое представительных мужчин. По внешнему виду купцы, и скорее всего

даже братья, вполне обеспеченные, но явно не наши, не лукошкинские. Наши к бабке без поклонов и носу не сунут, знают, что почём...

— Э-э, присаживайтесь, граждане. — Я откашлялся и жестом пригласил посетителей за стол. — Прошу извинить некоторую неформальность обстановки, у нас тут... плановое совещание, но... в принципе...

— Служба превыше всего, — взяв себя в руки, со скрипом сдалась Яга. — Уж мы, бабы глупые, небось мешать не будем, тихохонько в уголочке посидим. Так ли, Олёнушка?

— Конечно, бабуленька, — столь же медово откликнулась моя невеста. Прямо нежная любовь свекрови и снохи, аж слезу вышибает от умиления! Уже только поэтому я не верил им обеим ни на грош.

— Благодарствуем. — Купцы переглянулись и чинно присели на широкую скамью. — Дело наше важное и непростое будет. Возчик у нас по пути помер, аккурат за два дня до столицы вашей.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил я, раскрывая блокнот.

— Преставиться? — не поняли гости. — Так ить мы о том и толкуем, возница наш преставился. Не мы! Мы-то, слава те господи, живёхоньки.

— Фамилии ваши?

— Анисимовы, Фрол и Севастьян, — важно кивнул тот, что постарше. Значит, всё-таки братья. — Дело торговое ещё от деда ведём, а он от прадеда. Торгуем, стало быть, с иноземцами всякими разными медью да тканями, а также и тем, что законом указано...

— Будет врать-то, — не поднимая глаз, вставила бабка.

— Ну и неуказанным товаром тоже грешим, — не меняя тона, согласились купцы. — Однако с рассудком, совесть имеем и на церковь жертвуем. Так что с возчиком-то?

— А что с ним? Как именно умер? Какие соображения заставили вас считать, что со всем этим непременно стоит обращаться в милицию? — спросил я.

В горнице повисла напряжённая тишина... Что-то клинит меня сегодня, день тяжёлый, с самого утра пошёл не туда. Попроще надо с людьми, а я как не на работе...

— Прошу прощения, граждане. Не могли бы вы всё рассказать по порядку и поподробнее. Как звали покойного? При каких обстоятельствах умер? Что именно в его смерти показалось вам подозрительным?

— Про то пусть братец мой младший ответит, у него язык лучше подвешенный, — успокоившись, кивнул старший бородач.

— Стал быть, возница из обозу нашего помер, — охотно пустился

живописать второй купец. — И нехорошо, стал быть, так-то помер, неопределённой смертию. Вечор ещё живёхонек был, песни орал, дорогу оглядывал, с девками шутки шутил. На привале скотину распряг, обиходил, отужинал, стал быть, прилёг вроде...

— В каком смысле «вроде»?

— Ну вроде спать лёг, под телегою, как все, а наутро, стал быть, видим — нет его! Уж искали, кричали, а он, сердешный, аж едва ли не за полверсты по дороге вперёд ушёл, да и висит себе на берёзке. Стал быть, весь мёртвый.

— Повесился, что ли? — не понял я.

— Как можно, это ж какой грех будет?! — сурово вздохнул старший купец. — Просто так он висел, поперёк ветки, холодный уже.

— На теле были следы насилия — раны, ушибы, порезы?

— Стал быть, ничего подобного и нетути! — опять включился младший. — Мы ж люди опытные, не один год с обозами ходим, и народец у нас отчаянный — от любого разбойника оборониться сможет. А тут уж, стал быть, ни единой царапинки. Тока одному Богу и ведомо, как душу отдал.

— Где тело? — Переглянувшись с Ягой, я понял, что дело заводить придётся, не отвертимся.

Тело несчастного возчика, именуемого, как выяснилось в дальнейшем, Николаем Брыкиным, купцы с берёзы сняли и в сохранности доставили в Лукошкино. В данный момент оно находилось на Гостином дворе, в подвалах со льдом и солью. Так, экспертизу проведёт бабуля, Митьку отправим побеседовать с другими людьми из того же обоза, а братьев Анисимовых пока можно отпустить. Они свой гражданский долг выполнили.

— Спасибо за бдительность, граждане. — Я встал и, прощаясь, пожал руку каждому. — Мы непременно разберёмся в причинах таинственной гибели вашего работника. Если вспомните ещё что-нибудь важное или вдруг кого-то подозреваете, то милости прошу, сразу к нам!

— Подозреваем? — едва ли не в одну секунду вскинулись купцы. — Дык ведь вот она, девка эта приبلудная! Из-за неё небось Брыкин и сподобился... Она-то и есть!

— Что за бред? — не успел даже толком удивиться я, когда понял, что взгляды всех присутствующих сошлись на моей невесте. Олёна молча опустила ресницы. Спокойствие, только спокойствие. — Разберёмся. Все свободны, ещё раз спасибо.

Я собственноручно, не чинясь, вытолкал обоих представителей

торговой братии взашей. После чего встал перед нашей эксперт-криминалисткой и вопросительно выгнул бровь.

— Ладно уж, покуда дело не закроем, друг на дружку голос не поднимать, — мрачно согласилась она. Я изогнул другую бровь, дав предыдущей расслабиться.

— Расколдую обоих, а тока нечего было им... — буркнула бабка, достала с полки глиняную баночку, выудила оттуда горсть голубоватого порошка и не глядя сыпанула под стрелецкую шапку. Надо приметить эту баночку, сообразил я, вдруг самому придётся расколдовывать в отсутствие Яги. Мгновением позже на столе в обнимку сидели Митя и Фома.

Еремеев ушёл молча, перекрестился сначала, поклон поясной отвесил, а потом уж бросился вон так, что едва дверь не вынес. Митька только чихнул и остался, он у нас к превращениям привычный — и щенком был, и петухом, и теперь вот лягушкой. Разве что в инфузорию его пока не превращали, и то лишь потому, что наша старушка и слова-то такого не знает.

* * *

Обедали все дружно, за одним столом. Особых разговоров не вели, шуток и подколов избегали, держались негласно избранной английской линии поведения. Разговорились лишь за чаем, но ОЧЕНЬ осторожно...

— Я так кумекаю, прав ты, Никитушка, — отодвигая от Олёны земляничное варенье, начала Баба-яга. — Не след нам шумиху поднимать, дело заводить, покуда я самолично на энтот труп не налюбуюся.

— А мне, сироте, как водится, служба грозная да опасная, — торжественно приподнялся Митенька, мизинцем левой руки быстро перемещая плошку с вареньем на свою территорию. — Небось ить опять в кабак пошлёте, купцов заезжих слушать, работников ихних спаивать, на рогах до дому ползти информации секретной ради? Так согласный я!

— Сначала нас с бабушкой на Гостиный двор отвезёшь, — сухо напомнил я, легко уводя от него варенье. — Если что понадобится — подождёшь у входа.

— Но ить в кабак и впрямь надо, — с тоской провожая взглядом уже недостижимую плошку, заметила Яга. — Пуцай уж сходит мальчонка, а супротив искушения алкогольного я ему прямолинейно посодействую.

В ту минуту варенье начало само перемещаться в бабкину сторону и убежало бы, не перехвати его Олёна ложкой.

— А мне что делать доверите? — скромно спросила она. — Я без дела сидеть непривычная.

— Да вот хоть Назимушке по хозяйству поможешь. Полы отскоблить, за скотиной убрать, бельё перестирывать, горшки перемыть, двор подмести, печь побелить, забор покрасить, трубу прочистить, мало ли забот!

— А как управлюсь...

— ...можешь ехать на бал, — тупо кивнул я. — Платье и хрустальные туфельки тебе выдаст добрая фея в лице кота Васьки. Прости, любимая, но купцы Анисимовы указали на тебя как на главную подозреваемую. Давай ты пока действительно не будешь покидать отделение.

— Это я под арестом, что ли? — капризно надула губки моя невеста. И сделала это очаровательно! Но Ягу всё равно не проняло.

— Уж не взыщи, милая, а тока сидеть тебе дома до результатов следствия. Хотя и имей в виду, я тя виноватою нипочём не считаю! Даже ежели и впрямь ты возницу этого ухайдакала... Одним мужиком меньше — невелика потеря! Так-то вот.

— Бабуль, вы чего?! — вытаращились мы с Митей.

— А из-за женской солидарности!

Ну если наша эксперт-криминалистка знает такие слова и идёт с таких козырей, то крыть нечем. Остаётся командовать:

— Опергруппа, на выезд!

Митя, резво вскочив на ноги, подхватил бабуку под мышку и с самым решительным выражением лица ринулся из горницы. Стрельцы храбро догадались распахнуть ворота — бабкин визг и матюги стихли быстро, примерно со скоростью Митькиного бега.

Я, как капитан, покидающий судно последним, неторопливо встал из-за стола, собрал бумаги в планшетку и только у самых дверей обернулся к Олёне:

— Ты ведь здесь ни при чём?

— Многие видели, как он рядом шёл, да не более, — уже гораздо строже ответила Олёна. — Руки он разок распустить попробовал, да потом до вечера раскорячкой ходил, на меня дружкам жалился. Дескать, хоть и красива девка, да глупа и достоинство мужское коленом ушибила. А ты что, им поверить готов?!

— Я тебе верю. — Мне удалось только обнять её на прощанье. — Прости, родная! Долг зовёт, такая служба.

— Да уж знаю... Возвращайся побыстрей! А я домом займусь, чтобы

вашей бабушке по сердцу прийтись.

— Ты у меня чудо! — уже из сеней крикнул я. — Назим, прими всё к сведению, укажи задачу, проконтролируй, ну и всё такое... Да, узнаю, что моей невесте глазки строил, на пятнадцать суток упеку!

— Э-э, падумаешь... — презрительно раздалось из-под печки.

Я не поленился вернуться и добить:

— Расскажу Яге!

— Щуток не панимаэш, да?! — явно перепугался он. Психология — знаем, чем кого достать, опыт есть...

Дежурные стрельцы у ворот доложили, что Еремеев направился домой, на службу выйдет утром, не раньше, травма у него душевная. Даже убегая, подпрыгивал по-лягушачьи — жуткое зрелище! Ладно, перед Фомой извинюсь, да Яга бы и сама извинилась, если бы он подождал пару минут, а не рванул с места на третьей крейсерской. Бабка у нас порядочная, виновата — извинится, не примешь извинения — тебе же хуже.

— Ты сам-то куда, сыскной воевода, может, охрана нужна?

— Да, в общем, нет... На Гостиный двор пройду, думаю, наши уже там.

— По сути, Яге на экспертизу надо не более получаса, если пойду неторопливо, как раз успею к окончанию. Погода хорошая, вечер близко, народ сворачивает торговлю и работу, на улицах тихо и уютно...

Да, прижился я здесь. Москва, конечно, до сих пор периодически снится, но тоски нет. Ничего я не потерял, переселившись волей неизвестных сил в это сказочно-лубочное государство. Как-то спокойнее здесь... Нет, честно! Преступности хватает, жизнью и погонами рискуем ежедневно (один Кощей чего стоит), но... душа на месте! Именно на месте, иначе не скажешь!

Здесь всё русское, родное, исконное, своё. И все живут одной семьёй, отделением, слободой, городом, без разницы. Шмулинсон, Кнут Гамсунович, домовый Назим, торговец Кирокосьянц, Лидия Адольфина, Яга, Митя, дьяк, царь, я — мы все лукошкинцы. Это так... правильно, что ли?! Правильно. Не должно быть по-другому. На моём участке. Поэтому назад не хочу. Всё моё здесь, и настоящее, и будущее в лице Олёны, она теперь тоже — наша.

До Гостиного дошёл быстро, как-то задумался и забыл, что спешки нет. По пути ещё раз пять успел выслушать «ужо прими на свадьбу в подарок, да не побрезгуй, отец родной, батюшка участковый!». Благо что непосредственно сейчас никто ничего всучить не пытался, ограничивались обещаниями. Моего младшего сотрудника не застал, но, судя по тому, что в

сторону квартала питейных заведений ещё не улеглась пыль, промчался он здесь недавно, не более двух минут назад...

Бабу-ягу тоже нашёл быстро. Мальчишки, помогающие конюхам, указали, где склады братьев Анисимовых. Дальше проще, двое сумрачных молодцов, глянув на мою форму, безропотно уступили дорогу и сопроводили в один из сараев. Там на деревянной скамье, под простой холстиной лежало вытянувшееся тело. Наша эксперт-криминалистка в глубокой задумчивости почёсывала бородавку на подбородке. Хороший признак — причина смерти найдена, и одновременно плохой признак — дело нешуточное.

— Заходи, Никитушка, — вяло приветствовала меня она. — Недолго нам с тобою тут быть, нашла я разгадку-то.

— Понятно. Что записывать?

— Пиши так... Возница Брыкин и впрямь нехорошей смертью помер — всю жизнь из него одним поцелуем высосали.

— Поцелуем?! — не понял я.

— Им самым, — не особо вдаваясь в объяснения, продолжила бабка. — Потому и ран на теле нет, и само тело ровно пушинка, не весит почитай ничего. Сам попробуй...

Я автоматически сунул руку под поясницу покойного и едва не ахнул — труп весил не более килограмма! Ей-богу, не вру! Вот умом понимаю, что в любом случае кости, мясо и всё такое, в любом случае тело умершего не должно быть таким необъяснимо лёгким.

— Это же против всех законов природы!

— Именно что природы, — поджав губки, согласилась Яга. — Нехорошее дело с ним сотворили, Никитушка, и уж поверь мне, старой, даже я о таком злодействе бесчинном отродясь ничего не слыхала. Не наше оно.

Я откинул холстину и посмотрел в лицо усопшего. Оно было благообразно-улыбчивым, что пугало ещё больше. Выходит, гражданину Брыкину нравилась собственная смерть или, точнее говоря, сам процесс расставания с жизнью. Как такое может быть?

— Ваше мнение?

— Ну не Олёнка твоя, это уж точно. У ней ни сил, ни мощи колдовской, ни знаний богопротивных нету, — всерьёз призадумалась честь и гордость нашего отделения. — Поди, кто иной с обозом шёл, личиной человеческой прикрываючись. Может, мужик, а может, и девка, про то не ведаю. Но всем нутром чую, ох и добавит нам энтó дело боли на всю голову.

— Кощея подозреваете?

— Его завсегда подозревать не грех. А только наверняка уже не поручусь, он-то обычно чего попроще выдумывает.

Вот в общем-то и все результаты предварительной экспертизы. Допрашивать волос, зуб или ещё какую часть покойника Баба-яга категорически отказалась — слишком неестественная смерть, чтобы так легко разрешить задачу. Хорошо, мы не ищем лёгких путей. Пойдём самым сложным, впрочем, как и всегда...

С Гостиного двора возвращались, как в лучшие времена — под ручку. Бабка ещё предупредила охранников, что возницу можно хоронить, дальше держать его в сарае ни смысла, ни повода нет. По дороге ни о чём особенном не говорили. Я разве что коснулся темы своего утреннего визита к царю, уточнил, передал ли молодой дьячок записку. Оказалось, передал, куда он денется, за то и ватрушку требовал. Но, раскинув карты, бабуля сочла, что ничего фатального нам не грозит, сами выкрутимся, вот и не суетилась. Может, и врала — какая разница, выкрутились же?!

— Вечереет, Никитушка, не заглянуть ли нам в кабак следственного интересу ради? — как будто бы невзначай предложила Яга.

— Хорошая мысль, заодно и Митьку заберём, — подумав, согласился я. Дураку понятно, что сразу домой старушка идти не хочет, потому что там вовсю хозяйничает другая. Прямо комплекс свекрови, на всё лицо. Тогда уж действительно лучше сначала в кабак.

Их у нас несколько, в зависимости от сервиса, кошелька и статуса посетителей. Наш младший сотрудник мог направиться только в один, традиционно посещаемый возчиками, конюхами и мелкой шушерой, вечно толкущейся у Гостиного двора. Местечко умеренно-криминальное, я сюда пару раз заглядывал, хозяин вёл правильную политику взаимодействия с органами правопорядка, соответственно и мы закрывали глаза на мелочи типа недолива, разбавления, обвеса или обсчёта нетрезвой клиентуры. По крайней мере, драк, грабежа и убийств здесь не допускалось никогда. Уже немало, согласитесь...

Митю обнаружили почти сразу, наш увалень сидел мрачней тучи, очень похожий на маленького ребёнка, вусмерть обиженного детсадовским Дедом Морозом с фальшивой бородой. Знаете, приходят такие, обещают едва ли не настоящий танк за прочитанный стишок с табуреточки, а в результате суют засохший чупа-чупс...

— Чего один сидишь? — Мы без приглашения разместились за тем же столом на отполированной задницами скамье.

— Будешь тут один...

— Выяснить что-нибудь удалось?

— Да уж, выяснишь тут...

— Митя, в чём проблема?

— Это вы меня спрашиваете?! — уже в голос возопил он, поднимая на бабу полные слёз глаза. — Энтю вы вон у неё спрашивайте! У экспертизы нашей бессменной, хранительницы чести милицейской и морального облику блюстительницы! Её заботами от меня весь честной народ шарахается!

Баба-яга пальчиком поманила официанта (по-здешнему полового).

— Чего изволите-с, бабушка?

— Ты говори, да не заговаривайся! — пристукнув костяной ногой, рывкнула бабка. — Кому, может, и бабушка, а тебе — милицейский сотрудник. А ну подать сюда хозяина, три рюмки водки разной и на закуску чего всякого, сам сообразишь небось.

— Прощенья-с, просим-с! Не признал-с, туп-с и глуп-с! Сей момент всё будет, как велено-с!

Половой крылато с разворотом унёсся на кухню, а мой младший сотрудник, едва не рыдая, расписывал мне, скольких полезных информаторов он упустил только из-за того, что возможности пить лишён напрочь! И всё это благодаря заботе своих же старших товарищей.

— Ваша работа? — шёпотом поинтересовался я.

— А то чья же, Никитушка, — не поднимая глаз, ответила наша специалистка по заговорам и колдовству. — Каюся, переборщила чуток, колданула, покуда мы до двора Гостиного мчались. Я ить хотела, чтоб он не напивался погонами в лужу, свиней пузырями веселя, а пил умеренно...

— Никита Иваныч, будьте судьёй праведным! — возопил всё слышащий Митяй, нагло цапнул с соседнего стола рюмку водки и демонстративно поднёс ко рту. Рука делала самые замысловатые движения, абсолютно не сообразуясь с волей хозяина и тщательно обходя причмокивающие Митькины губы, после чего аккуратно вернула рюмку откуда взяла.

Мой напарник рукавом смахнул слезу и уставился на меня — ну, каково?

— Представляю, как тут от него народ шарахается, — сухо намекнул я Яге. Такая клоунада у нас в России может вызвать разве что сострадание или раздражение, но никак не желание сотрудничать с органами.

— Да, я лишкухватила, — спокойно огрызнулась бабка. — А какого ж он меня на старости лет на своём горбу через всё Лукошкино гузном кверху вёз?! Мне ить тоже небось обидно...

— Пожмите руки и помиритесь, перед людьми неудобно.

Яга и Митька, не глядя друг на дружку, хлопнулись ладонями.

— Где возчики с Гостиного?

— Вон там-с, кушают-с, — на ходу откликнулся половой, кивком головы указывая на тесную группу из десяти крепких мужиков.

— Митя, фас! Бабуля, расколдуйте...

Через пару минут компания охотно приняла в свои ряды начинающего психолога с мудрёными тестами и двумя пятилитровыми бутылками сорокаградусной на кедровых орешках. Дело он знает, справится.

* * *

— Какие дорогие гости к нам пожаловали! Позвольте ли? — К нашему столу подсел хозяин заведения гражданин Грымов. Хороший дядька, и деловой, и без нахрапа. — Вы к нам по делу али просто по-соседски?

— Скорее по-соседски, — ответил я, пока нам быстренько стелили чистую скатерть, ставили закуски и мутные стопки. — Еремеев докладывал, у вас тут бандитские разборки на неделе пытались провести?

— Было такое, налетали соколы залётные, — качнул бородой хозяин. — Да тока мы в казну налоги исправно платим, вот и стрельцы твои милицейские вовремя прибыли, не дали в обиду. Уж позвольте вас за то хоть ужином попотчевать. А может, и другим чем...

— Чем именно?

— Да уж не первый год на свете живу, Никита Иванович. Знаю небось, что сам сыскной воевода с парнем своим да Ягой уважаемую просто так в наши уголья и не заглянет. Брыкиным, поди, интересуется.

Мы с бабулей переглянулись и промолчали.

— Да о нём тут весь день народец нетрезвый судачит. Тока и разговоров о том, что анисимовский возница дурной смертью помер, а виновна во всём девка приبلудная, чернявая. У них вроде прямо любовь была...

Я покраснел и уже начал приподниматься, но твёрдая рука Яги утянула меня за ремень на место. Да чего это я в самом деле веду себя как мальчишка!

— Продолжайте, гражданин.

— А чего продолжать, другого-то и не ведаю, — с сожалением пожал плечами хозяин. — Да вы кушайте, кушайте! Ох и тяжела ваша доля милицейская... Весь город гудит, что у сысского воеводы свадьба на носу, а тут новые преступления. Суженая-то ваша тоже сегодня приехала?

— Угу, — осторожно кивнул я.

— Ну дык ежели столы у нас накрыть пожелаете — за великую честь почту! Уж не побрезгуйте. — Он сам с вежливостью наполнил нам рюмки и провозгласил: — Ну, дай вам Бог! Ещё повезло, что с невестой ничего не случилось, ей ведь в том же обозе ехать довелось? Говорят, молода она у тебя, красива, бровями да волосом черна и фигурою вся... такая... Ох ты ж, грехи наши тяжкие, не может быть? Нешто... она?!!

Мы с Ягой молча поставили невыпитые стопки на стол. Хозяин вытаращился на нас с очень нехорошими подозрениями, и я почувствовал, что мир рушится — наутро о причастности Олёны к убийству Брыкина будет знать всё Лукошкино. На карьере, работе и браке можно ставить жирный крест, всё летит коту под хвост...

— Вот те крест, Никита Иванович, я — могила... — выразительно осенил себя крестным знаменем гражданин Грымов. — Чтоб у меня борода отсохла, ежели кому хоть намёком, хоть полсловечка...

— Будь по-твоему, — столь же многозначительно ответила за меня бабка. — Благодарствуем, что посидел с нами, беседой развлёк, дальше и держать не смеем. А мы уж сами долго не задержимся, служба продыху не знает.

— Помогай вам Господь!

— И на том спасибо, а ты о словах-то своих не забывай. А я о них ой как помнить буду...

— Бабуль, надеюсь, вы ему ничего нигде не позаколдовывали? — нервно прокашлялся я, когда, чуть побледнев, хозяин кабака вернулся к себе за стойку.

— Растреплет он, Никитушка...

— Да, ситуация не очень красивая. Но и раньше времени в панику впадать тоже не будем. Угощаемся, даром, что ли, всё тут поставлено. Митька работает?

От стола заезжих возниц слышался хохот, мат, народные песни и непривычные для данного заведения термины: «психоанализ», «интерфейс», «креативный уровень» и «точняком, холерический типаж, чтоб мне опухнуть!». Значит, работает.

— Ну что, мы домой?

— Чёй-то тревожно мне, Никитушка, — раздумчиво протянула

лучший специалист нашего отделения (я без иронии!). — Душа не на месте и внутрих тянет эдак с жжением... Нет, не из-за Олёнки твоей, тут я погорячилась, признаю... Но извинениев приносить не буду! Всё одно мой терем, мои порядки! А она первая начала — мол, где веник, может, вам подмести чего?! Ровно у меня свинарник в доме али Назимка плохо свою работу блюдёт! Простите вы меня, дуру старую...

— Да бросьте. — Я с трудом унял дрожь в голосе. — Мелкое недоразумение, справимся, не в первый раз. Или вы из-за преступления этого? Так ясно же, что она здесь ни при чём.

— Кому ясно? — неожиданно нахохлилась бабка. — Мне неясно. Хозяину кабака вон тоже неясно. И купцам Анисимовым, и возчикам простым, никому не ясно, тока тебе!

— Но...

— Приставал он к ней всю дорогу, вот что доказательств не требует и всеми свидетелями подтверждается! Уж как она сама себя вела, про то не ведаю. Пущай даже в сохранности себя доставила, а людям-то в плохое верить легче... Заарестовал бы ты её, сокол ясный, от греха подальше. Ить, не ровён час, до царя слухи дойдут!

— И что?! — в свою очередь завёлся я. — Горох нас не выдаст, ещё и царица поддержит!

— То-то и оно, Никитушка, — совсем потерянным голосом откликнулась Яга. — И царь тебя прикроет, и матушка государыня, и стрельцы еремеевские, и друзья твои верные... А только что ж с того получится? Значит, невеста сысканого воеводы может любой грех сотворить и нет над ней суда? Так, что ли?!

Я молча опрокинул рюмку анисовой, поперхнулся, кое-как выровнял дыхание и встал. Пора. Бабка, вздохнув, поднялась следом. На Митьку мы и не смотрели, понятно, что он задержится здесь минимум до полуночи. Когда выходили из дверей, сзади раздался дикий мужской вопль. Мы обернулись — кричал хозяин кабака гражданин Грымов, позорно сияя гладким белёным подбородком и розовенькими щеками. Руками он потерянно сжимал некогда роскошную «отсохшую» бороду. Комментировать что-либо уже абсолютно не хотелось...

Впрочем, комментарии нам пригодились, когда мы неторопливо дотопали до родного отделения. Десять ночи, люди спят уже, а у нас иллюминация во весь двор и кипит всё, как на молдавской стройке. Стрельцы, без кафтанов и сапог, в штанах да рубашках, взад-вперёд с вёдрами носятся, территорию метут, баню топят, дрова рубят, крыльцо красят, трубу печную белят — у всех руки заняты! За исключением

шестерых молодцов в полной форме, с пищалями и раздутыми фитилями, осуществляющих самую бдительную охрану объекта. Фома на них нет...

— Здрав буди, сыскной воевода и бабушка твоя экспертизная! — дружно гаркнули бородачи, при виде нас в воротах дружно становясь в строй.

Я козырнул. Яга кокетливо кивнула, ей всегда приятно мужское внимание. Однако исподтишка, пытливым взглядом бабка щепетильно отметила наведенный к нашему приходу порядок.

— Все, кроме часовых, свободны! — громко оповестил я. — Передайте Еремееву, чтоб завтра был непременно. И... это... благодарю за внеурочный субботник!

— Рады стараться, батюшка участковый, — хором ответили все и бегом бросились по домам.

— Да уж, раскомандовалась бесовка твоя, — хмыкнула себе под нос наша бодрая старушка, входя в чисто прибранные сени. Придаться было не к чему, даже Митина лавка застлана чистым половичком, подушки уложены церковной маковкой, край лоскутного одеяла призывно откинут, и из-под него выглядывает соломенный зайчик. Умиление, да и только...

— Ежели она мне ещё и печь ромашками размалевала — как есть прибью!

Нет, печь была свежевыбелена и девственно чиста. Васька намывал лапкой гостей, горница сияла чистотой, на столе ждал накрытый рушниками ужин, выбритый до синевы Назим лучился улыбкой в уголке. Моя невеста, в новом сарафане, приветствовала нас поясным поклоном.

— Здравствуй, здравствуй, хозяйюшка, — поджала губки наша эксперт-криминалистка по всем вопросам. — Вижу, ладно у тебя всё устроилось, аж глаза слепит.

— Хозяйка здесь вы, — скромно опустила очи Олёна. Один-ноль в её пользу!

Бабка медленно прошлась туда-сюда, пристально выискивая недометённые пылинки.

— А кота покормить забыла небось?

Василий гордо выпятил сытое пузо.

Два-ноль!

— Ну что ж, Назимушка, чем сегодня потчевать будешь? Уж носом чую, как пироги ароматственно пахнут.

— Она готовила, — честно признался наш азербайджанский домовый. Три-ноль!

Яга с честью выдержала удар, покачала головой и, не притронувшись

ни к чему, направилась к себе в комнатку. Тихо прикрыла дверь.

Победа разом превратилась в поражение.

— Не угодила я ей. — Вздохнув, моя невеста опустилась на краешек скамьи. Я присел рядом, нежно приобнимая её за плечи.

— В том и проблема, что угодила. Бывает... Не переживай, всё устроится. У нас с тобой, к сожалению, есть другие, более серьёзные проблемы, чем временный микроклимат сотрудников нашего отделения.

Олёна удивлённо вскинула брови, и я добрых минут десять расписывал ей, что нам удалось выяснить в кабаке Грымова. Кстати, припомнил, как у последнего отпала борода. Бывшая раба Кощея, отданная ему в услужение ещё в детстве и успешно спасённая нами, раздумывала недолго:

— Счастье моё, суженый мой, вот только ещё хоть раз намекни, что у меня в обозе хоть с кем-то любовь была, и я сама от тебя уйду!

— Но...

— Не один Брыкин Колька ко мне под бок тулиться пробовал, не один он потом синяки от товарищей прятал. Уж коли сказала, что люблю и жизни своей без тебя, дурака, не мыслю, то на другого и взглянуть не могу. Не нужен мне никто, кроме тебя!

— Родная, я всё понимаю, но и ты пойми...

— Я буду стараться никуда не выходить.

— Что значит — будешь?

— Ну то и значит.

— Ты выходила сегодня из дома?!

— Но ты не говорил, что нельзя! Я только на базар и пробежалась, прикупила, чего надо к столу, не больше часу и отсутствовала... Да что ж там могло произойти-то?!

— Милая, — тяжело вздохнул я. — Очень на это надеюсь. Но поверь, если слух о твоей причастности к смерти того парня хоть как-то пойдёт по Лукошкину, на тебя начнут вешать всех собак, и мне просто придётся снять погоны. Невеста участкового должна быть вне всяких подозрений! А я от тебя не откажусь никогда...

— За что и люблю тебя, мой храбрый сыскной воевода, — тихо прошептала Олёна и потянулась ко мне губами.

За мгновение до того, как мы почти поцеловались, в дверь вломился пьяный в гавань Митя. Его канонические тексты остаются незыблемыми на все времена, при любой ситуации, времени года и политическом строе...

— Бат-тюшка... Н-к-та Иван-ч! Отец род-н-ной! Всё чё мог выяснил... Там тако-о-е... Но про всё завтра... а щас тс-с-с!.. Никому! Чтоб меня...

упс!

«Упс!» можно было бы смело заменить на «блямс!» или «бумс!» или ещё какой-нибудь звук, похожий на удар непробиваемого русского лба об нестигаемую половицу. Хорошо полы у бабки в тереме дубовые и, как Митька ни старался, проломить ни одну досочку ему до сих пор так и не удалось. Хотя вам ли не знать, сколько попыток было...

— Он у вас... всегда так?

— Пьёт? Нет, что ты, родная, как можно, он же сотрудник милиции! Только когда на задании...

— А-а-а... И часто его так, на задания?

— Ну-у... Митя бы предпочёл чаще. Поможешь?

В четыре руки мы с великим трудом (Васька и Назим испарились, не дозовёшься!) кое-как вернули «рыцаря плаща и кинжала» в сени и уложили на скамью. Богатырский храп нашего младшего сотрудника заставлял испуганно подпрыгивать мусорное ведёрко в углу.

— Вообще-то мне завтра рано вставать, надо написать докладную царю о новом деле. Ты ложишься?

— В каком смысле? — не поняла Олёна.

— Э-э... в таком... — соответственно не сразу нашёлся я. — Моя комната наверху, кровать ты найдёшь, а я буду буквально через...

— А ты будешь ночевать здесь!

— В каком смысле?! — теперь уже не понял я. — Мы же женимся, милая...

— Но ещё не женились! Вот после венца... — выдохнула моя невеста так многозначительно, что я затрепетал. — После венца я тебя месяц на работу не выпущу, а пока... Прости, любимый, но я — в твоей комнате, ты — внизу, с котом и домовым. Так принято.

— Но...

— После венчания я вся твоя! Иди, чмокну в щёчку — и спать.

Усё. Полный облом по всем параметрам. Я уже жаловался, что день не задался с самого утра? Так вот, он и заканчивался хуже некуда...

* * *

И самое главное, что это была не та ситуация, когда я мог бы хоть чем-то справедливо возмущаться. Более того, согласишься она сейчас пройти

вместе со мной в мою комнату, на утро её с позором вытряхнули бы и Яга, и Васька, и Назим, и даже Митя вложил бы свою лепту, скорбно удерживая меня от скоропалительной женитьбы на такой «поспешливой» особе. Не Москва... крыть нечем. Приходится идти на поводу у домостроевских заблуждений, хотя, должен признать, в конечном итоге это в моих личных интересах.

Васька нагло занял всю скамью, и его пришлось силой перекладывать на печь. Назим ушёл к себе в подполье, но гарантирую, утром он встанет раньше всех, уберёт со стола практически нетронутый ужин и обеспечит опергруппе свежий завтрак. Кое-как вытягиваясь на узкой скамье, я ещё успел подумать, что одна радость во всём этом по-любому есть — завтра меня не будет будить петух. То есть будет будить, но не меня. После чего мгновенно провалился в сон и спал без задних ног, как и положено честному милиционеру...

Утром меня разбудил петух! Громогласное, резкое, диссонирующее кукареканье раздалось едва ли не над самым ухом и практически скинуло меня с лавки. Я только и успел заметить, как этот пернатый гад скрывается в сениях, а с печки половичком сползает глухой на оба уха бабкин кот. Это была месть ему, не мне, меня, так сказать, задело вскользь, рикошетом. То есть ещё повезло.

Оказывается, Олёна, отправившись ни свет ни заря к нашему колодцу за свежей водой, неплотно прикрыла дверь, что позволило петуху безнаказанно совершить свой террористический акт. Ладно, мы с Васькой обменялись мстительно-понимающими взглядами — придёт наш час, сочтёмся, ему недолго осталось...

Баба-яга вышла к завтраку прямая, как шпилька, и подчёркнуто-вежливая, как присяжный заседатель. Блины с икрой слегка похвалила, но съела половинку, чаю выпила полчашечки без варенья, без сладостей, безо всего. И причина была не в плохом настроении — наша эксперт-криминалистка явно о чём-то упорно думала, но не находила правильного ответа. Поэтому, когда Назим бесшумно убрал со стола, я молча раскрыл планшетку и сел напротив Яги. Моя невеста деликатно отправилась ко мне (пardon, к себе!) наверх.

— Пиши, Никитушка, — напряжённо начала бабка, скрестив ручки на груди. — Помер Николай Брыкин смертью противоестественной, от причин невыясненных. Вина бывшей бесовки твоей в той смерти не доказана. И не потому, что не могла, а потому как ежели и могла, так даже мне непонятно как! Вот оно, высказалась...

— Так вас это напрягает? — на минутку оторвался я. — То есть убила

его не Олёна, однозначно, но вы хоть можете чётко классифицировать причину смерти или нет?

— Отчего же не могу, причину-то могу, легко! Жизнь из него высосали прямиком через губы, одним поцелуем, без причмока, — подбоченясь, вскинулась Яга. — И с поводом у меня проблем нет — я те их хоть сто назову, зачем молодой парень на ночь глядя во чисто поле попёрся! А вот тока как именно такое колдовство смертельное изобрести можно было и кой-то у нас на крещёной Руси подобным богохульством мается — того-то и не ведаю!

— Понятно.

— И не напрягает меня энто, а бесит! Даже вона в озноб бросает. Потому как не наше оно... Не Кощеево, не шамаханское, не честным путём рождённое, а отколь взялось да зачем к нам пришло — даже думать опасаясь...

— Страшнее Карги-Гордыни?

— Не ведаю... В том-то вся и беда. Ничегошеньки мы с тобой сейчас поделать не можем, покуда следующая смертушка не аукнется.

— Неоптимистично звучит, — поморщился я. — Давайте хоть Митьку разбудим, может, он чего полезного разнюхал.

— Охти ж мне, совсем загоняем мальчонку, — привычно всплеснула руками моя домохозяйка. — И так уж, поди, трудится без сна без продыху, ест в сенях, спит на лавке, в выходные работает, уж и не знаю, как маменьке его любезной Марфе Петровне при встрече в глаза принципиальные смотреть буду...

Это всё разговоры, причём исключительно на публику. Самого Митю бабка держит в ежовых рукавицах, и оно себя оправдывает. По крайней мере, тётка Матрёна (классовый враг нашего младшего сотрудника) уже две недели на него не жаловалась. Дежурные стрельцы доложили, что у ворот толкся дьяк, непрозрачно намекал на какой-то должок. Скорее всего, речь о компенсации вчерашней самогонки, но ведь пили-то все, чего ж он с одного меня пытается затраты окупить? Хотя по логике вещей с царственной четы разве что пряник получишь, а на немецкого посла он давить боится — господин Шпицрутенберг на расправу крут. Да и немцы у себя в слободе не спрашивают паспорт или гражданство — одет неопрятно, не умыт, не расчёсан, лапти за три метра не блестят — пороть!

— Никитушка, глянь-кось в оконце, — прервала мои мысли Яга. — Кажись, твой Кнут Плёткович заявился! Грех на мне, не люблю я этих немцев — ножки тонкие, ряхи красные, а пузо пивное так и висит... Да и пахнут не по-нашему — не хлебом ржаным и молоком, а шнапсом с

сосисками! Тьфу ты, сам с ним разговоры ве́ди, а я в уголке отсижуся.

— Но он же посол всё-таки, хоть чаем угостить надо, неудобно...

— Кому неудобно, мне?! Я вона как удобственно у печки тёплой присела, а чаю твоему послу пушай вон хоть Олёнка подаст... А Назимушку моего и тревожить по таким пустякам не моги!

— Кнут Гамсунович, кого я вижу?! Заходите, — тепло приветствовал я пожилого, тощего немца, с поклоном входящего в горницу. Что бы ни говорила о нём глава экспертного отдела, мы с гражданином Шпицрутенбергом старые друзья, ещё с дела о заговоре Чёрной Мессы. И потом не раз немецкий посол своей законопослушностью и верностью долгу только закреплял наши дружеские отношения. Опять же кофе он нам поставлял весьма приличный. Пусть, кроме меня, его и не пил никто, но кофе всё равно был хорош!

— Рад приветствовать, герр Ивашов. — Немец крепко пожал мою руку. — И вам моё искреннее уважение, фрау Яга! Ваша гротсмутер уникальна в своих талантах, и я был бы счастлив вручить ей небольшой презент...

— Что ж не большой-то? — чуть ворчливо, но заинтересованно подняла ушко моя домохозяйка.

Посол сунул руку за пазуху и вытащил чашку мейсенского фарфора. Такую тонкую и изящную, что казалось, сквозь неё можно было смотреть во двор. Золотой ободочек, голубая роспись цветочками и плюс звонкое блюдечко в пару. Бабка сомлела на глазах...

— Спасибо, Кнут Гамсунович, присаживайтесь. — Я поспешил усадить посла за стол. — Подарки всегда приятны, но вы ведь редко заходите в гости просто так. Что-то случилось?

— Данке шён, — машинально откликнулся он, опускаясь на скамью. — Право, даже не знаю, как начать... Русская полиция не обязана расследовать проблемы суверенной Немецкой слободы, но... тем не менее... мне хотелось бы верить, что если мы как честные немцы платим налоги, то... Гутен морген, фрейлейн!

— Гутен таг. — Из моей комнатки сверху бесшумно спустилась Олёна. — Не откажите в любезности чаю с нами откушать. А уж сыскной воевода и сотрудница его главная вам советом помогут. Мало ли какие беды у кого возникнуть могут, затем и участковый у государя на жалованье состоит.

Браво! Бинго! Чистый страйк! Моя умничка умудрилась разом польстить Яге, послу, мне и самому Гороху одновременно. Кнут Гамсунович сразу расслабился и охотно принял чашку чаю. Наша ведущая

эксперт-криминалистка мигом уселась к нему под бочок и затребовала налить себе в новую чашку. Назим только успевал подавать плюшки, варенье и пахлаву...

Через десять минут наш гость окончательно расслабился и поведал истинную причину своего визита. Оказывается, этой ночью неизвестные лица самым неподобающим образом осквернили Немецкую слободу. Ей-богу, он подобрал именно это слово — «осквернили», и, подумав, я был вынужден с ним согласиться.

Немцы славились чистотой и порядком. Так вот представьте их удивление, ужас и негодование, когда рано утром, проснувшись, поселенцы обнаружили улицы и домишки родной слободы заляпанными комьями свиного навоза! И эта дурно пахнущая дрянь была везде — на пороге покоев посла, на стенах пекарни, жилых помещений и даже (Яга невольно перекрестилась) на стенах кирхи!

Кнут Гамсунович, разумеется, дал приказ всё отмыть, но сам факт подобного вандализма вызывал очень серьёзные опасения.

— Так, запишем это как акт группового хулиганства. Подозреваемые имеются?

— Найн, герр Ивашов, — сконфуженно покачал головой наш немецкий друг. — У вас очень хорошая страна, большой город, и русские люди весьма доброжелательны к честным иностранцам. У нас никогда не было проблем с местным населением. Кроме, может быть...

— Говорите, — насторожились мы с бабкой. — Сейчас важна любая мелочь.

— Соседские мальчишки иногда кричат через забор: «Немец-перец-колбаса, на носу сидит оса!» Это... бывает очень обидно, потому что не соответствует действительности. Лично я ещё ни разу не видел ни одного законопослушного немца с осой на носу! Этих детей было некому пороть! Я-я!

— Ладно, отработаем и эту версию, — с трудом пряча улыбку, кивнул я. — К царю не обращались?

— Это было бы недостойно представителя великой державы! — гордо привстал посол. — Как глава местной полиции вы всё узнали первым. И только если это не повредит интересам следствия, я бы поставил его величество в известность. Но лишь затем, чтобы он поручил это дело вам. Позвольте откланяться?

— Позволим, позволим, гость немецкий, — так же приподнявшись из-за стола, ответила наша домохозяйка. — Да тока надолго прощаться не будем. Есть у меня мыслишка с экспертизой к вам в слободу наведаться...

— Яволь! Мною будут отданы соответствующие распоряжения.

Мы церемонно пожали руки. Олёна с поклонами проводила посла в сени. Я оглянулся на Ягу, бабка тихо присвистнула сквозь зубы и сделала мне знак глянуть в окно...

* * *

Мать моя милиция, папа Уголовный кодекс и пелёнки серые с погонами! У ворот отделения толпилась здоровущая очередь местных жителей, беспорядочно размахивающих свеженаписанными заявлениями. Это предмет моей профессиональной гордости, не очередь, разумеется, а нововведённое и постепенно утвердившееся правило: хочешь, чтоб твоё дело было рассмотрено быстрее, приноси письменное заявление, составленное по всей форме. Дьяки и писари на меня просто молились, я им стабильный хлеб обеспечивал на весь год. Даже Филимон Митрофанович на этом тайком подрабатывал, хотя своё недовольство органами вечно тыкал в нос каждому, как музейное знамя Октябрьской революции! Ой, чего-то я не в ту сторону уклонился...

— Батюшка сыскной воевода, там народ пришёл. — В горницу сунулись дежурные стрельцы. — Прикажете пущать по одному али просто бумаги ихние к сведению принять?

— Минуточку... Митя спит?

— Недобудимо! — подтвердили бородачи, на минутку обернувшись в сени.

— Тогда просто соберите заявления у граждан, передайте, что каждое будет внимательнейше рассмотрено, о результатах мы сообщим сами. Не забудьте извиниться, что не приняли лично, — у нас тут «государево дело»...

Стрельцы понятиливо кивнули. В последнее время я частенько злоупотреблял этой магической формулировкой «государево дело» — хотелось, знаете ли, иногда отдохнуть и элементарно выспаться. Но народ всё ещё верил, и я точно знал, что до послезавтра ни одна, даже самая скандальная, тётка не припрётся разбираться, почему её иску против соседки-стервы до сих пор не дан законный ход с судом и сибирской каторгой али плахой в качестве приговора!

— И Еремеева сразу ко мне, как только явится.

— Слушаемся, батюшка сыскной воевода!

Странно, что его вообще до сих пор нет.

Фома — начальник всей стрелецкой сотни при отделении, он расставляет посты, определяет график дежурств, назначает часовых, следит за порядком в городе, на нём в целом очень много чего держится. Он человек дисциплины и слова, но чтоб так опаздывать на службу...

— Бабуль, поднимайте Митю. Любым способом. Что-то не то начинается у нас в Лукошкине... В смысле прогнило что-то в Датском королевстве...

— Ну дык Дания далеко, а мы-то тут при чём, Никитушка?

— Ни при чём, это образно, это Шекспир.

— Тот самый плагиатор, что ль? Который у деревенских наших бесстыдно истории печальственные тырит?

— Будите Митю, — не вступая в споры, ещё раз попросил я.

Яга сухо козырнула, приложив ладонь к прядке у виска, и бодро шмыгнула в сени. Вася с табуреткой наперевес и Назим с кувшином ледяного айрана направились следом. Олёна вышла, не желая даже как зритель присутствовать при этом садистском акте — пробуждении Митя.

Пока со стороны сеней доносился шум, ругань, храп и звуки ударов тяжёлым по недобудимому, мы с моей невестой успели хотя бы обняться...

— У вас всегда тут так?

— Всегда, родная. Отделение — шумная семья и нервная работа, но мы своих не сдаём и идём по следу до конца.

— Нашла же я себе, дурочка, жениха-милиционера.

— Да ладно прибедняться, я не худшая партия для бывшей бесовки! На меня знаешь сколько боярышень облизывалось?

— И то верно, пусть губки не раскатывают! А только раз уж с меня всё началось, раз я главная подозреваемая, так я и сама от следствия вашего ни на шаг не отступлюсь.

— Ты прелесть! Идеальная жена для скромного участкового, — улыбнулся я.

— Поднимай выше, — уверенно подмигнула она. — Для самого сыскаго воеводы! Как же я люблю тебя, милый...

Поцеловаться мы не успели. Хотели, очень, но не довелось. В горницу вошёл Митя. Спящий. Честное слово, как спал, так и шёл, или наоборот; траекторию его движений корректировали азербайджанский домовый и бабкин кот. Сама Яга, запыхавшаяся и взопревшая, появилась уже следом, видок у неё был не малиновый и не чёрносмородиновый — бабка явно утомилась.

— Митя, глазки открой и докладывай, — вежливо попросил я.

— Доложить — доложу, а очей разомкнуть не имею возможности, сплю поёлику...

— По... почему?

— Поёлику, — осторожно кивнув и едва не упав, пояснил он. — Сиречь значит потому что! Филология моя такая, прости господи её, грешную...

— Отставить псевдонаучную болтовню! — прикрикнул я. — Ну-ка быстренько доложи старшим товарищам, что важного и полезного тебе удалось выудить из пьяных возчиков. Только по существу и без театра.

Олёна удивлённо повернула голову в нашу сторону, бабка лишь насмешливо фыркнула — чтоб Митька да без театра? Хорошо, если только он тут ещё и цирк не устроит...

Наш младший сотрудник осенил себя крестным знаменiem и гулко бухнулся на колени. Первый поклон лбом об пол был отработан от всей широты души — половицы лишь предсмертно скрипнули...

— Не мог я не пить, Никита Иваныч, отец родной!

— Понимаю, достаточно, а теперь вставай и...

— Чую вину свою великую, прощения за то не прошу (чё зря надрываться), а тока как пороть меня на конюшне будете, так уж не до смерти, а? Явите божью милость!

— Ты чего несёшь, Митя?! Когда мы тебя пороли?!

— Бабулю о заступничестве не молю — не ровён час, и она за сердце своё доброе к судьбе моей незавидной по программе полной поплатится. А вот ради невесты вашей, красасавицы, ради свадьбы будущей да детишек ваших (даст Господь) уж помилуйте сироту, не бейте цепями звонкими, дайте хоть мясу на спине зарости, смилуйтесь!

— Митька! — сорвался я, вставая и ища предмет потяжелей, но моя невеста грудью встала на защиту этого гада:

— Не надо, пожалуйста, ради меня! Он же старался, он не будет больше так пить!

Пару минут я стоял перед ней с открытым ртом, красный как мухомор, безрезультатно пытаюсь объяснить скупыми жестами, что...

— А, какая разница?!

Митины поклоны об пол гулко отмечали каждые пятнадцать секунд.

— Ну дык ты уж не томи, милок, рассказывай давай, чего да от кого в трактире наслушался, — равнодушно попросила Яга, привычно беря ситуацию в свои хозяйственные руки.

— А в этом плане информацию я наловил всесторонне интересную, —

мгновенно сменив тон, развернулся наш паразит к бабуле и, всё так же не раскрывая глаз, пустился перечислять: — Так уж и передайте Никите Иванычу, что невеста его хоть и лошадка тёмная, однако же в поцелуйстве с возчиком Брыкиным запятнана не была. Про то не один свидетель есть, а покойный был до полу женского сластолюбив и хвастлив без меры. Но тот факт железный, что когда его мёртвым на берёзе нашли, то в перелеске фигура девичья, с косою чёрной скрылась, тоже отметить следует.

— А особенное что есть, Митенька?

— Особенное. — Наморщив лоб, наш младший сотрудник покопался пальцем в ухе, вытряхнул соломинку, пушинку, живую божью коровку и наконец сообразил: — Говорят, будто бы до Олёны обоз ровно шёл, а потом как-то... неладно...

— Как это?

— Дык никто и объяснить не может... По мелочам, то телега сломается, то лошадь захромает, то мешки порвутся, то... Неладно, в общем.

— Что ж, и на том спасибо, — подумав, кивнула бабка. — Иди-к ты, милоч, в сени досыпать покуда. Ужо к вечеру служба для тебя сыщется.

— Стопочку на опохмел не пожертвуете ли, так я и баиньки? — на всякий случай поинтересовался Митя, не дожидаясь ответа двинувшись в сени. — И впрямь, чё это я? Ровно дитя неразумное, в первый раз, что ли, нашёл кого просить? Да мне скорей отец Кондрат нальёт али Кнут Гамсунович за частушки народные, а чтоб в своём же родном отделении справедливости искать, так нет...

Дверь он успел захлопнуть вовремя. Яга только-только от души замахнулась свежеподаренной немецкой чашечкой, но вдруг опомнилась и удержала руку... Олёна тихой мышкой начала убирать со стола. Кажется, теперь она понемногу входит в реалии наших служебных взаимоотношений и понимает, за кого замуж собралась. А поздно передумывать! Потерять такую чудесную девушку я себе ни за что не позволю...

Дверь заскрипела вновь, и мы уже все трое, не сговариваясь, пульнули туда чем бог послал: я — ватрушкой, бабка — тапкой, моя невеста — полотенцем. Попали все! Дежурный стрелец едва не упал под таким артобстрелом, но выпрямился и чуть обиженно доложил:

— Фома Силыч прибыли! Принять намекают.

— Э-э... чего?! — первым сообразил я. — Что значит «намекают»? Да пусть заходит без всякого, он мне со вчерашнего вечера нужен!

— Робеет он.

— Да тьфу ты, прости господи, — не сдержалась Яга. — Меня, что ли, боится? Так не трону я его больше, пущай не пугается. Вот мужик пошёл, один раз не угодишь, так уже и намекает... Скажи, Олёнушка?!

Олёна машинально кивнула. Стрелец стряхнул крошки творога с груди (моя ватрушка!) и молча махнул рукой кому-то в сенях. Еремеев зашёл не один, вместе с сотником припёрся герой прошлогодного хоккейного чемпионата Фёдор Заикин. Тоже хороший парень, но с характерным дефектом речи, отсюда и прозвище, то есть фамилия...

— Присаживайся, Фома, — попросил я. — Извини, что задёргал, у тебя и своих дел полно. Но обстановка такая, что... В общем, нужна твоя помощь.

Глава стрелецкой команды молча кивнул и присел на краешек скамьи, как можно дальше от нашей эксперт-криминалистки, но всем видом выражая готовность к сотрудничеству.

— Чаю? — переглянувшись с бабкой, предложила бывшая бесовка.

Фома отрицательно помотал головой. Заикин за его спиной страдальчески вздохнул и перекрестился. Каюсь, видимо, я настолько увлёкся своим начальственным тоном, что в упор не видел бедственного положения моего друга. Мне почему-то втемяшилось в голову, что это он игнорирует мои вопросы невразумительным молчанием.

— Сотник Еремеев, доложите криминальную обстановку по городу. Если не затруднит, со всеми подробностями — важны любые мелочи. Я записываю, итак?

Фома пристально посмотрел мне в глаза, недоверчиво сощурился, закусил нижнюю губу и пальцем поманил Заикина. Верный стрелец откашлялся и начал:

— Н... н... ны... не-э...

— Чего «не»?! Фёдор, я не вас спрашиваю, а вашего прямого начальника.

— А он ну... у... н-не...

— Фома, уйми подопечного.

В ответ все присутствующие (подозреваю — все, включая кота и высунувшегося домового!) уставились на меня с негодующим упрёком. А сам сотник встал, ударил шапкой об пол и, придвинувшись ко мне нос к носу, внятным русским матом высказал всё, что накипело. Причём не произнеся ни звука — у командира стрельцов напрочь пропал голос... Но я почему-то понял всё.

— Извини.

Фома в короткой жестикуляции образно показал, где он видит мои

извинения и куда я их могу себе засунуть.

— Здесь женщины, — краснея, намекнул я.

Баба-яга и Олёна одинаково смиренно подняли очи к потолку, делая вид, что в упор не замечают, что разобиженный сотник думает о них конкретно, о всём женском поле в целом, о нашем отделении и его руководстве, о государственной политике, царе, а также... Фома размахивал руками, как сумасшедший широколопастный вентилятор из Южной Кореи, пока попросту не устал и не рухнул обратно на скамейку.

— В-вот оно как... а в-вы всё д-дра-азнитесь — укоризненно заключил Заикин, обмахивая его платочком.

— И... давно это? — Я уже понял, к кому обращаться. Стрелец вздохнул и пояснил:

— Да со-о-о вчерашн-н...ей ночи. М-мы-то до-о-зором шли, а о-о-о...

— Он?

— Он! О-о-он-то у за-забора си-идел и н-не в себе, ка-а-к... как будто у-у-ви-и...

— Увидел кого-то? И это его так напугало, что он голоса лишился?!

Фома решительно вмешался, всё так же мимикой и жестами доказывая, что ни хрена он не испугался, а просто был шокирован. Стрельцы проводили его домой, он выпил стопочку и уснул, но голос наутро так и не вернулся.

Я строго взглянул на бабу.

— А с чего же я-то, старая, крайней стала? Подумаешь, в лягушку обернула на часок... От этого небось ещё ни у кого голос не пропадал. И не смотри на меня так, участковый, не виноватая я!

— Ладно, учтём, — для виду пришлось согласиться мне. — В конце концов, Митю вы превращали не раз, меня тоже... было... Но фактов потери речи не имелось. Фома, а чего ты там, собственно, такого увидел?

Сотник растерянно пожал плечами.

— И... н-не-э по-о-о-мн...

— Понял, понял. — Поспешив заткнуть рот Заикину, я опять обернулся к Яге: — Бабуль, исключительно в целях чистого эксперимента — одну срочную экспертизу можно?

— Переполох, что ль, вылить? — бодренько вскинулась она. — Дело нехитрое, отчего же нет-то... Чай, уж Фома Силыч нам человек не посторонний небось, поглядим — поможем, по мере умишка да мощей старческих...

Моя домохозяйка быстро достала нужные ингредиенты, напрягла Назима расплавить в миске свечной воск, усадила пострадавшего

поудобнее, что-то сыпанула в печь и непонятно зачем шуганула даже не приближающуюся к ней Олёну:

— А ты, девка, под руку не лезь! Вона стой, где стоишь, а шевельнуться не думай даже. Я за тобой каждую минуту слежу, без продыху!

Никто ничего не понял, но заступаться тоже не стали, опытному специалисту сейчас слова против сказать нельзя — чародейство штука тонкая... Одна ошибка в заклинании — и прощай, боевой товарищ, мы тебя никогда не забудем, если будешь в раю, и ты нас добрым словом вспомни! Я только обратил внимание, что слова бабка напевала немножко другие, не те, что над Митькой.

Выливается беда, выжигается!
Всё по слову моему пусть решается.
Опрокидывайся в чан,
Скорбь горючая,
Уходи, тоска-печаль неминучая...
Страх-страх! Отпусти душу,
развяжи язык, оставь человека...
И ныне и присно, с начала начал
до скончания века!

— А-а, вспомнил! — В горницу с восторженным воплем вломился дремавший в снях Митя. — Ещё на тётку Матрёну жаловались возчики разные! Дескать, капустою, что она в трактир бочками катит, приличному гражданину и водку закусить невозможно — сплошное сортирное разочарование! И не я им это подсказал, а... А чего это вы тут все на меня такие серьёзные?!

* * *

Пока все присутствующие кто с чем, кому что попало под руку кинулись ловить нашего младшего сотрудника, я неторопливо обследовал ту нелепую восковую форму, которую Яга получила в результате дрогнувшей руки из-за вышеупомянутого эмоционального крика Митиной

души. Более всего это походило на уродливый блин с одной дыркой чуть левее центра. Никак иначе идентифицировать это безобразие не могу, я честно пробовал.

В общем, из-за сбившегося заклинания речь к Еремееву так и не вернулась. Митька храбро заперся в бане и уже оттуда грозил утопиться в тазике, если его не простят. Баба-яга, сам сотник и стрелец Заикин бились в двери, штурмуя баньку по очереди, но всерьёз ломать собственную недвижимую мою домохозяйка позволить себе не могла. Олёна перехватила меня у ворот:

— Ох и весело вы тут живёте, люди милицейские. Ежели не прогонишь, хоть уборщицей, хоть посудомойкой, хоть кем в отделении останусь!

— У Кощера было скучнее? — улыбнулся я.

— Страшно там было, Никитушка, — мигом потускнела она, и я поспешил обнять её за плечи:

— Прости, прости, любимая... Глупая шутка получилась.

— Ладно уж, сам-то куда бежишь?

— К царю. Что-то не складывается у нас, что-то идёт наперекор логике, не могу объяснить.

— А царь сможет?

— Не уверен. Но доложить ему обязан. Не уходи со двора, — ещё раз попросил я. — Пригляди тут за всем... и за всеми.

— Слушаюсь, батюшка сыскной воевода! — Олёна лихо козырнула и, едва ли не лопааясь от смеха, строевым шагом отправилась успокаивать Ягу.

...Я шёл пешком. От стрелецкого сопровождения отказался, ощущение опасности в воздухе не витало. Хотя-а... Вот я, например, в отличие от каких-нибудь экстрасенсов, абсолютно не разбираюсь в «тонких материях». Что, кстати, мне не в плюс, но не об этом речь. Говорят, животные способны чувствовать такие колебания в атмосфере. Ну там землетрясение или наводнение — это понятно, а ещё я читал, что кошки могут видеть ауру. Наша эксперт-криминалистка тоже её видит, специфично, по-своему, только когда клиент врёт...

К чему это я? Ага, к кошкам! Так вот, за всю дорогу до царёва терема мне не встретилась ни одна кошка! Подозрительно? Да, но не факт. К делу не пришьёшь. Обычно по Лукошкину бездомные кошки разгуливают вольготно, их, как и беспородных собак, никто не ловит и не отстреливает. Ну не толпами они по улицам носятся, тоже верно, но и чтоб совсем ни одной?! Нигде! Ни в подворотне, ни на заборе, ни на крыльце, ни на подоконнике рядом с геранью — нет кошек.

Помнится, был случай, здесь по ночам Кощей кошкам головы рубил. Но это разовая акция, больше не повторялась, да и сам гражданин Бессмертный сейчас в столицу носа сунуть не посмеет — у нас отец Кондрат на боевом посту. Не знаю уж почему, но именно одного этого неуравновешенного батюшку наш главный злодей боится порой почище всей нашей опергруппы. То есть, возвращаясь к теме прежних размышлений, всё равно непонятно, почему попрятались кошки... А может, я себя просто накручиваю?

Будь что серьёзное, бабкин Вася наверняка предупредил бы...

К Гороху меня пропустили без проволочек. Двор был непривычно пуст. Не прохаживались степенные бояре, не суетились слуги, не бегали спешные гонцы, не толпились иностранные послы и гости, да, собственно, там практически вообще никого и не было, кроме стрелецкой стражи и пары чьих-то холопов.

Сам надёжа-государь спрятался от мира в малом кабинете. Охрана пропустила меня молча, лишь сострадательно покачав головами.

— Всё ещё не в себе? — спросил я, открывая дверь.

Стрельцы безмолвно возвели очи к небу, всем видом показывая: если бы! Только ещё хуже, прогрессирует активно государь, да всё не в ту сторону. В какую именно, мне стало ясно, едва вошёл. Царь Горох восседал на плоском соломенном коврике, задумчиво ровняя крохотными грабельками песчаные дорожки в деревянном ящичке компактного «сада камней». Надо полагать, очередной подарок от посланцев Страны восходящего солнца...

— Здравия желаю. — Я кивнул на сиротливый русский табурет в дальнем углу. — Присесть позволите? Как дела-то?

— Дэкибаэ, — не отрывая взгляда от садика, отвечал государь. — Не позволю. Вон напротив садись, чаю выпей, а на табуретку нельзя. Уж не обессудь, а выше царя тебе по чину сидеть не положено.

— Субординация превыше всего, — согласился я, сев прямо на пол, прислонясь спиной к стене и вытянув ноги. — От чая не откажусь. Чёрный с лимоном, вареньем и пряниками.

— Зелёный с жасмином безо всего.

— А если я иностранец?

— Гейдзинам поблажек нет. Ты ко мне пришёл, а не я к тебе.

— Логично, — второй раз сдался я. — Наливайте.

Горох отставил ящик в сторону и собственноручно налил мне маленькую чашку бледного чая из красного лакированного чайника. Сам, кстати, пить не стал, но величаво подождал, пока я допью.

— По делу пришёл, Никита-сёскана-сан?

— По делу, тоносама.

— Где такое слово выучил?

— Фильмы смотрел, — отмахнулся я, начиная рассказ. Возможно, он получился несколько сбивчивым и сумбурным, но в то время я действительно никак не мог уложить все свои смутные подозрения в одну ясную схему. Окончательно объяпонился Горох или нет, но слушал он, как всегда, изумительно. Не прерывая, не понукая, не вставляя комментарии по теме, не хихикая и не зевая в полный рот...

Раньше меня так только кот Васька слушал, но сейчас зазнался и без банки сметаны к нему на метр не подходит. С царём в этом смысле проще, он, по крайней мере, пока ещё меня терпит, и роль старшего советника по милицейским делам ему явно не наскучила.

— Ну что я тебе скажу, друг сердечный, — без всяких японских словечек, раздумчиво начал государь. — Слуга купеческий в дороге помер — невелика трагедия, мало ли в дороге чего не бывает. Причину смерти указать не можешь — это плохо. Значит, пора твоей Яге молодую смену искать, коли с такой простой задачей не справилась. А всё прочее, что ты мне наплёл, дык и вообще ничем серьёзным не пахнет. Сотник голос с перепугу потерял? А не с перепую ли?! Так это я ещё понять могу, но коли и впрямь со страху, да гнать его в шею! Мне трусливые стрельцы без надобности! Воском блин с дыркой вылило... и что с того? Может, вам служебными делами заняться стоило, а не блины лить?! Ох и огорчил ты меня, Никита Иванович... Теперь до вечера смурной ходить буду. А ты куда вскочил?

Я плюхнулся назад на пол, так же резко, как только что пытался встать. Такого разноса Горох не устраивал мне давненько. А самое обидное, что, по сути дела, он был во всём прав.

— Я ведь с тобой и не договорил ещё. Так вот, насчёт невесты твоей так скажу: расследуй! Без вины доказанной — не виновата, но и в иную крайность не бросайся. Нехорошо будет, ежели имя супруги сысканого воеводы у всего города в сплетнях трепаться пойдёт. Невиновна — докажи! А если виновна... — он подмигнул и понизил голос, — тоже ничего, небось суд мой справедлив, да, поди, и милостив. Оправдается девка...

Я мигом припомнил прошлый разговор с Ягой. Бабуля как в воду глядела! Царь ради нашей с ним дружбы оправдает Олёну при любом раскладе. Скорее всего, это и будет концом всех моих попыток ввести в Лукошкине хоть какое-то подобие законопорядка...

— Могу идти?

— Бэцудзё, иди, — неопределённо махнул рукой надёжа-государь. — У меня всё одно час лирической поэзии наступает. Буду слушать нетленные строки признанных мастеров кисти.

Практически в ту же минуту в комнату без стука вломился дьяк Филимон, одетый самым комическим образом. Представьте: ряса безжалостным образом обкромсана ножницами и запахнута на манер японского кимоно; из-под рясы несвежие штаны навывпуск, ноги босые, подпоясан чёрным поясом, а скуфейка сбита набекрень, открывая вместо привычной косы высокий узел самурайской причёски с двумя палочками для еды!

— Книгу принёс? — не обращая внимания на моё присутствие, ровно спросил царь.

Дьяк отвесил низкий японский поклон и, семеня, преподнёс государю маленький томик в коричнево-зелёном переплёте.

— Сам читай, да с выражением! А я душою и сердцем наслаждаться буду.

Филимон Митрофанович ещё раз церемонно поклонился, опустился на колени, кое-как пристроил тощий зад, откашлялся и, раскрыв книжку, тягуче заныл:

Облачная гряда
Легла меж друзьями...
Простились
Перелётные гуси навек.

Я не удержался и приостановился на пороге.

— Проняло? — тихо, мечтательно прикрыв глаза, спросил царь.

— Про гусей? — не понял я. — Нет, интересно, конечно. А есть ещё что-нибудь про другой домашний скот?

Дьяк зыркнул на меня злобно и продолжил:

Ива свесила нити...
Никак не уйду домой —
Ноги запутались.

— А-а, это про пьянство! — как мне показалось, сразу угадал я. — Был у нас похожий случай. Плотник Фёдор Ляпин с вечера набрался и не

мог выйти из трёх берёз за базаром. Так и бился на развороте в каждую лбом! Утром его стрельцы спасли, избитого, а жена ещё нас же обвиняла в превышении.

Горох страдальчески сделал брови домиком, но промолчал. Дьяк затянул снова:

Снежное утро,
Сушёную рыбу глотать одному —
Вот моя участь...

— Ой, кто бы говорил, гражданин Груздев, — опять-таки не сдержался я. — А то никто не знает, что по ночам в одиночку вы не воблу гложете, а водку глохчете!

Филимон Митрофанович аж вздыбился весь от таких несправедливых обвинений, а по уставам государя скользнула нервная несанкционированная улыбка. А вот теперь-то я точно не уйду...

Единственное украшение —
Цветки мака в волосах,
Голый крестьянский мальчишка...

— Статья по вам плачет, гражданин Груздев! Растление малолетних...

Яблоню я посадил.
О молодой побег тростника,
Впервые тебе я не рад!

— Сажали яблоню, а вырос бамбук?! Так вы у нас ещё и Мичурин, надо же... Самогон тоже на своей конопле настаиваете?

Вихрь поднимая своей бородой,
Стонешь, что поздняя осень настала...
«О, кто же, свет, породил тебя?»

— Да уж, морду бы набить за вас этому неопытному акушеру...

— Смилуйся, государь! — не выдержав, сорвался наш отпетый

скандалист. — Доколе же этот деспот милицейский мне все тексты обламывать будет?! Ить хамит же прям в лицо, без малейшего сострадания! Казнить лиходея, а я вам про птицу мудрую прочту...

Вода так холодна!
Уснуть не может чайка,
Качаясь на волне.

— Дык... ясно же дело, задницу небось отморозила! — ляпнул сам Горох, опередив меня ровно на полсекунды.

Мы глянули друг на друга, на разобиженную физиономию Филимона Груздева и заржали уже одновременно. А мгновение спустя к нам присоединился и подхалимистый смех дьяка, верноподданически изобразившего примёрзшую к полу чайку.

На шум и гогот вломились царские стрельцы, ошибочно приняв утирающего слёзы Гороха за огорчённого, тут же предложили отвести «смутьяна-участкового» в тюрьму. А потом сами же извинялись, говорили, что и они не без понятия, а в тюрьме для «дорогого сыскного воеводы» уже и стол накрыт, и рюмка налита, и перина настоящая, пуховая расстелена, сами старались, ведь не для абы кого...

В общем, с государем прощались душа в душу. За прямолинейность он извинился, но справедливость упреков по службе просил учесть. Уже на выходе я вскользь поинтересовался насчёт царицы.

— Да в порядке она, — чуть досадливо отмахнулся царь. — В государственные дела не лезет, мне не мешает, в ласке... ну, сам понимаешь, послушная да нежная, претензий нет.

— А кимоно себе уже сшила? — улыбнулся я, но Горох мигом помрачнел.

— Не сшила. И не думает! Считает, будто бы я тут в детские игры играю. Попрекать не попрекает ещё, но смотрит так, словно... У-у, зануда австрийская!

— Ладно, вмешиваться не буду, не в моей компетенции.

— И правильно... С докладом-то забегать не забывай. Саёнара.

Стрельцы с шутками проводили меня до ворот, пора и честь знать. А вот за воротами меня ждала карета немецкого посла. Учитывая, что сам Кнут Гамсунович не так давно был у нас с заявлением, я не особенно удивился. Дверцы гостеприимно распахнулись, приглашая меня внутрь. Я охотно влез...

— Добрый день, мой ферний дрюг полицай! — приветливо протянула мне сильную руку матушка императрица. — Ви идти в старий терем фашей милой бабушка?

— Э-э, да, — неловко огляделся я. — А посол где, под сиденьем спрятался?

— Найн, герр Шпицрутенберг любезно одолжил мне свой карета, прокатиться.

— В смысле? У вас что, своей царской нет?!

— Ви позволите довести фас до отделения? — не ответила она.

— Ну спасибо, конечно. А вам по дороге?

— Я, я... — задумчиво протянула Лидия Адольфина, и мне вдруг показалось, что она сглотнула слёзы.

Как всякий вежливый мужчина, заметивший такое, я не придумал ничего умнее, как всю дорогу развлекать царицу шумным пересказом, как мы с её мужем только что дразнили дьяка Фильку. И вынужден признать, что юморист из меня получался никудышный — за всю дорогу (минут пятнадцать) государыня так ни разу и не улыбнулась. Даже из вежливости к моим потугам. Лицо её было непроницаемо, мысли витали далеко-далеко, а ухоженные пальчики теребили замки дорожного саквояжа. Вот на что мне в первую очередь стоило бы обратить внимание! Каюсь, в тот момент я ничем не проявил своих лучших дедуктивных качеств, хотя весь пасьянс был разложен прямо передо мной и меня едва не тыкали в карты носом.

— Ну спасибо, что подбросили. — Я выскочил у наших ворот, козырнул царице и бодренько поинтересовался у дежурных стрельцов: — Как тут мои, никого не поубивали?

— Никак нет, батюшка сыскной воевода, — улыбнулись еремеевцы. — Бабуля экспертизничать в Немецкую слободу отправилась. Митька на базар убёг ревизию чинить. Фома Силыч в отделении остался, с невестушкой твоей по хозяйству трудится. Все при деле, всё прянично!

— Прянично, говорите... Ладно, поверю. — Мне пришла в голову одна мысль. — А не прогуляюсь ли и я до немцев? Как раз вдвоём и обратно вернёмся. Яга-то давно ушла?

— Дык с полчаса.

Я кивнул и пешим строем двинулся вдоль по улице. Как можно было не обратить внимания, что карета так и осталась у наших ворот?! В оправдание могу сказать лишь... да ничего я не могу сказать, прошляпил, и всё тут.

Опуская лишние и ненужные детали моего короткого путешествия до Немецкой слободы, отмечу только, что приняли меня там вежливо и с уважением. Впрочем, как и всегда. Самого Кнута Гамсуновича на месте не оказалось (да он и не обещал вроде), но пожилой староста в добротном синем камзоле и напудренном парике предупредительно провёл меня в посольский кабинет. Бабка уже сидела там в компании трёх грудастых фрау, угощающих её пивом и сосисками, но ни бельмеса не понимающих по-русски. Староста одной короткой командой выпроводил их всех, предложил мне кофе и тактично вышел сам, давая возможность пока с Ягой побеседовать наедине. Наша старейшая сотрудница с лёгким сожалением отодвинула литровую кружку пива, хозяйственно ссыпала пять крепеньких сосисок себе за пазуху (для Васьки, не иначе...) и небрежно подмигнула мне:

— Ну что, сокол ясный, мои дела-делишки тут закончены. Домой пойдём или прям здесь за кофе горьким доклад выслушаешь?

— Давайте уж здесь, не томите. — По одному её тону было ясно, что ничего особенно утешительного бабка не раскопала.

— Вот и слушай, экспертиза моя короткая — все улики нашла, да тока преступную личность по ним изобличить не могу.

— Как это?

— Да вот так! Не могу, и всё тут, — с какой-то отчаянной радостью всплеснула ладошками Яга. — Не складывается у меня ничего, не срастается... То ли старая стала, то ли... В общем, сам суди.

Я отставил кофе и раскрыл блокнот.

Некоторое время моя домохозяйка молчала, полуприкрыв глаза и беззвучно шевеля губами.

— Значитца, так вот оно выходит, — наконец определилась она. — Слободу Немецкую и впрямь дрянью всякою закидали. Энто к приходу моему местные уж везде порядок навели, всё отмыли, отдраили, а запашок соответственный одеколоном залили. Не соврал посол ни на капельку — было тут осквернение. Хоть правильнее было б сказать: действие хулиганское. Энто факт!

— Кого подозреваете?

— А вот энто уже иной вопрос... Не человек тут бедокурил, не людскими руками всё безобразие сотворилось. Слобода на ночь

надёжными замками заперта, со всех сторон забор тесовый, охрана, псы свирепые, абы как внутрь и не прошмыгнёшь. Да и мыслимое ли дело хоть одному, хоть пятерым смутьянам куражу ради через все препоны пролезть да ещё почитай вёдер десять дерь... ох, прости мя господи!.. гадости этой особой перетащить да везде понаотметиться?!

— Значит, магия?

— И да, и нет... — уклончиво ответила бабка. — Чародейство тут имелось, спорить не стану. А вот чьё, откуда взялось да с чего, зачем, почему и кто ейный хозяин — про то мне неведомо. Всё обсмотрела, обнюхала, а тока причины найти не могу. Не везёт мне чтой-то, Никитушка...

— Не везёт... — Я с лёгким раздражением захлопнул блокнот, записывать было почти нечего. — Не везёт — это понятие необъективное. Его к делу не пришьёшь и в протокол не поставишь. Мне вон со вчерашнего дико не везёт, а что делать?

— С невезением-то? С ним, милоч, ничего не сделаешь...

— Тогда поблагодарим старосту за хлеб-соль, кофе и сосиски, а нам в отделение пора, — приподнялся я.

— И то дело, — кряхтя, встала глава экспертного отдела. — Митенька-то где?

— На базар пошёл, ревизия у него.

— Базар уж, поди, закрылся весь, чего ж там ревизировать-то? Ох, ежесть тока неслух наш опять тётку Матрёну достаёт...

Мы одновременно вздохнули. Борьба нашего младшего сотрудника за качество (и количество!) кислой капусты давно стала притчей во языцех во всём Лукошкине. И главной целью Митиных «проверок госконтроля» была старая подружка Яги, дородная тётка Матрёна! Не помню уже, когда и из-за чего они с Митькой в первый раз сцепились языками, но пограничные стычки успешно переросли в окопную войну, прерываемую время от времени активными вылазками с обоих фронтов...

Староста любезно предложил нам телегу до отделения, но мы предпочли прогуляться пешком. Говорили много, на отвлечённые темы, стараясь не касаться личного.

У меня, как вы понимаете, голова была больше забита проблемами взаимоурегулирования жизни и выживания Олёны в нашей милицейской среде. С Ягой на эту тему беседовать бесполезно, да и опасно, она почему-то невзлюбила мою невесту и спуску не даст. Вот ведь бывает такое, а ещё недавно та же Баба-яга делала всё, чтоб освободить девушку из-под Кощеевой власти, и сама уговаривала меня: «Женись ты, сокол ясный!» Но

стоило реально подойти к свадьбе, как бабуку словно шмель ужалил не в то место...

У наших ворот было тихо. Стрельцы, правда, показались мне чуточку напряжёнными, но, может, я накручиваю. Доложили, что забежал иконописец-авангардист Савва Новичков, просил передать, что мой «заказ» исполнен, но сам не дождался, обещал быть утречком.

— Что за заказ-то, Никитушка? — спросила Яга.

— Да доску он мне сделать должен — «Их разыскивает милиция», — напомнил я. — Мы же ещё неделю назад его просили изобразить всех ведущих воров и подозреваемых на небольших планшетах, типа фотографий. Обычная милицейская профилактика, забыли?

— Забыла, — покачалась бабуля. — И впрямь был такой разговор. Да тока пуцай без авангардизму этого чудного, а то ить пятирукими бандитами с зелёной рожей да тремя глазами на ухе весь народ в столице перепугает!

— Обещал реалистично.

Мы поднялись на крыльцо, прошли в сени. Митя, судя по всему, ещё не прибыл, а вот в горнице... В горнице нас ждала трогательная картина — моя ненаглядная Олёнушка, одетая почему-то в немецкое платье, бодро накрывала стол на четыре персоны. Причём один прибор был не наш — австрийская фарфоровая тарелка с императорскими вензелями и серебряная вилка. Не может быть...

— Матушка государыня к нам в гости пожаловали, — с радостной улыбкой подтвердила Олёна. — Я тут не хозяйка, но царскую особу гнать не посмела. Стол накрыт! Дальше вы уж сами, бабушка.

Мы с Ягой тупо уставились друг на друга.

— Чегой-то она на ночь глядя? — первой решилась бабка.

— Понятия не имею, — честно удивился я. — А это ещё что такое?

В углу, ближе к печке, стоял немецкий саквояж и ещё две коробки.

— Так государыня сказала, что поживёт тут у вас, — без тени сомнения заявила моя невеста.

— Ч-что значит «поживёт»?! Милая, у нас тут отделение милиции, а не постоянный двор. Царица здесь «пожить» не может! Это... это... я вообще ничего не понимаю... А царь-то в курсе?!

— Уймись, Никита, — сухо обрезала моя домохозяйка. — А ты, Олёнка, признавайся давай, где сейчас вертихвостка эта?

— В баньке парится.

— Угу... Мало что в терем мой незваной-непрошеной заявилась, так уже и в баньку лыжи наострила. — Ну-ка собирайся, красна девица,

вместе со мной сейчас в ту же баньку наведаешься. Ужо там втроём, коллективом бабьим, все вопросы и повыясним...

Я тихо опустился на скамью. Мысли путались. Через пять минут моя невеста послушно ушла за Ягой чинить разборки царице в бане. Если бабуля не утопит в лохани, уже хорошо...

* * *

Тьфу, о чём это я?! Чушь какая в голову лезет! С какого бодуна Лидии Адольфине стукнуло пожить в отделении? Она всегда была умной и рассудительной особой, дураку ясно, что царица в милиции жить не может. Или у неё какие-то серьёзные проблемы с мужем? Я попытался мысленно восстановить наш сегодняшний разговор в карете... Вроде ничего примечательного, но, с другой стороны, сплошные странности. Выехала в чужом транспортном средстве, явно никого не предупреждая, с этим дорожным саквояжиком... Нет, не бегство, не эмиграция и не развод — это точно! Она ж нигде не пряталась, полгорода мигом укажет государю, где находится его жена, но... Что же у них там произошло? И главное, почему всё это опять сваливается на наши милицейские плечи, а?!

— Вася! Назим! В этом доме кто-нибудь может объяснить мне, что происходит, — тоскливо взвыл я, опускаясь на скамью.

Бабкин кот ничего не ответил, уйдя в нирвану у себя на печке. Домовой высунулся на минуточку, энергично поцокал языком, выдал негромкое «Жэнщины, э!» и тоже исчез без послесловия. То есть думайте что хотите, многоуважаемый дяденька участковый. Садиться за стол в одиночку было как-то некорректно. А глотать слюни у накрытого стола вообще форменный идиотизм!

Резко встав, я нахлобучил фуражку и решительно вышел во двор.

— Митька явился?

— Никак нет!

— Еремеева ко мне!

— Дык он у бани, матушку царицу стережёт, — не удержавшись, расплылись в улыбках дежурные стрельцы.

В другое время я бы и сам охотно похихикал на эту тему, но сейчас настроения не было.

— Это что за намёки в адрес государевой жены? Ох, чую я, по кому-то

служебное взыскание плачет!

— Не вели казнить, батюшка сыскной воевода. — Шутники мигом опустили покаянные головы, пряча ухмылки в бородах.

— То-то же! Думайте хоть иногда, — ещё раз построже напомнил я. — Мало ли кто чего услышать может, а у царя на этот счёт разговоры короткие. — Дьяк Груздев не пробегал?

— Бог миловал.

— Уже праздник...

Мне решительно нечем было заняться. Вот зачем, например, я про дьяка спросил? Ведь знал прекрасно, что он у Гороха торчит, стихи ему японские вслух читает. Пойти, что ли, Еремеева у бани проведать... Надеюсь, он там без этого заикалистого переводчика.

Надежды не оправдались. Фома и его теперешний адъютант навытяжку стояли у дверей в нашу скромную баньку.

— Туда н-не-э...

— Понял.

— Там са-а-ма ца-а-а-ри...

— В курсе. — Я ободряюще похлопал стрельца по плечу. — Спасибо, молодец! Фома, ты по-прежнему?

Еремеев молча кивнул. Ясно. Значит, все разговоры опять через Заикина, прямо игра в испорченный телефон.

— Яга и Олёна тоже сюда направились?

Идиотский вопрос, а куда же ещё?! Но, видимо, на сегодня мой лимит глупости исчерпаем.

— Т-т-тоже та-а-ам! — радостно подтвердил стрелец, и в этот момент дверь баньки частично распахнулась. На свет божий высунулась мокрая голова моей невесты. Ещё была видна голая шея и верх розового плечика...

— М-м-милая, это т-ты?! — заикаясь не хуже присутствующего здесь Фёдора, начал было я, но осёкся — опять задаю идиотские вопросы!

— Я, конечно, кто ж ещё? Не Яга и не царица вроде, — смешливо фыркнула Олёна и, пальчиком сдвинув мокрую прядку с носа, доложила: — Там такие разговоры пошли задухивные-э... Бабуля ваша уж умеет в сердце женском нужную струнку затронуть. А мне жарко стало, я за кваском в предбанничек, а там, слышу, за дверью вроде голос знакомый.

— Ну я тут... с ребятами... просто так стою.

— Ой, горе ты моё луковое... Иди в дом, любимый, мы скоро. Окатимся ещё по разочку и за стол!

Моя ненаглядная скрылась за дверью. Фоме и Фёдору рот впору было закрывать силой, хотя, ей-богу, ничего такого уж недозволенного бывшая

бесовка им не продемонстрировала.

— Ну и чего мы все тут встали? — грозно обернулся я. — Не стриптиз, пошли в дом!

— Никита! — Наружу вновь высунулась моя невеста. Теперь уже настолько откровенно, что ещё чуть-чуть — и всё-таки стриптиз. — Тут что-то не так, у меня дверь в парную не открывается, а там царица с бабушкой Ягой...

— Э-э... они тебя не пускают, что ли?!

Она посмотрела на меня так, словно я издеваюсь. Мысль о том, что её жених в погонах сегодня весь день сыплет глупыми вопросами, вроде в её дивную головку ещё не забрела, но это лишь вопрос времени.

— Милый, там дверь-то не запирается, ни изнутри, ни снаружи. А всё одно войти не могу, ровно доски разбухли и держат.

— Ды-ык... м-мы э-это щас! — резко проснулся Заикин, вместе с воодушевлённым Еремеевым сдвигая меня в сторону. — Тут ить му-ужская си-и-ла нужна, а уж мы-ы...

— Куда, блин, мы?! — опомнившись, рявкнул я, оттаскивая обоих за шиворот.

Олёна догадливо засмушалась и нырнула в предбанник одеваться.

— Куда намылились, я вас спрашиваю?! — продолжал бушевать я, хотя на этих бородатых рожах и так всё было выписано рубленым плакатным шрифтом. — Там внутри кто? Царица! Матушка государыня! Жена нашего всеми любимого Гороха!

— Во-от оно и спа-а-сём их ве-эли-и-чест... — не сразу въехал стрелец, хотя Еремеев, как человек более опытный, всё просёк сразу и отступил мгновенно.

— Она там голая! — тихо взвыл я. — А когда Горох узнает, что рядовые стрельцы милицейской сотни ломаются к его жене в баню, то... Угадай, чья голова полетит первой?

— Ва-ваша? — с надеждой проблеял Заикин.

— Не угадал.

— Мо-мо-о-я?!

— Опять нет, твоего непосредственного начальника, Фомы Силыча! А тебя, как лицо особо отличившееся инициативностью и недалёковидностью, просто посадят на кол. Кстати, в этом специфическом случае я за вас, дураков, заступаться не буду...

— А-а че-эго ж де-элать-то-о?

— А ничего не делать, — отрезал я, потому что сам не знал, как выкручиваться. — Ждать! Любимая, ты готова?!

— Да. — В дверях показалась Олёна в длинной нижней рубашке. — Я ещё раз пробовала, плечом била, кричала им. Бабуленька говорит, дескать, плохо всё, ломать надо.

— Как царица?

— Вроде держится ещё, но пар в баньке не на немецкий дух, как бы не ужарилась...

Чёрт побери! Об этом надо было подумать в первую очередь, действительно, ещё не настолько привычная к нашим банным процедурам горделивая австриячка запросто могла словить тепловой удар.

Итак, что мы имеем? Если внутри так не войдётся, дверь ломать всё равно придётся, но что потом? Выносить из бани на руках голую Лидию Адольфину, как и Бабу-ягу в костюме прародительницы Евы, — дело рискованное и неблагодарное. Как ни верти, а под топор Горох хоть кого-нибудь да отправит точно! Я уж не говорю, как сама Яга отреагирует на такое лицезрение её... э-э... прелестей. Превратит в головастика и скажет, что так и было! Глаза всем нашим завязать, что ли...

— Никита, а что там за шум у ворот?

— А-а, — не сразу откликнулся я. — Это, кажется, Митя вернулся. Но не один.

— А с кем?

Я пригляделся. У наших ворот понуро стоял мой младший сотрудник в обнимку с большим бочонком кислой капусты. Рядом грозовой тучей гроыхала могучая тётка Матрёна, требуя немедленно «подать сюда самого сыскного воеводу»! Ясно, наш парень лихо влип с очередной своей «ревизией». Сегодня действительно всем не везёт. Хотя, с другой стороны, это вариант...

— Успокой бабушку, любимая, — быстро попросил я и, едва ли не распахивая объятия навстречу тётке Матрёне, громко воскликнул: — А кто к нам пришёл? Вот радость-то какая! Мне как раз нужна ваша помощь в одном крайне деликатном деле. Не откажете ли посодействовать органам?

После коротких переговоров дверь в парную была буквально снесена могучим плечом простой русской женщины. Некрасов был бы в восторге от этой живой иллюстрации к своим бессмертным строкам... А самое главное, всё так вовремя, ибо взбешённая Яга уже готовилась принять контрмеры, искренне считая всё происходящее чьей-то глупой шуткой. Собственно, не чьей-то, разумеется, а нашей. Если ещё точнее, то моей. Мне и ответ держать. Тьфу, уже разговаривать начинаю местными фразами. Объяснились мы с ней через полчаса за общим столом, наедине, когда всех кое-как уложили спать...

— Значит, царица к нам надолго?

— А ты не серчай, Никитушка, — устало отодвинув дарёную немецкую чашку, протянула бабка. — Видать, совсем зашпынял её государь наш батюшка. А куда бедной женщине податься, как не в милицию...

— Бил он её, что ли?

— Окстись, сокол! — с укором перекрестилась Яга. — Горох у нас, конечно, и деспот, и дурак, как все мужики, но руки распускать не посмеет. Я ить её, сиротинушку, и расспросить-то толком не успела. Думала, вот сейчас напарим, намоем её, она в предбанничке размякнет да всю душеньку нам и откроет. Олёнке-то твоей государыня шибко доверяет, подружки почти.

— Ладно, я к царю двух стрельцов с докладом отправил, чтоб там брошенный муж с ума не сходил. А дверь почему не открывалась?

— Дык случайность роковая, — пожалала плечиком моя домохозяйка. — Вроде просто от пару разбухла, да и заклинило одной доской об косяк. А что ж не так-то?

— Многое не так. — Теперь уже я впал в глубокую задумчивость, но в отличие от Яги, наоборот, налил себе ещё чаю. — Дверь в парную закрывалась и открывалась легко, за всё время существования отделения проблем с баней у нас не было. Почему вдруг заклинило? Причём именно в тот момент, когда внутри были вы и сама царица. Я потом не поленился, зашёл, когда Фома с Заикиным после тётки Матрёны дверь на место ставили, — её не клинит! В смысле дверь! Она отличным образом открывается и закрывается. Да-да! И что бы это значило, как вы думаете?

— Завтра же баньке на предмет колдовства злодейского полную экспертизу устрой, — дала слово бабка. — А тока всё одно по моим ощущениям не было там ничего. Так, не свезло, и всё тут...

— Ну да... Разовое стечение обстоятельств, бытовая драма и банальное невезение. Мне, между прочим, сегодня тоже весь день не везёт.

— А кому везёт? Везение, оно понятие неуловимое, удачу к себе за хвост не привяжешь. Видать, день такой. Шёл бы ты спать, касатик.

— Куда? — риторически вздохнул я, отхлёбывая чай. В моей комнате разместились две новые квартирантки — Олёна и Лида. И кстати, судя по шушуканью сверху, будут шептаться всю ночь. А мне опять спать на лавке...

Через два часа я понял, что и это был далеко не худший вариант. Смотри с чем сравнивать, конечно. Лично мне пришлось сравнить сон на лавке с ночью без сна. То есть вообще без сна — мне просто не дали поспать. Кто? Угадайте с трёх раз, потому что мне имя этого тупого, безмозглого, нахального и безответственного паразита даже произносить не хочется! Вот представьте, я только-только лёг и...

— Никита Иваныч... ш-ш!

— А? Что?! Где? Господи, какого, блин...

— Никита Иваныч, тихо, бабулю разбудите! Чтоб ей... ой! В аду на сковороде не сопливилось, за такую... ой!.. Нашла же кого в подруги выбирать...

— Митя, ты, что ли?!

— Нет, это кот Васька пришёл! Издеваетесь над сиротой...

— Митя, ты чё не спишь?

— Да вот не могу... ой!

— А... понятно... ну тогда... х-хр...

— Никита Иваныч!

— А? Чего?! Мить, забодал! Чего случилось-то?!

— Да уж случилось... Уже цельный час живот пучит, мочи нет, три раза почитай случилось, а облегчения так и нетути! А всё капуста проклятая... ить не больше полбочонка-то умял... ой! Ну, тётка Матрёна, держись!.. Ежели тока выживу-у-у...

— Митя, тихо! Разбудишь всех! Чего ты ко мне припёрся?! Если что с желудком, так это Ягу будить надо...

— Ага, что ж я, совсем ум-разум растерял?! Нашу бабуленьку посреди ночи разбуди да попроси лекарство, так она пошлёт спросонья попутным ветром до шамаханской границы задом наперёд верстовые столбы считать, что я тока к зиме и вернуся! Или ошибочно даст чего не того, усиленного... ой! И считай ещё, что свезло...

— Тоже верно. Я чем-то могу помочь?

— Можете. Сотворите божескую милость, отец родной, проводите под ручку до уборной. Боюсь, сам не дойду...

Ну и в результате я водил его всю ночь, отпаивая водичкой и заставляя грызть остывшие головешки из печи. Активированного угля под рукой не было, просить дежурных стрельцов понянчиться с моим младшим сотрудником совесть не позволяла, а бросить парня на произвол судьбы тоже жалко. Кое-как уснули под утро, он в сенах, свернувшись калачиком и грея настрадавшееся пузо, а я на лавке. Только вытянул ноги, как с нашего

тына заголосил петух. На завтрак я вышел красноглазый, как кролик-вампир...

Яги в горнице не было, на столе ждали накрытые тарелкой блины, мёд, варенье, сметана и чай. Моя Олёнушка напряжённо сидела у окна, задумчиво теребя чёрную косу. Я подошёл сзади и обнял её за плечи:

— Всё будет хорошо, любимая. Мы только вылечим Еремеева, вернём домой царицу, восстановим брак Гороха, найдём убийцу возчика Брыкина, выясним причины нападения вандалов на Немецкую слободу, проведём экспертизу баньки на предмет закрытия дверей и...

— Поженимся? — с надеждой подняла бездонные глаза моя бывшая бесовка.

Я кивнул:

— Обещаю. Да там в принципе всё уже договорено должно было быть. Я прямо сейчас сбегая к отцу Кондрату и уточню день венчания. Вроде бы к концу недели он посвободнее. Пышную свадьбу закатывать не будем?

— Не надо.

— Вот именно. — Я присел на лавку рядом, тоже глянув в окно.

Матушка государыня, в нижней рубашке, корсете и подоткнутых юбках, властно учила наших стрельцов движениям австрийской оздоровительной гимнастики. Мужики послушно парились в кафтанах и шапках, но раздеваться при венценосной особе не рисковали. Молодцы, хоть что-то соображают.

— Яга где?

— На экспертизу пошла, дверь смотреть.

— Тогда я тебя поцелую. Такой момент упускать нельзя...

— Это точно, — серьёзно согласилась она, закидывая руки мне на погоны.

Целовались мы сладко, но недолго. Кто нам помешал? Как мне надо называть его — по матери, по имени или и так все уже догадались?! Но начал он безукоризненно тактично...

— Войти позволите ли?

— Да входи уже. — Чуть смущённая Олёна встала с моих колен, я зачем-то отряхнул брюки и строго воззрился на нашего увальня. — Докладывай. Всё докладывай. Но в первую очередь главное: зачем тебе понадобилось арестовывать гражданку Матрёну Тарасову?

— Мне?! — ахнул он, театрально схватившись за сердце.

— Митя, не ломай комедию.

— Да вот вам крест! — Он рухнул на колени и затараторил с такой скоростью, что перебить его значило просто словить неопределённым

глаголом в лоб. Я не рискнул. — Как иду я, молодец, вдоль базарчика. Вдоль базарчику иду, мимо лавочек. На товары не смотрю, чё не видел-то? А ищу себе свищу приключеньица! На головушку ищу на бедовую да на заднюю на часть нефронтальную. Чую, запах предо мной подозрительный, он идёт себе душком из бочоночка. А в бочонке том лежит да капусташка! Не простая, ай-люли, а с брусничкою! Ну и как не навести тут ревизию? Нешто мимо прошагать, не попробовать? Дык куды ж засунуть честь милицейскую, если даже хоть чуть-чуть не попробовать?! Застыдило бы меня всё начальствие, отвернулись б от меня други верные, растерял бы я навек уважение и ушёл бы в монастырь всё замаливать... Но, однако ж, был там страх, всеми ведомый, злобной тёткою на всех огрызаючись! А не к ночи имя ей будь помянуто... Змей Горынычем сидит над капустою. «Пошёл вон! — мне говорит, не стесняется. — А ревизию засунь в место тёмное!» Не стерпел я, молодец, униженьица...

Короче, он опять лез немывтыми граблями в квашеную капусту тётки Матрёны. Она подняла хай, бабы в очередной раз поддержали, и наш недоумок не придумал ничего умнее, как цапнуть начатый бочонок и бежать. Естественно, продавщицы кинулись за ним, благо до отделения недалеко. Ну и за нашими воротами Митенька осмелел, при поддержке еремеевцев намереваясь изобразить мне свой беспардонный поступок как арест изготовительницы на продажу недоброкачественной пищевой продукции с конфискацией содержимого бочонка в качестве вещественного доказательства. И кстати, он во всём прав! Типа я же сам могу лично засвидетельствовать, что ночью его скрутило и припёрло, а такое могло произойти лишь по причине некондиционного товара. Стало быть, казнить его не за что, а вот наградить надобно.

Олёна к концу рассказа уже хохотала в углу как ненормальная. Судя по всему, она думает, что у нас тут каждый день так весело. К этому времени в горницу вошла нахмурившаяся бабка, и Митяй быстренько слинял во двор в ожидании указаний по службе...

— Как результаты экспертизы? — для виду поинтересовался я, хотя почти на сто процентов знал ответ.

— Двух экспертиз, — задумчиво буркнула Яга, усаживаясь за стол. — Капусту вчерашнюю я заодно проверила. Нешто, думаете, вашу беготню ночную от меня, старой, скрыть можно? В общем, плохо дело, участковый.

— В каком смысле?

— Да ты, девка, не напрягайся. — Моя домохозяйка зыркнула на наострившую ушки Олёну. — Твоей вины нигде не отмечено. И дверь в порядке, и капуста квашеная выше всяких похвал! Всё замечательно, всё

как надо, в лучшем виде всё! Непонятно только, с чего ж она вчерась не открылась и отчего у мальчонки нашего всё пузо свело.

— Случайность?

— Ага, она самая...

Браться за блокнот смысла не имело. Всё опять упирается в полное отсутствие хоть сколько-нибудь серьёзных улик. Единственная зацепка — факт смерти возчика. Мы опять вернулись к той же точке, с которой начали.

У нас было много разных дел. Среди них попадались как очень лёгкие, так и безумно непростые. Но чтобы вот так — всё шло наыворот с самого начала... Вот сейчас бы самое время сказать, что «хуже не бывает», а потом неискренне удивиться: «Ах, всё-таки бывает!» И это будет абсолютно справедливо, потому что в горницу заглянула раскрасневшаяся царица, вежливо объявила всем «гутен морген», протопала по лесенке наверх, а уже через пару минут, переодевшись и расчесавшись с похвальной армейской скоростью, она выложила передо мной лист бумаги.

— Дас ист заяфление участковому, — коротко пояснила государыня, принимая из рук моей невесты чашку чая.

Яга нервно хихикнула, закрыв лицо руками, типа она в этом шоу по старости лет уже не участвует. Меня снова оставили один на один с «проблемой». Причём с проблемой государственного масштаба...

— Читаю вслух, — зачем-то оповестил я. — Сейчас. Тут вообще-то сплошные грамматические ошибки, но... я так понимаю, писать по-русски вы ещё только-только учитесь. «Господину Ивашёву (Ивашов через „о“ пишется!) в полицейское управление (в милицейское!) от гражданки-царицы Лидии Карповны (круто звучит!) заявление»... Так, если никто не против, дальше я просто читаю, без комментариев, ошибки отдельно подчеркну потом, дома аккуратно перепишете и ещё раз к нам. Итак, «Господину Ивашову в милицейское управление от гражданки-царицы Лидии Карповны заявление. Прошу предоставить мне место в отделении в связи с уходом от мужа. Согласна на любую работу. Умею шить, вязать, стрелять из пистолетов, готовить, знаю три языка, вытираю пыль, мою пол. Жалованье — исходя из штатного расписания. Временным жильём обеспечена. Прошу удовлетворить». Дата, подпись, личная печать. И что это значит? Каким ещё «временным жильём» вы тут обеспечены?!

— Не тут, — гордо выпрямилась государыня. — Я есть жить в Немецкой слободе, а служить Родине здесь! Ви уже имел честь со мной бить в деле, и ви знают, что я есть не подведу. У фас можно служить женщине?

— Э-э... вообще-то в отделении практически мужской коллектив.

— Герр, мутер Яга — не женщина?!

— Это единичный случай.

— А фаша нефеста Олёнушка? — с чарующей улыбкой начала загибать пальчики Лидия Адольфина. — И я знаю, как в нашем народе поговорят поговорк «Бог Троицу любит»! Я быть третий. Ви мне не отказать!

— Почему это?

— Потому что тогда я вся буду очень горько плакать.

Мне пришлось попросить тайм-аут на размышление и выманить бабку в сени. Олёна, утешая, гладила царицу по голове, подсовывая ей плюшку, а мы с нашей опытнойшей эксперт-криминалисткой резко провели внеплановое совещание. Митяй тоже подал пару реплик, но они были не по существу и касались скорее психотипа поведения Гороха как несостоятельного мужа, а потому записи в протокол не подлежали. В целом, если кратко, у нас получилось следующее:

— Наша Лида на пределе. Ещё чуть-чуть дожать, и вся её хвалёная нордическая крепость рухнет в слезах и истерике. Вежливо выпроводить её мы не можем, некуда ей идти. Кнут Гамсунович наверняка не одобряет её демарша, но в крыше над головой не откажет, исходя из принципа «милые бранятся — только тешатся».

— А царь? — убито вздохнула наша старушка.

Я тоже вздохнул:

— Ну а что, в сущности, царь? Тут всего два варианта: либо он на фиг сровняет с землёй всё отделение, а нас полной опергруппой зашлёт на Магадан, либо... просто казнит. Чего тут непонятного?

Мы с Ягой коротко, по-родственному, обнялись и вернулись в горницу. Олёна смотрела на меня так, словно только я на всём белом свете мог погрозить пальчиком венценосному мужу её подруги. В случае невыполнения мной этого самоубийственного подвига она берёт своё слово обратно и за такого низкого труса замуж не выйдет. Может, конечно, я чего и преувеличиваю, но в дверь постучали, и прибежавший со двора Митька доложил о визите дьяка Филимона Груздева с жутко срочной депешей от государя...

* * *

— Зови, — прокашлялся я. — А всем остальным быстренько приготовить тут всё... для встречи важного гостя!

Когда это чучело огородное, этот панк в сутане, этот гейша-трансвестит в подряснике с недощипанной бородёнкой сунулся к нам в горницу, мы встретили его полным парадом. Баба-яга, в кузнечных перчатках и противогриппозной маске на лице, что-то мудрит с порошками и бытовой химией, время от времени завывая и цыкая зубом на кота. Кот Вася, вздыбив шерсть, то есть зримо увеличившись на четыре с половиной килограмма, опасно раскачивается на печке с самым зверским выражением в глазах и зелёными искрами, пробегающими по загривку. Под печкой сидит, скрестив ноги в новых чувяках, наш азербайджанский домовый, сияет белозубой улыбкой и демонстративно точит тесак размером чуть меньше собственного носа. Моя Олёнушка, бывшая бесовка, бывшая преступница, напевая тихую колыбельную, мастерит из девичьей ленточки недорогую удавку. Матушка государыня, подоткнув подол и засучив рукава, со здоровым немецким энтузиазмом намывает в лохани посуду. И только я скромно сижу за столом с раскрытым блокнотом, честно выполняя свои служебные обязанности — «приём заявлений от населения с 8 до 12».

Дьяк остолбенел минуты на три, лупая глазками и не зная, с кого из нас начать. Я дал ему возможность насладиться увиденным, а потом перешёл к делу:

— Вы к нам по какому вопросу, гражданин Груздев?

— Я... я-то... тьфу, да ты что же творишь, ирод некрещёный?! Ты как посмел матушку царицу тиранить? Ейное ли дело рученьки белые в чужом тазу мозолить, плошки-чашки мыть... — Опомнившийся дьяк подскочил ко мне, храбро вздымая над головой холщовую сумку с письменными принадлежностями. — Ты к чему энто, змий, государыню припахал?!

Миг — и на шее героя думского приказа затянулась удавка, в рёбра упёрся нож, в сумку впились когти, ноги приросли к полу, а в довершение Митя, высунувшийся на шум, повертел головой и улыбнулся:

— Я думал, тут опасность какая вам, Никита Иваныч, грозит, а энто вы сами Филимона Митрофановича жизни лишаете. Ну да небось справитесь, а труп я за овином закопаю, не извольте беспокоиться. Надо будет, и цветочки там посажу, тока свистните...

— Гражданин Груздев, я второй раз спрашиваю, вы к нам по делу или так, суицид приспичил?

— По делу, — жалобно проблеял слуга государев. — Пустите тока, сотрудники милицейские, чтоб вам... всякого по жизни благополучия...

— Спасибо, и вам того же, присаживайтесь. — Все наши незаметно

вернулись к своим делам.

Посыльный поёрзал на лавке, борясь с искушением вновь сказать мне какую-нибудь гадость, и наконец молча вытянул из-за пазухи свёрнутое в трубочку письмо от Гороха. Я даже не стал его разворачивать, так, сунул небрежно в кучку и попрощался с дьяком:

— До свидания. Удачи в вашем нелёгком труде. Вас проводить?

— Куды? — не понял он. — Энто что ж, на грамоту царскую и ответа не будет?! Ох, участковый...

— Ответ я чуть позже отправлю, с дежурным стрельцом. Так вас проводить? Я ведь чисто из соображения вашей же безопасности спрашиваю.

Помните, в каком виде дьяк читал стихи Гороху? Так вот сейчас его несуразный наряд был отмечен на спине двумя-тремя точными попаданиями куриных яиц, а неровные полы грязного кимоно здорово подраны уличными собаками. Подхалимистый Филимон Митрофанович являл собой слишком заметную мишень, и я понимал несдержавшуюся ребятню... Однако, к немалому нашему удивлению, гражданин Груздев торжественно сложил руки перед грудью, отвесил низкий японский поклон и ушёл от нас гордой походкой непокорённого самурая-рёнина. Блин, что творится, слов нет...

Мы всей толпой невольно уставились в окно. Дьяк полностью оправдал наши ожидания: у самых ворот он умудрился споткнуться, на ровном месте, хряснуться едва ли не в шпагате, сбить двух дежурных стрельцов, так что оба бородача разлетелись в разные стороны, а бердыш одного махом сбрил половину тощей дьяковой бородёнки...

— Не свезло, — драматическим полушёпотом признала Яга.

— Это точно, — согласился я. — А сейчас ещё и стрельцы поднимутся, добавят.

— Да бросьте вы, — подала голос Олёна. — Ещё как свезло — ведь самую чуточку, и головы мог человек лишиться. Жалко же...

Мы с бабкой недоумённо переглянулись. Обозначить Филимона Митрофановича словом «человек» — поступок чересчур великодушный. Геморрой во плоти, прыщ в ермолке, аппендикс думского приказа — так мы его обычно называли, и вполне заслуженно, кстати! В смысле он не жаловался... Даже гордился порой.

— Спишем на неопытность? — предложил я.

— А ты чего хотел? — кивнула бабка. — Первый день человек в органах, службы не знает, опыта с кляузниками не имеет, сама из преступного мира выбралась, вот и видит всех людей в свете розовом.

Через десять минут, раздав указания и обозначив каждому линию служебного расследования, я удалился в гости к отцу Кондрату. Всё-таки свадьба — дело святое и долго томить любимую девушку в положении невесты на втором этаже я не намерен. Женюсь, вот прямо сейчас назначу дату венчания, это всех нас сразу подтянет, дисциплинирует и заставит бодренько завершить всё следствие, уложившись в сроки. До храма Ивана-воина было не так далеко идти, я бы минут за пятнадцать-двадцать дотопал. Если бы догадался взять с собой охрану...

От кого? От наших честных и законопослушных граждан, естественно! Которые толпой атаковали меня, едва я покинул территорию вверенного мне отделения.

— Батюшка сыскной воевода, а вот мне кой-то ночью телегу на сарай поставил. Но жена не признаётся! Может, сама кобыла? Уж больно морда у ней подозрительная...

— Всё тесто из бадьи убежало-о! Отыщи злодея, участковый, Христом-богом молю, отыщи! И тесто заодно... Я ж говорю, сбежало! Так посередь улицы кувыркком неслось, что и вприпрыжку не догнать...

— Тут такое дело, участковый... скромное дело, можно сказать... При людях и не выговоришь... Ну никак! А жене надо... дура... Раньше-то надо было хотеть, пока молодой был! А теперича... ровно украл кто всю мощь-силушку. Отыскать бы да возвернуть, а?

Итого за всю дорогу до батюшки я выслушал около полусотни жалоб устно и не менее двадцати получил в письменном виде, обещая прочесть на обратном пути. Чувствую, что обратно придётся идти огородами. Такое впечатление, будто бы весь город захлестнула волна мелких, но крайне неприятных преступлений, которые и обычным хулиганством-то не всегда назвать можно. И волна эта всё продолжает накатывать, раз за разом увеличивая масштабность причиняемых разрушений. Скоро у нас всё отделение по самую крышу будет жалобами завалено, лукошкинцы — народ активный.

И главное, хоть бы кто вспомнил про мою свадьбу! Вот ведь буквально два дня назад это была самая обсуждаемая на улицах тема, сенсация года, новость дня, а сейчас... Даже не намекнул никто, эгоисты... И я такой же.

На подходе к резной ограде храма меня атаковали сразу шесть мышиноподобных бабулек. Знаете, из разряда тех, что вечно толкутся при церкви, старательно помогая священнику и рьяно прогоняя со своей территории всех, кто не так стоит, не так крестится, не тому молится, не с тем выражением лица и вообще в мини-юбке. Они на меня давно крысят, считают, что я отца Кондрата всенепременно посадить хочу. Для них он

«святой», а для нас такой же гражданин, как и все. К тому же, с моей точки зрения, батюшка отличался крутым нравом, скоропалительностью решений и лёгкостью на кулачные разборки «за правое дело». Короче, в порубе он у нас сидел, и не раз, было за что... Я нашёл его в специальной церковной каптерке в алтарной части. Отец Кондрат встретил меня барским изгибом брови, лично меня он величаво терпел исключительно из уважения к постулату «любая власть от Бога!», что абсолютно не мешало нам пару раз успешно сотрудничать.

— Здравия желаю, падре!

— Сам ты это слово! — огрызнулся батюшка, не поворачивая головы.

— О, да вы не в настроении с утра пораньше?

— Будешь тут в настроении, когда Господь такое рабам своим грешным сподобит...

— Бл... блин горелый, — едва не выругался я, когда священник обернулся ко мне лицом — левая половина бороды была густо заляпана воском, под глазом багровел синяк впечатляющий, а левая рука обёрнута мокрой тряпочкой.

— Кадилом на службе увлёкся...

— Уф... я уж думал, вас тут фашисты пытали...

— Не свезло, всех делов-то, — отмахнулся отец Кондрат. — Кадило с пальца возьми да и соскочи! Мне по мордасам, я от боли великой грешным ликом в свечи поминальные, ну там и руку обжёг, сподобился... И смех и грех, и пожаловаться некому. А ты зачем явился-то?

— Да так... — У меня голова начинала просто пухнуть от всех этих подозрительных невезений. — Дату венчания хотел уточнить.

— Как договорено, так тому и быть. На следующей неделе, в пятницу, с утречка на исповедь, а к обеду уже обручу ты, грешника, с невестой молодою. Чего ж уточнять?

— Ну если... всё передвинуть, к примеру?

— Нешто жениться раздумал? — недобро сощурился батюшка. — Нехорошее это дело — от венца увиливать, не по-божески будет. Неженатыми на земле тока монахи ходят, а с твоей-то рожей ни в монастырь, ни в сенат, ни на паперть... Женись, участковый, не то я прокляну!

Я молча поглядел ему в глаза. Отец Кондрат, видимо, так понял, что увлёкся, и, сменив гнев на милость, широким жестом предложил мне чаю. Рассиживаться не хотелось, но пару вопросиков я ему всё-таки задал:

— А что, в последние два дня никто из прихожан не жаловался на внезапное невезение?

— Было такое...

— А что это, по-вашему, может, бесы?

Батюшка вновь начал наливать краской, ошибочно полагая, что я имею в виду его кульбит с кадилом, но меня интересовало совсем другое. Я, кажется, нащупал нить. А бесы так, для поддержания разговора...

* * *

Обратно в отделение я уже не особо спешил: если мои догадки верны, я туда просто не дойду. Мне — не повезёт! Главное — не думать об этом. Вообще не думать. Дать событиям течь «естественно», своим чередом, ничего не менять, двигаться вперёд согласно установленному плану, и только тогда неожиданность будет вполне ожидаемой.

А вечером, если вернусь (тьфу, когда вернусь! Какое ещё «если»?!), поставить бабулю перед фактом. Она не первый день в милиции и как эксперт-криминалист всегда себя оправдывала, значит, найдёт решение и сейчас. Главное — представить ей максимум информации. В этом полусказочном-полуреальном мире ни в чём нельзя быть стопроцентно уверенным. Преступники используют волшебство, свидетели заколдовываются, улики говорят человеческим языком, про суд и прокуратуру вообще лучше не упоминать — самодурские перекосы такие, что звёзды на погонах плавают. Легко ли нам, милицейским, следить за законом и порядком, твёрдо зная, что каждого задержанного злодея ждёт обычно одно и то же наказание — плаха... Ну или при очень-очень-очень снисходительном судье — публичная порка кнутом и сахалинская каторга. Это лучше, да?! Хотя, конечно, успехи в профилактике правонарушений у нас огромны...

— Стой, сыскной воевода! — грозно раздалось за моей спиной, и шестеро смущённых стрельцов царской охраны взяли меня в кольцо. За их спинами, сдвинув брови, маячил седобородый боярин Кашкин.

— Это арест? — с ноткой радости уточнил я. Вот говорил же, что не повезёт!

— Милиция твоя арестовывает, а мне государь повелел тебя сей же час лишь пред свои очи поставить! Чуешь ли разницу?

— Примерно, — согласился я, и мы неторопливо направились к гороховскому подворью.

Всю дорогу старина Кашкин по-отечески увещевал меня не спорить с государем, смиренно принять царскую волю, не грубиянничать и не махать презумпцией невинности, а матушку Лидию Адольфину вернуть законному мужу по-хорошему.

Ой, да можно подумать, я против?! Мне одного Гороха в роли рядового стрельца на службе по уши хватило, а уж держать бывшую австрийскую принцессу в посудомойках... Хотя на первый взгляд со своими обязанностями она справлялась неплохо, а прислуги у нас нет. Жаль будет отпускать...

— Пока идём, разрешите уточнить один вопрос, — спросил я чисто для поддержания разговору. — У вас вчера или сегодня ничего такого малоприятно не происходило?

— У меня-то?

— Да, лично у вас. Ну там споткнулись на ровном месте, встали не с той ноги, государя локтём невзначай пихнули, когда он рюмку алкоголя ко рту подносил, мало ли...

— Тьфу на тебя, балабол, — совершенно не обиделся старый боярин. — Ничего такого со мной не случилось. А вот тебе придётся перед царём ответ держать! Эх, молодёжь...

Значит, эпидемия захватила ещё не весь город. Возможно, речь можно вообще вести об отдельных районах или хаотическом попадании наугад. Нет, опять не так — наше отделение поражено этой заразой точно, а в сторонних граждан оно бьёт время от времени. Вроде эта версия логичнее...

Весь дальнейший путь шли молча. И только у самых ворот в царский терем один из стрельцов, приотстав, тихо буркнул мне на ухо:

— У боярина, может, и нет, а у нас было. За одно утро у меня, Петрова да Жбанова сапоги мозоли натёрли. Да ведь не новые сапоги, а разношенные, и мозоли-то у всех на левой пятке, как по заказу... Не к добру это, а?

— Возможно, — серьёзно кивнул я. Гипотеза подтвердилась.

Горох ждал меня всё в той же комнатке, спешно переоборудованной под строгий японский стиль. Русский царь сумрачно восседал на кушетке, в перемазанных тушью пальцах подрагивала беличья кисть, а вокруг валялись скомканные листы белой бумаги. Похоже, художник из него, как из бабкиного домового детсадовский логопед.

— Битый час пытаюсь вон ту сосёнку в горшочке изобразить, — со вздохом подтвердил мои догадки Горох. — Уж вроде и медитировал, и вымылся загодя, и кимоно чистое надел, ан нет — не дал мне Бог такого

таланту! Присядешь?

— Спасибо. — Я снял обувь, сел напротив царя и выжидающе поднял на него взгляд. Пусть сам выговорится, ему надо.

Государь, не спрашивая моего согласия, достал из-под кровати бутылочку sake и маленькие чашки. Вытащил пробку, принялся, страдальчески прищурил глаза и убрал всё обратно. Потом встал, открыл знакомый мне шкафчик и быстро наполнил нормальной водкой две приличные стопки. Я и не думал отказываться, день нервный. Чокнулись и выпили молча, без тостов и без закуски. Водка была хорошая, на кедровых орешках, молочной очистки, абсолютно лишённая запаха сивушных масел.

— Как в отделении, дело возчика движется?

— Ни шатко ни валко, — честно признался я, вкратце пересказывая всё, что у нас за это время произошло. Горох слушал рассеянно, не перебивал, однако и повторно наливать не торопился. — Почти все проводимые меры и две экспертизы по горячим следам ни к чему не привели. Но сейчас у нас сложилась более-менее устойчивая теория. Хотя предположительно мы имеем дело с новым и очень опасным противником. Я бы даже сказал...

— Моя-то как там? — глядя в пустую стопку, перебил меня государь.

— Зачислена в штат. Притирается к коллективу. А что, есть какие-то особые пожелания?

— А в морду?

— Пятнадцать суток.

— Да кто меня посадит?! — рыкнув, подскочил Горох и так же резко сник. — Обо мне что спрашивала?

— Нет. И, кстати, не рассказывает ничего. Может, хоть вы объясните, в чём дело? Вряд ли вам долго удастся скрывать от бояр и всей общественности факт ухода жены...

— Так я ж писал тебе?! Ну если Филимон где эту грамоту посеял — семь шкур с дурака спущу!

Я молча хлопнул себя ладонью по лбу. Письмо от царя!

Пришлось экстренно извиняться, в его же присутствии достать злополучный свиток и быстренько прочесть. Хм... э-э-э... ну и какого? В смысле что это вообще?!

— Чего рожу-то недовольную скорчил? — поджал губки надёжа-государь, выхватывая у меня своё письмо. — Вот же русским языком тебе написано: «Дура она, не обращайтесь внимания!» Чего непонятно?

— Я... я... — Мне с трудом удалось откашляться. — Я просил вас объяснить, что произошло, почему супруга ушла от вас на работу в

милицию простой посудомойкой, а вы!!! «Дура» и «не обращайтесь внимания»?!! Да нам ваша же дума весь двор по брёвнышку разнесёт, как узнает, что на меня сама царица ишачит!

— Не ори...

— Буду орать!

— Ну и леший с тобой, ори, дубина несострадательная... — надулся Горох.

Пару минут мы сидели злые, как два медведя после спячки, когда есть хочется, а пчёлы мёд всё не несут и не несут! В дверь деликатно постучали. Мы повернули головы — на пороге стоял красный от праведного гнева боярин Бодров с половиной думской фракции. Лица у всех скорбные и торжественные, бороды торчком, усы поникли, во всём облике — скорбь неземная.

— Не вели казнить, царь-батюшка! А вот тока ведомо ли тебе, что в сей момент жена твоя законная, а нам всем государыня, в отделении милицейском в плену томится, злодею-участковому чашки грязные собственными рученьками отмывает?! Горе-то какое, батюшка-а...

— Здравия желаю, — тихо высунулся я из-за спины Гороха.

И началось...

— Навались, бояре! Бей мента-изменника!! Уря-а-а!!!

Гороха смели первым, задние ряды в патриотическом напоре не заметили, что меня заслоняет сам царь. Вот видите, и ему не повезло. А сейчас и мне не повезёт...

— Граждане бояре! Нападение на сотрудника правоохранительных органов карается сроком до...

Да кто меня, собственно, слушает? Двух пузанов пошустрее я даже успел сбить с катушек, пока основная масса застопорилась в дверях, кувыркаясь через павшего государя. Все японские причиндалы были затоптаны напрочь, мини-сосну выдрали с корнем, бумажную ширму надели мне на голову! Я рухнул в угол, больно ушибся копчиком, но не волновался ни капли: если мои теории работают, то сейчас крепко не повезёт боярам...

Точно! Они, конечно, ещё успели пару-тройку раз пнуть меня сапогами, и кто-то даже огрел посохом поперёк спины, а потом в кабинет вломились царские охранники. Ну наконец-то... Стрельцы наши обалдели, глядя, как на их драгоценном работодателе топчутся почтенные кабаны в бобровых шапках, но, придя в себя, дружно ринулись в потасовку. Минут через десять всё было кончено.

В смысле мы с царём стояли на своих ногах, но прислонённые

поближе к стенке, а неутомимая фракция защитников «традиционализма энд монархических ценностей» штабелями была складирована в противоположном углу. Взмокшие стрельцы на коленях просили государя простить их, «потому как замешкались». Я бы таких неоперативных телохранителей вообще гнал в шею, но Горох вместо этого пожал каждому руку. После чего снял со стены старинный самурайский меч и указал мне на дверь:

— Пошёл вон! Службу служи, дела расследуй, припёрся же...

— А вы?

— А я задержусь. — Он запрокинул голову, унимая всё ещё бегущую кровь из носа. — Я тут бояр моих особо ретивых кастрировать буду... на голову!

* * *

Домой, в родное отделение, я шёл уверенной, чуть прихрамывающей походкой. Не знаю, как у Яги или Митьки, а для меня сегодняшний день обернулся большой удачей. Разумеется, если не считать синяков, шишек, пинков и ссадин на рёбрах после боярских сапог. Со свадьбой разобрались, новые улики набраны, есть правильная постановка задачи для нашей бодрой эксперт-криминалистки, и, кажется, я знаю, каким образом замазать досадную трещину в браке царя и царицы.

На улицах было малоллюдно, обеденное время, все по домам. «Макдоналдсов» в Лукошкине ещё не понастроили, по трактирам и кабакам народ тусуется ближе к вечеру, обедать предпочитают по старинке — в семейном кругу или артельно. Возможно, и мне бы стоило ускорить шаг, бабка не предупреждала, что сегодня на обед, но, учитывая, что на кухне кроме домового аж целых три женщины... Если не передерутся, то накормят. В крайнем случае всегда можно получить сухой паёк у того же Назима.

Примерно с такими вот мыслями я и вышел к нашему кварталу. Плотная толпа у ворот отделения была видна ещё с дальнего конца улицы. Причём ни шуму, ни криков, ни мата — тихо так стоит народ, крестится иногда да в затылках чешет. Я, знаете ли, как-то ведь и не сообразил сразу, чего это они. И только когда к калитке поближе подошёл, стрельцы просветили:

— Богомаз знакомый ваш забегал. Ну тот, который иконки не по-людски малюет. Вона весь забор нам энтими ликами увешал. Дескать, вы разрешили...

— Более того, я ему их лично заказал. — Мне вспомнился разговор с Саввой неделю назад. — Он должен был нарисовать для нас двенадцать портретов преступных лиц, находящихся в розыске. Чтоб все эти рожи видели и могли поспособствовать органам. Обычная милицейская практика.

— А-а, тады тебе видней, сыскной воевода, — мрачно ухмыльнулись еремеевцы. — Иконы-то уже видел, поди?

— Не иконы, а портреты!

— Ну кому портреты, а кому... и двенадцать апостолов...

Мамма миа! Антракт окончен, три звонка, второе действие, проверим, кому на этот раз конкретно не повезло. Я с извинениями протолкался поближе к забору, уткнулся едва ли не носом в аккуратную дощечку размером с альбомный лист и ахнул...

На меня смотрело благообразное лицо пожилого мужчины лет под семьдесят, с евангельскими кроткими очами, аккуратной бородой, прорисованное с соблюдением всех канонов православной живописи. Выбивалась только подпись на церковно-славянском: «Петр — лиходеи и убийца». Рядом висел «Павел — конокрад и вор» — те же иконные приёмы, тот же неземной свет от лица, разве что нимб над головой не светится. Убить художника мало...

И ведь я сам по-человечески просил этого мазилу, этого Рафаэля непризнанного, этого Пикассо в голубом периоде с кубиками и глазом на носу изобразить нам наиболее опасных преступников без всякого авангарда! В нормальной манере! В традиционной, чтоб его! На «Андрее — мошеннике и горькой пьяни» в мою гневную голову виновато стукнулась мысль о том, что слово «традиционно» простодушный Савва мог воспринять по-своему. Он ведь говорил, что умеет писать иконы, как все, в привычной манере...

То есть опять я сам виноват? Мне оставалось лишь выбраться из зачарованной толпы и устало махнуть рукой стрельцам — пусть висят, чего уж там... Посмотрим, конечно, кого они к нам потом притащат, но портить художнику первую персональную выставку не будем. Да и людям интересно, вернисяж всё-таки...

А на обед я, разумеется, опоздал. В доме меня ждала только бабка. Митю, Олёну и царицу она отправила по лавкам, надо было кое-что закупить по хозяйству и для вечернего мероприятия. Под «мероприятием» имелась в виду очередная экспертиза, Баба-яга специалист серьёзный и

после двух неудач дело не бросит, для неё это вопрос профессиональной чести. Я было дёрнулся рассказать ей о своих сегодняшних подвигах, но моя домохозяйка в каких-то вопросах традиционно непреклонна: покуда не поем, слушать не будет. И лишь когда жгучее харчо и нежная свинина по-монастырски успешно переместилась ко мне в пузо, бабуля сама начала разговор. Правда, не на ту тему...

— Любит она его, Никитушка. Пусть и дурак он, и сумасброд, и натура увлекающаяся. Хоть обидел её сильно...

— Как именно?

— Да уж так. — Яга перешла на смущённый шёпот. — Попросил он у ней чёткой-то ночью. То ли соловья, то ли жаворонка изобразить. Ну а государыня не смогла... Не умею, говорит, по-птичьи свистеть. А он изобиделся! Дурой обозвал вслух... А ты чё лыбишься-то?

— Так, вспомнилось кое-что...

— А-а-а, ну я уж у царицы-то и так и эдак интересовалась, чего ж такое мужику от бабы понадобилось, чтоб у ей не было?! Ить как ни верти, а все мы на один манер сшиты, под одни болванки заточены, одним мёдом мазаны. Бесовку твою любопытную выгнала даже, да всё одно толком не призналась Лидушка. Кремень австрийский! Честь семейную блюдёт! Потому и ушла в милицию, вроде как и не дома, и всё ж таки на службе у того же Гороха...

— «Жаворонок», говорите? — Я с трудом сдержал улыбку. — Думаю, это проблема решаемая. Самое главное, что царь, хоть и строит из себя неприступного самурая, вполне подвержен обычным человеческим страстям и очень переживает за свою жену.

— Энто не он тебе с переживаний эдакую дулю на лоб навесил?! Подрались, поди, как мальчишки прям.

— Нет, — гордо откинулся я, прижавшись спиной к тёплой печке. — Это мы с боярами махач устроили. Из-за царицы, между прочим. Там вся дума на ушах стоит, оттого что мы тут матушку государыню за всем отделением посуду мыть заставляем!

— Да всего-то разок и попросили, — возмущённо всплеснула сухонькими ручками Яга. — От ить вруны толстопузые, не ровён час, попадутся нам по одному в узком переулочке.

— Им сейчас сам Горох подаренной катаной через задницу мозги вправляет, — нимало не задумавшись над двусмысленностью выражения, я сыто улыбнулся, вновь придвинулся к столу и начал свой рассказ: — А теперь давайте вернёмся к делам следствия. Итак, сегодня у меня чётко сложилась в голове одна вполне логичная версия. Не вписывается в неё

только смерть возчика, но это пока... Начну сначала.

Бабка честно слушала весь мой бред в течение получаса. Перебивала по существу, ругнулась разок (когда меня бояре колотили), пару раз хихикала (про отца Кондрата со слипшейся бородой), вздыхала в нужных моментах и на посторонние раздражители не отвлекалась. Блистательный Назим, в чистой рубашке, но грязном фартуке, бесшумно доливал нам чаю, подсовывал лепёшки и варенье, всё тихо, безмолвно, без единого лишнего движения да вдобавок не сводя с Яги искренне влюблённого взгляда. А не поженить ли и их, кстати?! На этой купидоноподобной мысли я застопорился, благо отчёт подошёл к концу. Вроде бы день прошёл не зря — во взгляде моей домохозяйки прыгали сумасшедшие сиреневые искорки, хороший признак...

— Ох и мудр же ты у меня, участковый, — удовлетворённо пристукнула кулачком по столу бабка. — Опять белку прям в глаз бьёшь!

— Бабуль, вот только про белку не надо, а? У меня уже комплексы из-за неё... Скажите лучше, вот из всего этого можно хотя бы предположить, что мы имеем дело с некой колдовской силой, способной одновременно совершать хулиганские акции в разных районах отдельно взятого города?

— Предположить можем... Хотя и неохота мне такое-то предполагать. Ну да экспертиза, поди, покажет. А ты мне вот чего, старой, растолкуй: это ж какую такую «птичку» наш Горох от своей Лидушки в ночь требовал? Да не хихикай так явно уж, а то и у меня самой от смеха губы разъезжаются, а дело серьёзное.

— Не могу, — действительно едва дыша, просипел я.

— Никитушка-а, ну интересно ведь! Ну скажи, скажи, а то так дурой необразованной и помру...

— Всё равно не могу!

— Да хватит ржать-то, — начала всерьёз заводиться Яга. — Ить я же тоже не лыком шита, за жизнь долгую женскую чего тока не навидалась, не наслушалась. Ясно же, что не о живой птахе речь, так поделись смыслом иносказательным — небось не покраснею?!

— Бабуля-а... правда, не могу! Давайте я Ваське всё расскажу, а он вам потом по-своему намурлыкает?

Моя домохозяйка надулась и обиженно принялась убирать посуду. Я кое-как отдышался и взялся за блокнот. Уже четвёртый, подарок из переплётной мастерской при Немецкой слободе. Мой первый, из Москвы, давно распух от записей и занял почетное место в наших милицейских архивах. Бабка отойдёт быстро, а я, как ни верти, не смог бы ей внятно объяснить, что царь наверняка имел в виду какую-нибудь безобидную позу

из японских трактатов о любви.

У них там всякого понамышано, и в основном с поэтически-возвышенными названиями. «Взлетающий жаворонок», «парящий орёл», «танцующая утка», «скользящая цапля», да мало ли... Не буду строить из себя умника и всезнайку, просто мы с парнями как-то читали один такой, смеха ради, ещё в школе милиции. Нет, правда, очень смешно было, потому что попалась книга об искусстве любви для геев! Какой-то японский монах с нехилыми тараканами в голове написал, что, дескать, только не касаясь женщины, истинный самурай может достичь духовного роста и просветления. А подчинение мужчине приучает к вассальной верности и готовности отдать жизнь за господина. Ребята ещё грубовато шутили, что типа наше высшее начальство так с нами и поступает, в фигуральном смысле. Как звали того озабоченного монаха или хотя бы название книжицы — убей бог, не вспомню! А вот вроде «взлетающий жаворонок» как раз оттуда и всплыл...

Я решил сдержать слово и, поманив за собой кота, увлёл его в сени, где на ухо и пересказал всю информацию. Вася сначала очень внимательно слушал, потом, зримо приобалдев, посмотрел на меня округлившимися глазами и без оглядки дунул в горницу. Вернулся буквально через минуту, притащив на хвосте недовольного Назима с большущим кухонным ножом. Я так понял, что придётся всё повторять по второму разу. Отбарабанил быстро, как на экзаменах, потом, косо взглянув на подрагивающий в руках домового тесак, осторожно спросил:

— Ну и как вы считаете, могу ли я лично рассказать такое нашей Яге?

— Нэ можешь! — Назим зыркнул на меня, как сельский учитель на журнал «Плейбой», — И Васка тоже нэ может! Нэкто нэ может, и я нэ могу! Всэ молчать будэм... Кто нэ так — зарэжу!

— А-а, что ж, вполне разумное и взвешенное решение, — переглянувшись с котом, признал я.

Азербайджанский домовый вытер вспотевший лоб грязным фартуком и ушёл к себе под печь. Васька задержался ненадолго, вяло шлёпнул меня лапкой по щеке, зачем-то подмигнул, после чего вышел во двор, вальяжно покачивая бёдрами и призывно задрал роскошный хвост! Скотина эдакая... Всё бабке расскажу, мысленно поклялся я, потому что в столь дурацком положении не был давно. Ага, аж со вчерашнего вечера...

— Ну-кошь, выйдем, Никитушка. — Из своей спаленки решительно выдвинулась Баба-яга. — Чего ж энто мы вечера ждать будем, есть у меня мыслишка одна, и сейчас провернуть не грех. Чай, не великое волшебство, управимся.

Мы вышли во двор, предупредили еремеевцев, чтоб не лезли под ноги, и скрылись на пустыре за баней. Я сразу понял, зачем мы сюда пришли. В наше первое дело моя домохозяйка успешно произвела вызов птиц, зверей и всякого прочего насекомо-пресмыкающегося рептилиеобразного зверья. Тогда ещё одна престарелая гадюка (наверняка знавшая Ноя лично!) подсказала нам бесценную информацию о тайне перстня с хризопразом. Видимо, и сейчас Яга намеревалась повторить нечто подобное...

— Зверя лесного звать не будем, чего зря народ дивить, не цирк приехал, — деловито бормотала она себе под нос, разминая хрустящие в суставах пальцы. — Змеям да лягушкам болотным тоже, поди, несподручно будет по улицам скакать. Думаю, мы и птицами поднебесными распрекрасно обойдёмся. Ежели повезёт, я те в сей же миг имя злодейское назову!

— А если не повезёт?

— В этом и смысл, сокол ты наш, — задумчиво протянула неутомимая бабка и, подняв руки к облакам, певуче зачастила: — Ой вы, птицы поднебесные, перелётные, домашние да водоплавающие, ночные, дневные, из гнёзд, из дупел поднимайтесь! С веток, полей, речек, озёр да болот срывайтесь! Кто крылом, кто бегом, кто вприпрыжечку, — станьте передо мной как лист перед травой!

Сколько помнится, заклинание ничуть не изменилось, да и чего там, собственно, менять. Минуты не прошло, как воздух над нашими головами загудел от прилёта массированных птичьих стай. Я уставился вверх, придерживая фуражку на затылке, — японский городской, сколько ж их там?! Над нами кружились голуби, парили орлы и коршуны, плавно летали лебеди, крыльями мельтешили дикие утки, горланили вороны и галки, а нахальные воробьи, те вообще едва не садились на голову. Ну и ну, натуральный птичий рынок, попугаев только не хватает...

Сейчас они с шумом усядутся на заборе и Яга спросит их: «А не слышали ли вы про...» Про кого, кстати? Я повернулся к бабке, дабы уточнить формулировку, и... То, что произошло потом, мне до сих пор неудобно вспоминать даже перед зеркалом. Вместо того чтобы усесться на заборе и выслушать нашу эксперт-криминалистку, вся огромная разнопёрая птичья стая одновременно обстреляла нас помётом и нагло скрылась в небесах. Мы стояли как два помеченных собаками столбика. Оба в птичьем дерьме с ног до головы, разноцветные, дурнопахнущие и так авангардно раскрашенные, что и сам Савва Новичков удушился бы от зависти! Я осторожно поднял взгляд на Ягу. Бабка замедленным движением сняла каплю помёта с кончика носа и тихо попросила:

— Вот тока слово одно скажи, Никитушка... Я за себя не отвечаю!

Мне оставалось только кивнуть.

Но если бабуля думала, что одного моего молчания достаточно, то, увы, она ошиблась. Причём глубоко...

* * *

— Ох ты ж, мать честная! — восхищённо раздалось за нашими спинами. — Тока бы успеть хоть кому исповедаться, а там уж и помирать не страшно. Та-а-кое своими глазами видел...

— Митька! — не оборачиваясь, опознали мы.

— А не пойти ль мне, добру молодцу, широким шагом в баню? — задумчиво произнёс он, исчезая ровно за миг до того, как бабкина ярость развернула её на сто восемьдесят градусов.

— Сей момент водичка горячая для мытья подготовлена будет! Вам оно сейчас ой как надо-о!.. — проорал он, захлопывая за собой дверь. Хорошо ещё догадался запереться изнутри — моя тихая домохозяйка ломилась туда с кулаками и матюгами, так что мне едва удалось её оттащить. Хотя, по существу дела, я должен был бы сначала сказать ей спасибо, ведь экспертиза-то прошла удачно...

Отматерившись, бабка ушла в дом приводить себя в порядок, а мне соответственно выдала направление на помывку. Бледный Митенька охотно (после долгих уговоров и угроз) впустил меня в баньку, восемь раз заставив поклясться всем на свете, что Бабуленька-ягуленька за спиной моей не прячется и сироту, к стенке прижатого, не обидит... Вся моя форма была сложена в лохань для отдельной стирки, а мне пришлось в очередной раз сдаться на милость своего младшего сотрудника. Парить Митя умел как никто! И тело и мозги...

— Так вот, Никита Иванович, идём, значит, мы сегодня вдоль базару. Ну, сами знаете, время послеобеденное, народец торговые лавочки понемногу сворачивает, тока самые упёртые всё ещё покупателей кличут. Бабуленька наша, чтоб её в аду черти за три версты обходили, такой список чего надо накатала — на три телеги грузи, не уместится!..

— Мить, — тихо попросил я, пока он отвлёкся на намыливание огромной мочалки, которую он сам едва удерживал двумя руками, — ты этим орудием пытки меня насмерть замыть решил? Не усердствуй так уж...

Как моя Олёна и царица, всё ещё покупки в дом таскают?

— Не-э, это вряд ли... Небось на базаре ещё. Кто ж их так быстро отпустит...

— В каком смысле? — напрягся я.

— В каком смысле «быстро» или «отпустит»? — уходя от ответа, вывернулся он и крепко пришлёпнул меня горячей мочалкой к мокрой лавке.

— Митя, ты что, один в отделение вернулся? А девушки где?!

— Ну... — на миг призадумался он. — Одна из них уж точно не девушка, а у другой свадьба скоро... может быть... Ох, да что ж это я, будет у ней свадьба — небось Господь-то милостив!

— Где Олёна?! Уволю, мерзавца... — пыхтел я, пытаюсь выбраться на волю, но могучая мочалка накрыла меня как одеяло, почти с головой. А наш старательный умник с абсолютно невозмутимой рожей честно объяснял сложившуюся обстановку:

— А я-то чего? Это государыня-матушка, храни её Николай-угодник, всё устроила... Ходила, смотрела, спрашивала, она ж обычно в палатах царских сидит, ей простой базар, поди, в диковинку. Вот она, кормилица, возьми да и спроси: «А как есть милиция следить за порядок и закон на такой шумной месте?» Я и объяснил — дескать, товар проверяем на недовес, недомер, недосол, недоградус креплёности. Ну она опять спрашивает: а можно ли и ей попробовать? Конечно, говорю! Ить кто я такой, чтоб самой царице запрещать?! Ну... вот они и того... этого... увлеклись!

— М-м-м... — сквозь зубы простонал я, скорбно постукивая лбом об лавку.

— Мама дорогая, — перевёл меня Митя. — Я тока это и успел сказать, когда ей купцы руки крутить начали. Она ить, немчура австрийская, в суконной лавке натуральный погром устроила, а уж стеклярусу индийского набила-а... Небось Горох за год не расплатится!

Суду всё ясно. Расплачиваться будем мы. Этот (мягких выражений нет, кончились)... этот гад настропалил законопослушную государыню на проверку базарных лавок и внаглую смылся, якобы к нам за подмогой. А увидев, что мы тут с бабушкой и без того по уши в птичьей дерме, просто-напросто забыл про брошенную царицу. Для торговцев она, кстати, царица, только когда на троне, а на базаре — все равны! И это мой напарник, преданный делу сыска человек, герой, с которым столько пережито...

— Олёна где?

— Невеста ваша, что ль? Дык она там осталась, чей-то людям

объясняла, вроде про умственную убогость государыни...

...?! Я едва не сломал лбом лавку. Ничего не понимающий Митя убрал мочалкового монстра, поставил меня на ноги и без предупреждения окатил ушатом ледяной воды, а потом горячей. Если я что и хотел сказать, то резко передумал. В голове билась одна мысль: правильно ли я помню, как надо делать харакири...

В дверь бани постучали. Стрельцы доложили о визите возмущённой группы мелких торговцев, только что задержавших на базаре двух подозрительных девиц. Обе упакованы в мешки из-под сельхозпродуктов и надлежащим образом связаны. Я через Митю передал указание занести «преступниц» в дом, а с торговцами пусть Еремеев разбирается. Сотник пока так и не вернул себе речь, но прекрасно наловчился командовать через старательного Заикина.

Пока моей формой занимался домовой, бабка прислала сменную одежду — нижнюю рубаху, подштанники и стрелецкий кафтан. Да, вид комичный, кто бы спорил, но вариантов нет, пришлось быстренько забежать в терем в таком виде. Уже у себя наверху я слышал, как внесли два извивающихся мешка, как шумная делегация торгашей орала на Еремеева и с каким блистательным достоинством защищал честь милиции скромный стрелец Фёдор Заикин...

— А подать нам сюда участкового! Пущай он нам сам при всём честном народе ответ держит, по какому такому праву иноземки активно в нашем товаре роются, разборки чинят, наш аршин своим дюймомерят? Немой, что ль? И как, прости господи, таких убогих в милиции держат...

— Ф-фома Си-илич с хам-мами не разговаривает. Он в-выше этого...

— А-а, ну раз такой высокий, тогда пущай сам за всё и ответит! Доколе?! Доколе малой торговле куда ни попадя палки тыкать станут? Кто сказал мымре этой австрийской, что у меня брабантские кружева из Вологды?! Ан докажи сначала, чем мои хуже! Чё он мычит, а ручонками машет... Чёй-то круглое, тёплое... и туды нам идти надо? В каком энтó смысле?

— На-направление указывает, — ровно пояснил голос стрельца.

На пару минут внизу всё стихло, видимо, там дружно разгадывали ребус и уточняли маршрут.

— Неча нам головы морочить, мы свои права знаем! Вели сюда участкового подать, а преступниц обеих кнутом бить нещадно! Мало что фарфор мейсенский из Дулёва да стекло богемское из Гуся-Хрустального об мою же башку разбили, дык ещё и лгали прилюдно, именем светлым царицынским прикрывались. А энтó уже сама государственная измена

будет!

В общем, я тоже не дотерпел — достал из сундука запасную одежду в стиле «Иван Царевич — маде ин раша» и, громко топая сапогами, спустился вниз. Шестеро разновозрастных купчиков уставились на меня с осторожным подозрением. Оно понятно: в парчовом кафтане, бархатных штанах с люрексом, сафьяновых сапожках ручной работы с бисером и собольей шапке я выглядел по меньшей мере королевичем!

— Митька!

— Слушаюсь, Никита Иванович, — басом раздалось из сеней.

— Возьми топор для колки дров, чурбачок потолще и тащи сюда, — скомандовал я. — Сотник Еремеев, саблю наголо и встать у двери, чтоб ни одна душа отсюда не выпорхнула! Стрелец Заикин, быстро во двор и ещё четверых ребят сюда, трупы выносить...

Торговцы испуганно переглянулись. Потом, дружно пошептавшись, сложили все кубики воедино: отделение, милиция, Никита Иванович, одет богато, видать, он и есть участковый?! Оба-на!

— Не вели казнить, батюшка сыскной воевода!

— А почему, собственно? — лениво отвечал я, по-хозяйски усаживаясь на лавку и демонстративно постукивая пальцами по столу. — И кстати, мешочки-то развяжите...

— Дык... с превеликим удовольствием! — не поняли они, вытаскивая из-за пазухи объёмистые кошель.

— Расстреляю у ворот за попытку дачи взятки государственному служащему, — ровно пообещал я.

Мужики вновь бухнулись на колени, прося сочувствия и помилования.

По моему кивку суровый Еремеев, мигом распутав узлы, выпустил на свободу мою невесту и нашу общую царицу. Но если Олёна разумно отошла в уголок, потирая синяк на лбу, то Лидия Адольфина разразилась бурной тирадой арийского возмущения:

— Ихь мах ойх калът, ир думкопф, идиотен!!!

— Чегой-то она от нас хочет? — неуверенно вякнул кто-то.

Ответить я не успел, в горницу шагнул верный Митька, гулко бухнул на пол солидную чурбачину и, ткнув в неё топор, радостно спросил:

— Подойдёт, отец родной?

— О, я, я!!! Даст ист фантастиш! — Царица восторженно вцепилась в рукоять топора. — Ихь мах эс зэльбст!

— Как прикажете, вы у нас — матушка грозная царица. — Я пожал плечами.

Вошедшие за Митей стрельцы сурово посмотрели на припухших

купцов и скорбно сняли шапки. Минутой позже все шестеро мелких торговцев валялись у нас на полу в глубоком обмороке. Осознали...

— Ну что, молодцы, в поруб их всех. Разъяснительную работу проведём позже. А теперь ваша очередь, гражданка Лидия Карповна...

— Ви... будете смеять меня допрашивать?!

В комнате все интуитивно пригнулись.

Кроме моей невесты и меня. Олёна зажала рот обеими руками и тихо давилась от хохота, а я привстал, строго посмотрел царице в глаза и твёрдо сказал:

— Вы просили оставить вас на работе в отделении на любых условиях. Свободная штатная единица у нас была только одна — посудомойка. Да, эти купцы мошенники. И мы с ними боремся. Но на каком законном основании вы вламываетесь к ним с обыском, громите лавки, разбрасываете товар? Кто вам это позволил?

— Дас ист... — обалдела государыня. — Но... я есть царица!

— Цари сидят в царском тереме и собственноручно по чужим амбарам не шастают. Мне стыдно за ваше поведение. Что бы сказал Горох, узнав, что его жена скандалит на весь базар...

Бывшая австрийская принцесса перевела беспомощный взгляд на Еремеева. Фома подмигнул мне и печально вздохнул, словно сожалея о той недостойной сцене, свидетелем которой ему только что пришлось быть. Митька, так тот вообще оторвался по полной программе... Рухнул на пол, положил толстую шею на плаху и... зарыдал:

— Нет моей моченьки сей позор терпеть! Руби меня первым, государыня-матушка, верши суд скорый да поспешливый! Ибо чую я местом задним, что мыслишь ты все свои беды мне, сироте, на головушку переложить. Дескать, энто всё Митька беспутный жену царскую на ревизию базарную подтолкнул... А у самой-то мозги есть?! Так уж руби меня без жалости, всё одно со стыда великого в самоваре утоплюсь...

Моя любимая отдышалась, молча подошла к то краснеющей, то бледнеющей венценосной австриячке, обняла её, как старшая сестра, отобрала топор и мягко усадила на лавку. Царица придушенно всхлипывала...

* * *

— Всё, соколики! — Дверь бабкиной комнатки резко распахнулась, и наша домохозяйка с пылающим взглядом шагнула к столу. — Разгадала-таки я твою загадку, Никитушка! Пиши протокол...

Я мгновенно взялся за блокнот и открыл чистую страницу — наконец-то! Вы будете смеяться, но карандаш сломался уже на второй строчке...

— Ничего не пиши, участковый, — мигом изменила тактику наша эксперт-криминалистка. — А ты, Фёдор Силыч, ну-ка поди сюда поближе, сядь на лавочку, в глаза мне смотри. Помнишь, что тебя той ночью напугало?

Еремеев виновато развёл руками.

— А я, дура старая, ещё гадала, чё ж там за блин горелый с дыркой образовался?! Слушай меня внимательно, руки на коленях сложи, спинку прямо... — Бабка заботливо усадила начальника сотни поудобнее и вдруг резко рывкнула, отвешивая ему оплеуху: — Сгинь, Лихо Одноглазое!

От неожиданности Фома брякнулся навзничь, едва не превратив в половик не вовремя высунувшегося кота. Мат-перемат заполнил горницу...

— Вот и излечился от немоты, — философски резюмировала Яга.

— А я уж думал, он ей сдачи даст, — шёпотом скорби несбывшихся надежд протянул Митя.

Я тривиально отвесил ему подзатыльник. Бабка ответила мне благодарным кивком: в плане воспитания младшего сотрудника наши взгляды по-прежнему сходятся.

Однако, до того как мы с ней смогли серьёзно побеседовать, пришлось вспомнить свои служебные обязанности и разогнать всю толпу «по домам». То есть Митьку в сени баиньки, Еремеева на дежурство, матушку царицу наверх спать, мою любимую туда же (даже чмокнуться на ночь в щёчку не успели), а я сел за стол, положив перед собой бесполезные письменные принадлежности. Разговор предстоял долгий. И начала его Баба-яга тоже издадека...

— Ну вот и услышал ты имя врага неведомого. Только вслух им попусту не мельтеши — беду накличешь. Недаром в народе-то говорят: «Не буди лихо, пока тихо...» Да вот, гляди, кто-то разбудить его на наши головы и сподобился. Можно подлянку эдакую и на Кощея навесить, с него станется. Уж ежели кто и знал, где оно спит, так только Кощеюшка, и хоть фактов нет, а нутром его участие чую. Видать, крепко досадила ты ему, бесовку вечную отобрав, да не для казни, а для законного бракосочетания ради... Однако ж не к тому я речь-то веду. Тебе ведь, поди, другое интересно: как возчик погиб, как Лихо в город попало, какой силою неприятности всем чинит да как от того невезения лукошкинский люд

избавить? А вот в этом я те, сокол участковый, уже и не советчица... Нет, страху, в какой меня Кощей вгонял да супружница его (чтоб ей пусто было!), у меня на сердце нет. Я и впрямь не ведаю, что делать. Нет такого колдовства-чародейства, чтоб всем вокруг везение возвернуть, а невезение напрочь прогнать. Знала бы, дык сама первым делом убереглася, ан вон оно как меня в баньке пригрело да помётом изукрасило... Запах-то есть ещё? Нет?! А не врёшь ли, Никитушка, вона нос как воротишь...

Я дал честное милицейское, что просто переносица зачесалась. Хотя и врал...

— Ой, смотри, сыскной воевода! Я мужское-то враньё за версту чую, — простодушно купилась моя домохозяйка. — Так вот, бороться с Лихом непросто — ты ему одно, а оно тебе всё через назад-перед-сбоку наизнанку и вывернет! Его саблей руби — сам порежешься, пулей стреляй — порох отсыреет, дубиной бей — дубина сломается, из пушки пали — так весь город почём зря разгрохаешь...

— Ну в принципе непроблемно, — отвлёкся я. — С мелким невезением мы так или иначе ежедневно сталкиваемся. Какую ещё конкретную опасность оно представляет? Будет всем шнурки развязывать и кисель под подушки лить?! Переживём...

— Как бы не так, — вздохнула Яга. — А что ты, сокол, скажешь, ежели с каждой шалостью Лихо всё большую силу набирать начнёт? Оно ить от безобразий энтих да чувств людских и слов горячих только в рост прёт! Году не пройдёт, а сгинет всё Лукошкино, ровно и не было...

Вот над этим стоило подумать серьёзно. Наша эксперт-криминалистка человек опытный, вся молодость в лесах, экстремалка со стажем, а школа выживания на таком уровне, что никакой Робинзон Крузо там и близко тень не отбрасывал. В излишнем паникёрстве и нетрезвой оценке ситуации была замечена редко. Короче, если она говорит, что противник силён, то, скорее всего, так и есть. Значит, победить его трудно... Но она не сказала, что невозможно!

— Ложился бы ты спать, Никитушка, утро вечера мудренее.

В общем, правильно. Все спят давно, только мы полуночищаем. Стоило бы хоть немного выспаться, а завтра на свежую голову всей опергруппой, расширенным составом, мы наверняка что-нибудь придумаем. Когда уже укладывался на узкую лавку, мне пришла затейливая мысль: а интересно, кому из нас этой ночью не повезёт? Ведь по логике вещей хоть кому-то, но не повезти должно точно. Я не ошибся! Можете отнести это к моей блистательной милицейской интуиции, можете к тяжёлому опыту службы, но факт остаётся фактом! А теперь угадайте:

кому конкретно не повезло?

Мне... Сначала был дурацкий сон. Про то, как мы с Горохом курили (!) у наших ворот и тётка Матрёна почему-то в зимней шубе шугала нас совковой лопатой. Мы от неё убегали, а она догоняла и била по спине. Я упал и... проснулся. Время предрассветное, с лавки бухнулся удачно, то есть не очень больно и ничего не отбил. Сел, потёр ушибленное колено, зевнул так, что хрустнули челюсти, и совсем было вновь направился на боковую, как... Из тёмного угла горницы качнулась чья-то зыбкая фигура. Очень зыбкая, я бы сказал: белесоватая такая, полупрозрачная. Ну прям как натуральное... привидение!!!

— Вот тока пикни мне тут, — тихо предупредил призрак, засучивая рукава. — Кругом люди спят, а он орать собрался...

Ну собрался, естественно, а кто бы не заорал в такой ситуации. Просто не смог, у меня язык прилип к нёбу и всё горло мигом пересохло. Привидение больше всего походило на невысокого щуплого мужчину с куцей бородёнкой, смазанными чертами лица и расплывчатыми ногами. Меньше минуты мне понадобилось, чтобы понять, с кем имею дело.

— Гражданин Брыкин?

— Ай, догада-ался, — как-то не особенно радостно похвалил меня бывший возчик. — Что, участковый, сердце в пятки хлопнулось? Небось не ждал, что я к тебе за правдой приду.

— Ничего не знаю, пишите заявление, приём с восьми утра до...

Дальше мне поязвить не удалось, призрачная рука с такой силой сжала мне горло, что я едва не захрипел. Попытка пнуть агрессора коленом в живот успеха не принесла: с туманом воевать проблематично...

— Ты уж извиняй, сыскной воевода, да только я грамоте учиться не сподобился. При жизни не успел, всё на богатеев горб гнул, а после смертушки оно мне и вовсе без надобности.

У-у, вот только пламенной лекции о бесправной доле трудового крестьянства мне сейчас и не хватало. Я — милиционер, а не журналист, у нас отделение, а не редакция газеты «Компромат для всех». Меж тем хватка вроде бы слегка ослабла.

— Не бойся, сыскной воевода, я тебя долго мучить не буду. Вот ответишь мне по чести, по совести — придушу и уйду! А не ответишь — жуткую смерть примешь... И на помощь не надейся — бабка твоя спит крепко, а петушиный крик мне не указ! Всё ли понял? Кивни.

Я кивнул. Без особого удовольствия, но хоть дышать смог нормально.

— Правильно, меня слушаться надо. Вот девка твоя нехорошо себя вела, без уважительности, а что вышло? Она-то по сей день землю топчет, а

мне пристанища нет. Разве это порядок? Раз из-за неё меня жизни лишили и в могиле покоем обошли, значит, суди её да на царёву плаху! Так-то оно по совести будет.

— Поподробнее, пожалуйста, — сдержавшись, попросил я в надежде потянуть время.

Увы, призрачный дух был не только злобен, но и неглуп. Неприятное сочетание.

— Подробностей хочешь? Будут тебе подробности. — Холод вновь сжал моё горло, проникая внутрь, тонкими иголочками покалывая сердце. — На том свете времени много, небось наговориться-то успеем. Сегодня я за тобой пришёл, завтра за девкой приду. Мог бы её первой взять, да не взял. Почему? А потому что обидела она меня, оттолкнула, как игрушку негодную, как яблоко червивое, через то и смерть моя пришла. Лютая смерть...

— Олёна вас не убивала.

— Своею рукой — нет! — прошипел призрак Брыкина. — А вот я её женишка сам жизни лишу, не погнушаюсь. Пусть она, гордячка эдакая, денёк поплачет, волосы на себе порвёт, грехи припомнит... Пусть в ножки мне упадёт! Пусть прощение вымолит! Чтоб всё по справедливости было...

Последние слова уже практически таяли у меня в ушах, теряя смысл и логику, перед глазами поплыли цветные круги, но тающим боковым зрением я как-то успел заметить две круглые зелёные точки, несущиеся прямо на меня откуда-то из-под стола. Грозный чёрный кот плюхнулся мне на колени. Вздвигнув шерсть, он грозно оскалил клыки и выпустил когти, не издавая меж тем ни мявканья, ни рыка, ни шипения. Беззвучный и смертельно опасный зверь, полный неуправляемой ярости! Как ни парадоксально, но хватка привидения сразу ослабла.

— Эх, а про кота-то мне и невдомёк было, — с сожалением отступил возчик. — А ну-ка брысь! Брысь, кому говорят, тварь бессловесная!

Зелёные глаза на миг сузились, и Васькины когти пропахали широкие разъезжающиеся полосы на бледной физиономии привидения. Тот машинально прикрыл лицо и попробовал поймать кота за шкурку. Бабкин любимец охотно подставился — и крепкий электрический разряд, прокатившись по его спине, лихо разнёс злодея на туманные лоскутки!

— Я ещё верну-усь... — еле слышно отдалось у меня в ушах.

Василий обернулся, внимательно посмотрел мне в глаза, с грубоватой заботой мурлыкнув что-то вроде: «Всё ли в порядке, участковый?»

— Спа-си-бо, — искренне пробормотал я.

Он подмигнул. Я, не думая, поднял руку и благодарно потрепал

усатого героя по загривку. Изумрудная искра, прыгнув вдоль кошачьего хребта, укусила меня так, что на мой дикий вопль проснулся весь терем. Петухи дружно закукарекали мгновением позже. Доброе утро всем...

* * *

И кстати, быть может, в первый раз за мою пёструю и противоречивую милицейскую карьеру ВСЕ (подчёркиваю!!!), абсолютно все носились вокруг меня, как стадо перепуганных куриц! Всех жутко взволновала кошмарная история нападения агрессивного призрака на мирно спящего сотрудника правоохранительных органов.

Каждый реагировал по-своему, в меру воспитания, темперамента и предрассудков. Это о Мите и Лидии Адольфине. Они у нас в горнице едва драку не устроили: один орал, что привидения — это дух мертвящий, и боялся их до икоты, а другая, что «это есть антинаучный поход... заход?.. выход, уход, подход, наход?!».

Моя невеста за свою бесовскую жизнь навидалась всякого, поэтому смотрела на меня глазами, полными слёз, одновременно тиская в объятиях разомлевшего кота и покрывая его морду благодарными поцелуями. Что, как вы понимаете, не могло нравиться Яге — бабка явно ревновала любимчика. А это уже всерьёз задевало нашего азербайджанского домового, нервно точащего большой кухонный нож за печкой. Отделение быстро превращалось в дурдом специального назначения для лиц следственных органов, от тех же органов и пострадавших.

Соль на рану досыпал собственной рукой надёжа-государь, без всякого приглашения заявившийся к нашим воротам. По улице верхом он всё-таки ехал по-царски — в длинном кафтане, византийском плаще, собольей шапке и с эскортом стрельцов.

Мозги ещё остались, народ дивить не стал, но к нам в горницу (переодевшись в сених) ввалился во всей красе: парадно-выходное кимоно, чёрное, с золотыми драконами, два самурайских меча за поясом, босые ноги, белая повязка с красным кружочком на лбу и улыбчивое русское лицо. Рязанский театр-кабуки на гастролях в Токио...

— Коннитива! — низко поклонился Горох, сложив руки перед грудью.

Мы все, за исключением царицы, приветствовали его ответными поклонами. Государь наверняка отметил холодность супруги, но смолчал.

— Рюмочку водки с дороги? — неуверенно предложила Яга. — А... коням твоим пива?

— Саке, — поправил я.

— А не чаю ли крепкого с лимоном? — цыкнув на меня, продолжила бабка.

— Зелёного с жасмином, — продолжал я, игнорируя все её мимические посылы заткнуться и не провоцировать самодержца. — Вы ведь к нам не по делу, да? То есть просто в гости, по-добрсоседски. Циновки нет, за стол не приглашаю, но что сможем — устроим... Митя! Быстро накидай нам прямо тут соломы на пол. Назим, организуй чайную церемонию, но покороче — два чайника азербайджанского, без сахара, и не убегай, будешь у нас сегодня гейшей — читай стихи и обмахивайся веером! Всем остальным сесть на пол, сощурить глаза и улыбаться, улыбаться!

— Ты издеваешься надо мной, Никита Иванович, — сквозь зубы прорычал государь, хватаясь за рукоять катаны.

— Запрет на обнажение оружия в присутствии высочайших особ! — строго напомнил я.

Горох мигом притих, порылся в памяти, нашёл нужную строку в кодексе бусидо и уже совсем готов был просить прощения, как резко опомнился:

— Да ведь я сам — царь!

— Правда?! А мы тогда кто?

— Как это кто? Ты мне не умничай тут! Вы — слуги мои верные, закону и порядку оплот, дружина милицейская. Тайный сыск!

— Вот именно, — согласился я, вставая и садясь за стол. — Мы не японцы. Относитесь к нам как к русским людям, а в балаган поиграем после службы. Вам плюшку или ватрушку?

— Роллы с копчёным угрём и икрой летучей рыбы, — усаживаясь напротив, съязвил он. — Зануда ты, участковый, и шуток не понимаешь. Казню я тебя али сошлю куда-нить под Архангельск... Будешь там белых медведей дорожным правилам обучать. Скучно мне стало... У вас-то веселее, поди? Давай докладывай, пока я чаёвничать изволю...

Горох принял из рук Яги чашку, налил в блюдечко, поднял его и... не удержав, выплеснул горячий чай себе же на бороду. От родного государева мата с переливами и звона разбитого блюдечка почему-то сразу полегчало всем. Царица так вообще едва ли не в ладоши захлопала, типа вот он, любимый муж, в своём естественном режиме. Потом, правда, быстренько опомнилась, приняв прежнюю неприступную позу оскорблённой добродетели. Моя невеста вовремя подсунула свежее полотенце, и

утёршийся Горох терпеливо выслушал все наши соображения по сложившейся ситуации.

Проблема ещё не встала в полный рост, но такие неприятные вещи лучше давить в зародыше, не дожидаясь худшего. По окончании доклада он задумчиво ковырнул ногтем ближайшую ватрушку, выгреб творог, сунул в рот и удовлетворённо кивнул — вкусно... Бабка незаметно показала Назиму большой палец.

— Знатное печево у вас в отделении, — думая о чём-то своём, отсутствующе проговорил наш царь. — Как ни зайду, всегда разносолами да сладостями всякими балуете. Одного не пойму: что ж, суши японские так трудно слепить, что ли? Комочек риса да ломтик рыбки сырой сверху — всех делов-то, а государя уважите...

Моя домохозяйка так же незаметно показала домовому кулак. Значит, в следующий раз суши точно будут.

— Так о чём это я... и к чему? А-а, вспомнил! К тому, что все сказки ваши мне в боярской думе пересказывать нельзя — засмеют... Дескать, возчика убили, купцы на невесту сысканого воеводы указали, а вся милиция трогательную отмазку нашла — мол, всему виной Лихо Одноглазое! Которого и видеть-то нельзя, и потрогать не получается, арестовать невозможно и победить нечем, потому как оно — само невезение! А как тут бороться, коли не везёт?! Никак! Ручками развели да по углам и разбежались, вот и вся моя милиция храбрая.

— Э-э, минуточку... — нерешительно вмешался я, но царь грохнул ладонью по столу:

— А ну цыц, участковый! Ты надо мной тешился, что я в одежки чужеземные ряжуся, обычаи неродные изучаю, стихи не те пишу, садик из камней строю... Дык на то моя самодурская воля, в свободное время от дел государственных никому не во вред. А теперь на себя оборотись! Почему возчик помер? Кто за душу христианскую загубленную ответ держать будет? Кто Лихо твоё обозначенное в мой город запустил? Как его отсюда выгнать? Над кем суд чинить? Раз уж на тебе погоны защитника правды и порядку, так защищай давай! Кто тебе мешает?!

— Ну-у, по большому счёту... никто...

— Эх, Никита Иванович... — Государь встал, пристально посмотрел мне в глаза и направился к двери. — Побасёнки да догадки к делу не подошьёшь. Покуда главного преступника не изловишь — нет тебе моего доверия. Как друг — верю, заслуги прежние помню, ценю и благодарен искренне! Но как царь и самодержец...

Я опустил голову. Все наши тоже молчали. Горох в пять минут

поставил нас на место, ткнув в нос так и не раскрытым преступлением.

Уже на выходе, шагнув в сени, он быстро обернулся к царице:

— Домой-то собираешься али как?

— Я есть на службе, — дрогнувшим голосом гордо ответила храбрая австриячка. — Но я буду рада уфидеться в церкви и там молиться за русский народ.

— Ага, — неопределённо хмыкнул государь. — Ну, саёнара вам всем...

По-видимому, хотел сказать что-то ещё, даже снова обернулся, но передумал. Упрямо сдвинул брови, стиснул кулаки и вышел, хлопнув дверью. Лидия Адольфина безвольно опустилась на скамью и тихо заплакала. Вот только их семейных проблем нам для полного счастья и не хватало, господи, просто голова кругом...

Я устало подошёл к окошку, тупо глядя, как Горох опять надевает кафтан, шапку и сапоги, садится в седло и едет за ворота. Бабка увела к себе в горницу всхлипывающую государыню. Митя зачем-то топнул лаптем по полу, что-то высокопарно буркнул себе под нос и унёсся вслед за царём. То ли мстить, то ли объяснять ситуацию, то ли просто жаловаться на тётку Матрёну, потому как «она явный враг роду человеческого, а над капусткой надругалась столь бесчинно, будто б ей любое злодейство с рук сойдёт!..». Куда исчезли Васька с Назимом, я уже не видел, только вздрогнул невольно, когда сзади на мои плечи легли две нежные лебединые ладони...

— Это всё из-за меня, любимый? — Олёна прильнула щекой к моему правому плечу. — Одни несчастья тебе со мной.

— Да уж, угораздило влюбиться. — Я нежно погладил её пальцы. — Не переживай, родная, разнос от начальства для нас обычное дело. Иногда даже полезное... Мобилизует, вдохновляет, заставляет строже относиться к себе и прикладывать максимум усилий для разрешения поставленной задачи! В общем, давай я тебя лучше поцелую.

— А давай ты мне лучше какое-нибудь задание дашь или поручение служебное, — неожиданно упёрлась она. — Всё-таки мы как-никак, а венчаться собрались. Что ж я как жена милицейская от мужниных бед прятаться буду?!

— Тебе нельзя выходить.

— Вчера выходила!

— И что?! Кого после принесли в пыльном мешке, как картошку на овощебазу?

— Я допросы вести могу, — не сдавалась бывшая бесовка.

— У нас в отделении пытки не практикуются.

— А я... тогда я... ну... хотя бы... я не знаю!

— Вот именно. — Я обнял её за плечи и попытался успокоить, как мог, а успокоить женщину можно только одним способом — дав ей то, что она просит. — А пожалуй, есть один момент, где ты могла бы оказаться очень и очень полезной.

— В уборке, стирке да готовке?

— И в этом тоже, но речь об ином. Ты не могла бы съездить со мной на место гибели возчика Брыкина? Да-да, туда, на дорогу, к той самой берёзке, где было обнаружено его тело. Возможно, нам двоим удастся найти какие-нибудь улики и пополнить звенья цепи...

— Любимый, ты у меня чудо! — Радостно захлопав в ладоши, Олёна повисла у меня на шее, болтая ногами. Этим грех было не воспользоваться. — Эй, ты чего?!

— Да? — Я с трудом оторвался от расцеловывания её щёк.

— Но мы там только улики искать будем, так что на большее не облизывайся, милый! Всё после венца...

Видимо, горькое разочарование было столь явно написано на моей физиономии, что Олёна, не выдержав, прыснула со смеху и, чмокнув меня в губы, убежала наверх переодеться в дорогу. Отдышавшись и трезво взвесив все плюсы и минусы, я решил отправиться в путь на Сивке-Бурке. Конечно, лошадь с характером, но время экономит круче любого авиалайнера. На обычной телеге ехали бы целый день, а так обернёмся часа за два. Не может же за два часа моего отсутствия случиться чего-либо совсем уж непоправимого? По крайней мере, очень на это надеюсь. Очень, очень...

Я поманил сквозь оконное стекло Еремеева и выдал ему чёткие указания. Митю вернуть и припахать к уборке территории, не дай бог, опять самостоятельное следствие с арестами устроит. Царицу, как отрёвется, отправить с эскортом стрельцов в Немецкую слободу. Пусть закупит для нас кофе и договорится о ночлеге, хватит ей у нас в отделении квартироваться, и так отношения с боярской думой хуже некуда, а когда они поймут, где государыня спать-почивать изволит, я вовек от сплетен не отмоюсь.

Бабе-яге один приказ (или, правильнее, просьба) — думать, глава экспертного отдела, думать! Где эту заразу найти, на что приманить и как обезвредить?! Пока мы Лихо под землю не посадим, царского расположения нам не вернуть, как тем же японцам Курильских островов. Всей еремеевской сотне соблюдать утверждённый график дежурств и патрулирования, по возможности гася факты невезения у рядовых граждан

мирным путём. Мы с Олёной отправляемся на служебном транспортном средстве на место возможного преступления. То есть тот факт, что труп был обнаружен висящим на берёзе, ещё не означает, что и убит несчастный был там же, где найден.

Возможно, Горох в чём-то и прав, я невольно расслабился на лаврах прошлых успехов и забыл все элементарные правила ведения следствия. А правила эти гласят: обследование места преступления должно быть произведено в первую очередь, пока следы свежие и улики не затоптали. В общем, трудись, Фома, координируй действия сотрудников, а мы с невестой поскакали кататься...

Сивку-Бурку из стойла я выводил лично, соблюдая все меры предосторожности и безопасности. Кобылка игриво пританцовывала и всё пыталась подставить мне своё ушко, якобы для почёсывания. Для несведущих поясню: эта нахалка так над невинными людьми издевается — протянешь ручку, и тебя в это же ухо так засосёт, ахнуть не успеешь, как уже с обратной стороны вывалишься — и весь в костюме Ивана Царевича! Причём, как и где она тебя во всё это «переодевает», непонятно, а старую одежду зверушка не возвращает просто из принципа. Один раз нам это даже на руку сыграло, когда она такую шутку с Кощеем провернула...

— Гражданин Сивка-Бурка, — привычно начал я, принимая от одного из наших стрелцов цветную семихвостую плетть, — я убедительно прошу вас помочь нам в нашей следственной миссии. То есть не кобенясь доставить в нужное место и обратно. Идём на заданной высоте (выше леса могучего, ниже облака летучего), американских горок не устраиваем, зигзагами не прыгаем. У Олёны три морковки в корзинке, а с меня по возвращении два кило ячменя с пивом. Если вопросов нет, кивните... Спасибо, так я и думал. Ну что ж, любимая, залезай!

Бывшая бесовка одним грациозным движением вспорхнула на круп нашей штатной кобылы, только подол синего сарафана на меня плеснул морским парусом. Я лично верхом ездить никогда не любил. Нет, к самим лошадям отношусь ровно, без паники и заигрываний, но... Согласитесь, в приличном «опеле» или «ландкрузере» чувствуешь себя куда увереннее и защищённей, чем на спине быстробегающей домашней скотины со своим норовом, не оборудованной ремнями безопасности и банальной противоугонной системой?! С этими трезвыми мыслями я кое-как вскарабкался в седло. Моя любимая крепко обхватила меня за пояс. Она явно верила в меня гораздо больше, чем я сам.

— В какую сторону направимся? — осторожно уточнил я.

— Ну-у, по столбовой дороге, — пожал плечиком Олёна. — За ворота

городские, там налево через поля, потом за речку, потом вроде... А-а-а!

Её счастливо-испуганный вопль так и остался звенеть у конюшни, а мы уже неслись под облаками! Лошадь вертикального взлёта — это вам не трактор лунный на солнечных батарейках. Это крутизна недостижимая! У нас Сивку-Бурку дважды пытались бояре для царя экспроприировать, хорошо сам Горох жёстко отказал. И вот сейчас это длинногривое чудо, беззвучно мяся копытами воздух, упоительно легко несло нас через поля, реки, леса, овраги, над деревеньками и церквями, хуторками и болотами, пока Олёна не ткнула пальчиком вниз.

— Поздно, родная... — поморщился я, пытаюсь на полном скаку завернуть чародейское животное. Кобыла возмущённо встала на дыбы посреди белейшего облака и, обиженно всхлипнув, спикировала вниз. Я кое-как выровнял направление поводьями, и пять минут спустя, после умеренно мягкой посадки, госпожа лошадушка бежала неспешной рысью по широкой дороге.

Погода стояла мягкая, комары и мошки не донимали, а ту самую злосчастную берёзу я узнал бы и без подсказки. Она стояла одна посреди редкого орешника, в десяти шагах от дороги, высокая и старая, идеально подходящая декорация для вывешивания на ней мёртвого тела. Вот ей-богу, было, было в этом дереве что-то наигранно-театральное и нарочито зрелищное, словно её долго выбирали и утвердили на роль после приличного кастинга...

— Вот тут он и висел, поперёк той ветки!

— Понятненько. — Вслед за моей невестой я спрыгнул с седла (точнее, она спрыгнула, а я сполз, но это неважно). — Висел лицом к дороге? И наверняка так, что не заметить невозможно... Ну что ж, давай-ка попробуем осмотреть тут всё повнимательнее.

Сивку-Бурку я припарковал у обочины, там, где трава погуще и посвежее. Пусть перехватит пару ромашек или листьев клевера, пока мы тут возимся.

Поскольку Олёна больше молчала, следя за моей работой, я рассуждал вслух:

— Место подобрано идеально. На ближайший километр в обе стороны дороги ни одного высокого дерева, чистое поле или мелкий кустарник. Ствол на три метра в высоту практически ровный, ни сучьев, ни веток. Затащить по нему тело наверх — задача непростая, если не пригнать на помощь башенный кран. Труп будет виден идеально, все заметят, все оценят, все обратят внимание. Значит, случайность тут исключена. Всё было проведено и исполнено по тщательно разработанному плану. А

тщательные планы у нас составляет только один фольклорный персонаж...

— Кощей? — угадала моя невеста.

Я кивнул. Фактов маловато, но всё равно это он. Уверен! И я найду доказательства.

Осмотр самой берёзы ничего не дал, дерево как дерево. Никаких свидетельств присутствия посторонних лиц в радиусе десяти метров обнаружено не было. Да если на траве и оставались следы тех мужиков, что снимали тело, то их могло смыть дождиком, а может, я просто не заметил, всё-таки три дня прошло. Если бы хоть какая-то бусинка, упавшая серёжка, слетевшая ленточка, ну хоть что-то...

Увы, ничего не было. Совсем ничего. Я раздражённо пнул носком ботинка пустую скорлупку грецкого ореха. Больше здесь нечего ловить.

— Возвращаемся, милый? — Олёна, утешая, погладила меня по руке. — Не огорчайся так. Если за делом этим сам Кощей стоит, так он улик не оставляет. Уж в этом мне поверь, я на него не один год спину гнула... Обними меня...

— Откуда он там? — ни к кому не обращаясь, тупо спросил я.

— Кто, Кощей, что ли? И где «там»? — не поняла Олёна. — Не знаю, любимый, ты сыскной воевода, тебе и ответы искать. А меня так и не обнимешь, да?

— Обниму. — Я порывисто прижал её к груди и так же резко отпустил в ту же минуту. — Откуда под берёзою орех? Да ещё не лесной, а грецкий?! Белок с подбитым глазом в чистом поле не видать, ветер прикатить не мог, возчики тоже вряд ли обронили. Тогда что он здесь делает?

Я нашёл сначала одну, потом другую половинку. Внимательно осмотрел обе. Скорлупки были идеально чистыми внутри, словно в них что-то хранилось, а края явно носили на себе остатки давно высохшего клея. Вот это уже улика! Теперь я мог уверенно явиться к Яге и попросить полновесную экспертизу этого неприметного предмета.

Давайте просто попробуем слегка пофантазировать... Что было в пустом орехе? Быть может, он служил лишь переносной камерой для Лиха? А если кто-то смог его туда упрятать, то почему этого же не можем повторить мы? Кажется, дело сдвигается с мёртвой точки...

Я открыл было рот, чтобы поделиться новым прозрением с любимой, но замер — взгляд Олёны блуждал где-то за моей спиной.

— Эй, ты нашла что-то более интересное, чем я?

— А?! — Она вскинулась, словно очнувшись. — Подожди...

— В каком смысле? — Я попытался прижать её к себе покрепче.

— Да помолчи же! — раздражённо буркнула моя невеста. Я чуть было

не обиделся всерьёз. — Там кто-то кричит... Неужели не слышишь?

— Где?

— Там. — Она показала пальцем вправо, туда, где горизонт оживлял невысокий перелесок.

— Кто кричит? — начал озираться я, но бывшая бесовка, вывернувшись из моих рук, уже бежала со всех ног на неизвестный зов. Тихо выругавшись сквозь зубы, я поспешил следом.

Метров через сто стало окончательно ясно, что слух моей невесты на порядок тоньше моего — со стороны подлеска действительно доносились крики о помощи. Кричал мужчина или, скорее, молодой парень лет двадцати в потрёпанном зелёном кафтане, залитом кровью. В спине у него торчал обломок чёрной стрелы.

Я уже видел такие... Видел, но не хотел верить. Лицо Олёны помертвело, но первой страшное слово произнесла всё-таки она:

— Шамахань!

Я бросился поднимать раненого, а она так и стояла с застывшим ужасом в глазах. Видимо, парень был из наших приграничных частей и пытался предупредить государя об акте агрессии. Хотя какой, к чёрту, акт! Шамахань устраивают такие стычки почти ежедневно, но если наши отправили гонца, значит... война. Вот именно её нам ещё и не хватало...

— Потерпи, браток, скоро будем дома. — Я взвалил его себе на плечи, он уже не кричал, он скрипел зубами от боли. Только бы до города довезти, а там Яга поднимет, ей в плане целительства равных нет.

— Шамахань идут... — успел сказать пограничник.

* * *

Олёна словно очнулась, бросившись мне помогать. Не знаю, как мы вдвоём дотащили бы его до дороги, но в этот миг передо мной как лист перед травой возникла Сивка-Бурка. Вот уж не ожидал от этой капризной скотинки такого такта и понимания. Мы втянули парня ей на спину, кое-как уместились сами, и ретивая кобыла, потрянув золотой гривой, взмыла под небеса.

Я спешил в Лукошкино и всё равно заставил себя оглянуться — край горизонта дымился. Не пройдет и двух дней, как шамаханская орда встанет у стен города. А у нас там Лихо! Что бы мы ни делали, нам не повезёт! Ни

в нападении, ни в обороне, ни в чём! Они могут даже не атаковать, просто возьмут столицу в кольцо осады и дождутся своего часа...

Взмыленная под тройной ношей Сивка-Бурка бережно коснулась копытами земли как можно ближе к крыльцу нашего терема. Подбежали дежурные стрельцы. Раненого понесли в дом, я быстро поцеловал невесту и едва ли не бегом бросился к царю. Такие вести не могли ждать. И надо же было, чтоб именно в этот самый неподходящий момент меня пытались остановить все подряд со своими дурацкими заявлениями! Неужели непонятно, что если милиция куда-то вот так нервно спешит, значит, дело срочное и все остальные уж точно могут подождать?! Наш лукошкинский люд, похоже, считал иначе...

— А задержись-ка, батюшка сыскной воевода, уважь купца третьей гильдии! Заслугами отмеченного, государем уважаемого, людьми солидными чтимого, семьёй да внуками обременённого, на храм божий жертвующего, законы исполняющего! Ужо небось надолго-то не задержу, один вопросик лишь задам. Вот ты и ответь, не чинись перед старшими, Бог гордых не любит. Так, что спросить хотел... Как жизнь молодая, чё нового в отделении-то, а?

Как я его не убил на месте, не знаю... Остальные продолжали тему со своими индивидуальными вариациями.

— Добрый день, Никита Иванович! А у вас, слышал, свадьбка? Ну дай вам Бог... А меня что же не позвали? Ну суди вас Господь... А я ить теперь обижуся и сам не приду! Ну упаси вас Боже... А может, и приду, чё мне стоит-то?

— А-а-а-а, гражданин участковый! Горе-э, горе-то какое! Всю жизнь свою вас одного любила, все пятьдесят лет в девственности прождала, а вы на другой женитесь! А-а-а-а, ну вона я ей уже все волосья-то повывёртываю...

— Прости, сыскной воевода, друг ты мне, а далее я тя не пущу. Не пущу, и не проси, и глазами не зыркай, и кулаки не сжимай, и не гневайся зря... Я на тя гневаться должен! У меня жена два дня как из дому сбежала? У меня! Я те заявление писал? Писал! Почему же ты допустил, чтоб она сёдни поутру в избу заявила, да не одна, а с тещенькой?! Есть на те крест после этого, сыскной воевода? Не пущу, покуда со мной мировую не выпьешь...

Как я вырвался — ума не приложу. И это ведь только трое-четверо наиболее настырных! А десяток добросердечных граждан, просто искренне, от души, интересующихся, «как здоровьечко»? А пяток обиженных, мимо которых я промчался с такой скоростью, что даже не

понял, чего они, собственно, хотели?! Нет, нельзя так с людьми... Хотя как со мной, так очень даже можно! Они — народ! А народ всегда прав. В конце концов, перед ними я в ответе и за себя, и за власть, и за них самих порою.

Но худшее началось, когда я язык на плече добрался до царского подворья. Стрельцы меня пропустили без разговоров, но, поднимаясь к государю на второй этаж, я лоб в лоб налетел на реакционное крыло боярской думы, спускающейся с внеочередного совещания. Это был тот редкий случай, когда уровень моего личного невезения взлетел на новую, олимпийскую высоту.

Кажется, я успел сказать только:

— Граждане бояре, расступитесь, мне к царю по делу, сроч...

Дальше меня молча взяли в охапку, облапили со всех сторон, как шестилетний сенбернар корейского повара, и вынесли на задний двор, казнить без суда и следствия.

Всё делалось тихо, споро, без лишней суеты и привлечения внимания, я бы даже сказал — серо и буднично. Через конёк левого крыльца перекинули длинный шёлковый пояс, к нему привязали ещё два, профессионально настраивая скользящую петлю...

— Вешай его, бояре!

Я отбивался, словно лабораторная мышь от студентов-медиков, но силы были слишком неравны. В высоком окошке мелькнул профиль Гороха. По-моему, он отлично видел, что именно тут происходит, и... спокойно отвернулся. Я понял, что потерял единственного заступника при дворе... Хотя, может, государь всё-таки не заметил? Не может же он... я же... они же меня сейчас...

— Ага, попался, злыдень подколотый! — взвился за моей спиной счастливый вопль дьяка Филимона. — Отворотил лик свой светлый царь православный от мента безбожного! Вот и пуцай свершится суд праведный над грешником Никиткой из отделения. Мало ли народу взбаламутил, мало ли бояр напозорил, дык ещё и мне, агнцу безвинному, всю кровь литрами так и выпил!.. На те, басурманин, на!!!

Я кое-как обернулся. Мстительный дьяк с совершенно безумным лицом сорвал с ноги самодельный деревянный башмак-гета и со всей дури запустил мне в голову. У меня не было возможности даже увернуться...

Он сам не попал. То есть попал, но не в меня. Кустарный образец японской обуви вдребезги расшиб то самое стекло, за которым только что мелькнул царь. Гневное лицо Гороха всплыло в пустой раме...

— А-а... энто, надёжа-государь, ослушники твои против нашего

Никитушки Иваныча сильное зло умышляют, — тонко проблеял вусмерть перепуганный гражданин Груздев, мигом сдавший всех. — Вот я и дерзнул тебя, батюшку, сандаликом предупредить... покуда греха не случилось...

Бояре бухнулись на колени, те, кто похрабрее, бросили меня, переключившись на битъё переметнувшегося дьяка. Шёлковую петлю со своей шеи я снимал сам дрожащими руками, так и не дождавшись посторонней помощи. Набежавшие царские стрельцы спешно наводили порядок. Не знаю, да и не хочу знать, чем это кончится для фракции Бодрова, мне было важно успеть донести главное:

— Шамахань! Их орда движется на Лукошкино! Поднимайте войска...

Горох сдвинул брови, зло сплюнул вниз, перекрестился и сделал мне знак подниматься наверх. Очень надеюсь, что мой лимит невезения на сегодня полностью исчерпан. А ещё лучше — выбран до конца недели... Потому что жить, оказывается, хочется-а...

Экстренное совещание правительства в лице царя, боярина Кашкина и меня было собрано в течение получаса. Могли бы и раньше, но Кашкин приболел; пока за ним послали, пока гонец дважды навернулся, пока у боярской телеги слетело колесо... Сами понимаете, живём в сплошном невезении. Лихо — оно демократично, достаётся всем.

Дьяк Филимон Груздев рвался присутствовать в качестве секретаря, но был отклонён с редким единодушием. Государь сидел на коленях в углу своего кабинета на чистеньком татами и что-то выстукивал холёными ногтями по узорчатой гарде японского меча. Старый боярин сурово устроился на крепком русском табурете, если он и неодобрительно относился к гороховским закидонам, то сверх меры этого не демонстрировал. Я чуть хрипловато из-за побаливающей шеи (неприятно, когда тебя душат!) бегло доложил им всё: о раненом пограничнике и лично увиденных вдали свидетельствах факта приближения противника.

— Что скажешь, боярин? — выгнул левую бровушку Горох.

— Словам участкового верить надобно, — после минутного раздумья кивнул Кашкин. — Знаю, хоть и многим родам древним, многим холопам твоим служба его милицейская поперёк горла стоит, но я за сыскного воеводу головой поручусь! Гонца пограничного нам бы самим допросить следовало, а до той поры народ зря не поднимать.

— В каком смысле «зря»?! — не выдержал я. — Судя по дымам на горизонте и одному добравшемуся герою, там все приграничные заставы смело начисто! Шамахань идут развёрнутым маршем, надо объявлять всеобщую мобилизацию!

Опытный царедворец бросил на меня укоризненный взгляд и,

разгладив бороду, продолжил:

— Набатов да криками только панику лишнюю поднимешь. Нам, чтоб людей за стены упрятать, и одного дня предостаточно. Думаю, лучше б сей же час всем войскам нашим смотр устроить, порох да пушки проверить. Небось не в первый раз нам супостатов от ворот столичных гнать. Бог даст, управимся.

Я пожал плечами. Если смотреть в этом разрезе, то старый боярин, безусловно, прав. Я в Лукошкине без году неделя, а они тут поколениями жили, не одну войну пережили, у них военного опыта больше. И всё-таки...

— А теперь ты говори, Никита Иванович, — ободряюще подмигнул мне надёжа-государь. — По лицу вижу, тревожит тебя что-то... Али не веришь, что погоним басурманина?

— Да верю я вам обоим. По совести говоря, у меня в отличие от вас вообще нет опыта ведения открытых боевых действий. Меня беспокоит другое... Нападение шамаханов явно неслучайно, а мы все знаем, кто стоит за их набегами. Значит ли это, что и к факту появления в городе Лиха Одноглазого приложил руку всё тот же гражданин Бессмертный? Если дальнейшее расследование покажет, что это именно так, то мы обречены вести войну на два фронта. Внешне — против шамаханов и внутри города — против Лиха.

— Так в чём беда-то? Поди, и похуже бывало...

— Беда в том, что мы не знаем, КАК воевать с Лихом. Баба-яга говорила о бесперспективности обычных мер пресечения. Сила невезения будет расти пропорционально нашим попыткам давления на него. Мы слишком мало знаем о природе этого существа...

— Ну вот и узнай! — повысил голос Горох. — Врага от стен отгонять — наша забота, в том мне и стрельцы, и дружина, и бояре, и народ помощниками станут. А вот Лихо остановить — задача внутренняя, милицейская. Коли помощь нужна — скажи, нет — так иди и трудись, участковый.

Всё верно. Я козырнул и развернулся на выход. Лишних вопросов не было, единственная проблема, в которой мне могли бы помочь... А это идея!

— Прошу прощения, вы сами только что предложили мне помощь. Это ещё в силе?

— Проси чего пожелаешь!

— Супругу вашу законную заберите из отделения, — вежливо попросил я и, предчувствуя, что государь сейчас пойдёт пятнами, быстро

добавил: — Ну её к богу, зачем нам в слаженном коллективе матушка царица? Человек она, конечно, хороший, исполнительный, и как к посудомойке к ней претензий нет! Но что люди скажут? Да и вам бы, честно говоря, давно помириться следовало. Ссора-то глупейшая...

— Она... она... тебе... вам там рассказать посмела?!!

Я понял, что, если продолжу в том же духе, царя хватит удар, но отступить уже было некуда. Счастливый боярин Кашкин оттопырил оба уха, чтоб лучше слышать, а у меня оставалось примерно три минуты на всё про всё — высказаться, выпрыгнуть за дверь, припереть её чем-нибудь тяжёлым и удрать, не дожидаясь второго повешения.

— Вы поссорились с любимой женой из-за неверного прочтения дурацкой книжки! Эти китайско-индусско-японские эротические трактаты никогда не говорят по-людски, что и как надо делать. Бедняжка плакалась Яге, что вы требовали у неё ночью какую-то птичку?!!

— Позу жаворонка... — еле слышно пискнул царь.

— Я так и понял, но она-то хотела любви! Простой, человеческой, внятной любви, а не навороченных изысков в перьях, цепях и кожаном белье!

— Тьфу, мерзость какая, — радостно поддержал старик Кашкин. — Жги дальше, участковый, режь правду-матку!

— Да в принципе, как у вас что складывается в личном плане — дело интимное, но зачем унижать хорошую женщину в необразованности?! Просветили бы её, она и сама была бы рада. Когда вместе и без обид, тут вам и «взлетающий жаворонок», и «качающийся козодой», и «чайка враскорячку», и... что я пропустил?

— Позу «утешься с лебедем в банной лохани на боку», — припомнил Горох, но тут же поправился: — На кол посажу за одни намёки...

— А всё отделение в Сибирь как потенциальных свидетелей? И царицу тоже с нами по этапу кандалами греметь отправите?! Война на носу! Все за мирный быт, за жён и детей биться станут, а вы за кого? За орнитологический бред психованного монаха об однополой любви?!!

— Тьфу, чего ещё пакостники узкоглазые удумали, — воодушевлённо захлопал в ладоши боярин. — А давайте я эту книженицу на заседание нашей думы отнесу — вот уж наплюёшься всем миром...

И с этим вполне радужным предложением я бы, кстати, охотно согласился. Но увы...

Моё время вышло, государь окончательно потерял самоконтроль и, одним прыжком вскочив на ноги, попытался выхватить из ножен подаренную катану. Видимо, наиграться он с ней толком не успел, с

русской саблей ему было бы куда сподручней. Узкое лезвие клинка неровно пошло из ножен, задралось вверх, а потом, косо выскользнув, вообще распахало широкий пояс на кимоно, и наш багряный царь едва не хряпнулся носом в свежевосстановленный японский садик. Таким образом, я не просто ушёл, а удалился гордо, с достоинством, без спешки, уверенной походкой настоящего самурая! Вот по лестнице вниз бежал уже очень быстро, сами понимаете, судьбу дважды не искушают...

* * *

До отделения добрался спокойно. Пару раз останавливали некоторые горожане, но только чтоб уточнить судьбу принятых заявлений. «Все бумаги в работе, ни одна жалоба не проигнорирована, никто не забыт, к концу недели можно зайти к нам за результатами». Как вы понимаете, я и не врал так уж чрезмерно. Понятно, что нам сейчас не до рядовых заявителей, но, с другой стороны, к концу недели город точно обложат шамахань, и тогда уже у всех будет иная головная боль. Ну а до этого всё как положено — ждите, граждане, проявляйте терпение и понимание...

Пока шёл, думал о феномене Лиха. Мысли были не особо радостные, но и не пораженческие. Огорчала серьёзная нехватка информации. Того, что бабуля могла рассказать об этом паранормальном фантоме, было явно недостаточно. К примеру, почему его зовут Лихо? Это понятно, синоним зла, несчастья, беды и так далее. Но почему Одноглазое? Где оно утеряло глаз второй? Не в этом ли кроется причина его плохого характера и вовлечения в неприятности всех окружающих? Откуда приходит Лихо и куда уходит? Где обретается в промежутках между невезениями? И почему, в конце концов, встречается лишь на просторах нашей необъятной родины, великодушно избегая Европы, Китая и подлой Америки? Сплошные вопросы, как на экзамене, а ведь экзаменатор в данном случае сама жизнь, и ей пересдавать по второму разу ещё никому не удалось...

Участие Олёны во всём этом деле было скорее чисто номинальным, но и оно пока оставляло немало загадок. Почему купцы уверены, что видели именно её? Если верить показаниям самого покойного, моя невеста его не убивала, но тем не менее все-таки была причиной смерти? Могло ли само Лихо Одноглазое принять её облик и убить возчика? Но почему тогда все его проделки в Лукошкине не несут угрозы для жизни? Или пока не несут?

Как правило, любая нечисть, научившись убивать, никогда не расстаётся с этим навыком и делает всё, лишь бы вновь почувствовать на кончике языка жгучий вкус чужой крови...

Надеяться можно было лишь на одно: Баба-яга вновь совершит невозможное и найдёт способ поставить подножку преступнику! В противном случае уже мне придётся пойти на поводу у Гороха и под аплодисменты боярской думы совершить ритуальное харакири, или сампуку, или как оно там еще называется?

У ворот отделения о чём-то тихо переговаривались двое дежурных стрельцов. Заметив меня, парни мигом приняли отсутствующие выражения лиц, типа «а у нас ничего не случилось». Я устало вздохнул... Так, что на этот раз?

— Докладывайте!

Они уставились на меня с самыми честными мордами, изо всех сил выражая праведное недоумение.

— Слушайте, давайте без лицедейства, — внутренне напрягаясь, попросил я. — Итак, сегодня день тяжёлый, нервы не железные, срываюсь на всех подряд, ещё и вы тут... Не заводите, мужики, что у нас плохого? Пограничника не спасли?!

— Да бог с вами, Никита Иванович! В порядке он, бабушка ваша, что могла, зашептала, а ребята его на телеге к родне увезли. Есть у него тётка в городе, уж обиходит героя...

— Тогда что ещё? И не темните мне тут! Ну?!

— Сотрудник ваш младшенький умом повредился!

— Каким умом, господи, не смешите... Что у него там можно повредить?

— Про то не ведаем, — наперебой пустились объяснять еремеевцы. — А только он днём в Немецкую слободу бегал, зачем — непонятно, да час назад немцы нарочного прислали. Дескать, буйствует у нас ваш герр Лобофф! Ну Фома Силыч туда лично направился, вот тока-тока связанного и привезли...

— Фому? — непонятно с чего сглупил я.

— Да Митьку же!

— Ах Митьку-у... Ну ладно, если Митьку, то это в принципе не страшно. Он у нас большой оригинал со своими закидонами. Пьяный, наверное, был?

— Да вроде трезвый как стёклышко, — переглянулись стрельцы. А вот это уже не очень хорошо. И перед немцами как неудобно...

— Надеюсь, в отделении разум к нему вернулся?

— Нет! — даже заулыбались болтуны. — Как раз наоборот, он тут такое устроил...

— Стоял на голове, пел неприличные частушки, изображал в ролях, как дьяк с попадъёй целуются?

— Не-а, он, батюшка сыскной воевода, такое-э учудил... Саму царицу покусал!

— И не побрезговал... — на чистом автомате закончил я, опомнился и опрометью бросился в терем. Если и тут замешано Лихо, то подобный психоз может оказаться заразен...

Внутри меня встретил ставший уже привычным дурдом в отдельно взятом коллективе. Изображаю картину графическими средствами, то есть только белые и чёрные тона, без разноцветья и переходов.

Итак, излагаю поэскизно: на столе в горнице задом кверху лежит наша всеми любимая царица и скрежещет зубами. Юбка на ней задрана, обнажая хорошенькую ножку аж до колена, выше начинаются кружева розовых панталон. Моя невеста Олёнушка, едва сдерживаясь от того, чтобы не ржать в голос, пытается кое-как утешать подругу, поправляя ей локоны и что-то шепча. Кот Вася придерживает монаршую ножку, в то время как бабка, сидя у государыни на спине, пытается мазнуть чем-то из горшочка большущий красный след от Митиных зубов. Столь же красный Назим стоит рядышком у стола, держа на вытянутых руках тот самый горшочек, мазь из которого использует Яга. Приличия ради глаза домового были туго завязаны кухонным полотенцем с петухами. Мити в комнате не наблюдалось. На меня тоже не сразу обратили внимание — зачем им я, все и так заняты делом...

— А, Никитушка пришёл! Заходи, заходи, сокол ясный, вот глянь чего, полюбуйся... — радостно улыбнулась наша эксперт-криминалистка и осеклась. — Охти ж мне, ты на чтой-то уставился, дитё неразумное?! Али не видишь, как мы тут матушку государыню всем отделением от последствий злокачественных избавляем. А ну отвернися!

Я послушно отвернулся, но тут вмешалась Лидия Адольфина:

— О мой дорогой дрюг, участковый! Ви можете вернуться и посмотреть на мой страдания... Я вам всегда доферять, и вы ж мне всегда опрафдать мой поверие... доверие?! Я сама просить вас заглянуть... Что ви на это мне сказать?

— Мм... очень больно? — чисто из сострадания поинтересовался я, потому что на данный момент меня больше волновал сам Митя, чем жертва его покусания.

— О, найн! Обидно есть больше, чем больно...

— Но вы его, прошу прощения за бестактность, ничем не спровоцировали?

— Да тьфу на тебя три раза! — рявкнула бабка, профессионально увёртываясь от гневно дрогнувшей царицыной ножки. — Не лягайся ещё мне тут, ровно корова недоеная! А ты, умник прозорливый, не доставай бабу раненую глупыми подозрениями. Ясен пень, спровоцировала! Как же иначе-то?!

— Не понял?

— Любимый, твой напарник пришёл из Немецкой слободы сам не свой, — снизошла до внятных объяснений моя Олёнушка. — В ворота забежал на четвереньках, лаял по-собачьи, стрельцов веселил. Ну а государыня в это время из терема вышла грязную воду после посуды выплеснуть. Подол у неё был подоткнут, для удобства, нога почти до колена оголена. Слышим, крики со двора — выбежали, а поздно...

— Пристрелили хоть? — поинтересовался я.

Все, кто был в горнице, включая пострадавшую матушку царицу, вытаращились на меня с нездоровым испугом.

— Господь с тобой, Никитушка, — тихо перекрестилась Яга. — Ты уж совсем нас за аспидов держишь, что ли?!

— Нормальное дело, бешеных собак пристреливают в санитарно-гигиенических целях, — важно просветил я. — То есть Митю просто сунули в поруб. Ладно, пойду лично побеседую. Назим! Мозговая косточка есть для нашего арестанта?

Увы, мой изощрённый милицейский юмор никто особенно не расценил. Улыбнулась одна Олёна, и та неуверенно. Пришлось козырнуть, извиниться и выйти вон.

В то, что наш младший сотрудник действительно сошёл с ума, я не верил. Митю надо знать. Он скорее в трезвом уме и здравой памяти из финской мебели дров для сауны наломает, китайской лапши всему базару на уши развесит и клюквой в сахаре всей боярской думе бороды вымажет! Но чтоб так... без причины... на ровном месте взять и сбрендить?! О-о, это слишком на него непохоже. Когда больше года живёшь в сумасшедшем доме, начинаешь разбираться в психах...

У поруба сидел напряжённый Фёдор Заикин. Стрелец нервно выстрегивал табельной саблей то ли птичку, то ли рыбку из мелкой деревяшки, и, судя по поджатым губам, парня недавно крепко обидели.

— Поруб охраняешь, молодец?

— Н-н-ника-ак не-э-эт! — резко привстал он. — Фому Си-и-лыча жду...

— А он где?

— В по-о-орубе.

— Зачем? — удивился я и, видимо, задел больную струну.

— В-вот и я ему: за-а-ачем?! А он мн-не: дескать, на-а-до! Я ему: ды-ык и я с ва-а-ми... А он мне: нет! Я ему: вы-ы ж ещё ба-альной, а он мне: са-а-ам больной! Я ему: зря вы та-а-ак, а он...

Всё ясно. Еремеев отказался взять Заикина с собой в поруб, типа «на допрос». Сам полез, а недавнего верного друга не взял. Парню обидно. Его понять можно — пока Фома был лишён речи, то отчаянно заикающийся стрелец служил ему старательным переводчиком. Пусть не везде умело, не всё в точку, пусть медленно и с дефектами речи, но тем не менее от души!

— Я поговорю с ним. — Мне пришлось сделать строгое лицо и похлопать Заикина по плечу. — А ты сбегай пока за ворота, найди мне иконописца Савву Новичкова. Знаешь его? Ну и отлично. Силой тащить не надо, просто попроси срочно зайти. Перестарался он там с картинками, пусть переделает, пореалистичней...

— Сл-лушаюсь, батюшка сы-ыскной воевода! А Фома Си-и-лыч ка-ак же...

— Я прослежу.

— А то он ить ка-а-ак дитя ма-а-алое...

— Я за ним присмотрю, — уже несколько раздражённо пообещал я.

— Эт-то он то-о-ока с виду сам си-ильный, а...

— Стрелец Заикин! — едва не выругался я. — Надо же, блин, какой заботливый выискался! А ну шагом марш выполнять приказ!

Парень опомнился, извинился, снял шапку, отвесил поясной поклон и опрометью бросился на поиски Саввы. Что-то нехорошее говорило мне, что профилактическая работа с гражданами посредством портретов «Их разыскивает милиция» ещё принесёт свои плоды. И ох как они мне не понравятся! Надо срочно всё переписать и перевесить.

Дверь в поруб оставалась незапертой. Я сунулся вниз и тут же подался обратно, ну их, в такой холодрыге сидеть...

— Митя! Фома! Хватит моржевать, вылезайте из морозильника, поговорить надо.

Начальник стрелецкой сотни вышел почти сразу, дыша паром, с посеребрённой инеем бородой и синеватым носом. Долго сидел, видимо, но хоть где-то надо же было отдохнуть от заботливого товарища по службе. Митьку пришлось звать ещё два раза.

— А я ить буйный теперича, — наконец донеслось из поруба. — Не боитесь, что покусаю, отец родной?

— Буйный, говоришь... Так, может, тебе внеочередной отпуск к маменьке в деревню устроить? Нервишки подлечить, Маняшу с коровой вспомнить...

— Смилуйтесь, Никита Иванович! Совсем шуток не понимаете... Выхожу уже, выхожу-у! Что ж запугивать-то сразу...

Еремеев понимающе отвалил проверять посты, давая мне возможность разобраться с младшим сотрудником. Митя появился не сразу, сначала высунул взлохмаченную голову, в перьях и соломинках, под глазом синяк, на шее и за ухом размазанные следы дёгтя.

— Что ты чистил причёской — курятник, конюшню, кузницу?

— Везде отметился, — не стал спорить он. — А тока что ж вы окольные вопросы задаёте, неужто безынтересно, как я умом навернулся?

Мне оставалось лишь пожать плечами. Он недоверчиво сощурился. Ага, не хочет раскалываться... Я равнодушно зевнул и вытащил у него перо из чуба. Подержал на весу, дунул и проследил, как оно плавно полетело через двор.

— Сердца у вас нету! — убеждённо выдохнул Митя. — За меня, сироту, всё отделение в сострадание впало, а вы молчанием обижаете. Ну ладно, ладно... Вот как вы с ума сойдёте, я тоже вашим здоровьечком и не поинтересуюся!

Я выпрямился, отряхнул колени и поправил ремень, задумчиво глядя на баню. Митенька не выдержал окончательно и затараторил так, словно это было его последнее интервью перед политическим бегством в Израиль:

— Это мне всё Кнут Гамсунович насовествовали, святой человек, ни минуты без идеи, всё о благе всеобщем печётся, вот и ляпнул не подумав, а я и зацепился, мыслишка-то дурная, однако ж работает, работает, Никита Иванович, я уж на себе быстренько испытал, не народ же подставлять, нам-то что, мы люди милицейские, к лишениям привычные, подвигами умудрённые, героизмом битые, одна тётка Матрёна с капустой своей богопротивною такое в желудке моём наэкспериментировала, слов евангельских не хватает, а матом нам нельзя, у нас честь мундира, ну да что уж теперь, опосля-то, главное дело, что получилось, получилось, и фигу ему, Лиху Одноглазому, не стало оно, не тронуло, несоразумело, как и чем исхитриться, коли я эдаким вывертом себя предоставил, а вот бы и весь город так, почитай, отстояли бы родное Лукошкино!

Я подобрал щепку, не доструганную стрельцом Заикиным, и вовремя сунул парню поперёк зубов. Митя вгрызся в древесину, как бобр-мутант-переросток, но заткнулся, догадавшись, что мне тоже надо вставить слово.

— Не перебивай. Итак, ты случайно услышал в Немецкой слободе...

За книжками бегал, что ли?

— Ы-гы, — не разжимая челюстей, кивнул он.

— Ну, естественно, не было печали, научили милиционера в психоанализ играть. — Чуть отвлёкшись, продолжил: — Там подхватил какую-нибудь народную поговорку о невезении, и у тебя сложилось блистательное умозаключение. Лихо может причинить вред любому человеку, зашпыняв его невезением, но тому, кто безумен, дальше не везти уже просто некуда! Я не буду вдаваться в откровенный дебилизм этой притянутой за уши концепции. Спрошу лишь одно: Митя, оно работает?

— Ы-гы!

— Оно само тебя боится? Боится, потому что не знает, как с тобой быть, ведь псих неадекватен, невменяем и непредсказуем в своём поведении. А знаешь, в этом рассудочном безумстве что-то есть, может и прокатить.

— Ы-гы-гы! — радостно захихикал он, едва не хлопая в ладоши.

— Выплюнь щепки, — разрешил я. — На уровне одного индивидуума идея очень неплохая, но на весь город... Если мы всем Лукошкином показательно сойдём с ума, нам действительно никакого Лиха не надо — мы так эффектно самоуничтожимся, что любо-дорого посмотреть! Вот Кощей с шамаханами обрадуются... Нет уж. Давай в дом. Переоденься, поешь горячего и перед царицей извинись. Нашёл кого кусать, вампир-неудачник...

— Так нешто у меня выбор был? — пробурчал наш вечно обиженный спасатель родины, полностью извлекаясь наружу. — Стрельцов кусать — понту нет, штаны нестиранные, пахнут неароматственно, вкусу гастрономического никакого. Бабулечку-ягулечку тяпнуть тоже радость недолгая — и нога у ей костяная, и в кого потом превратит, на раз не угадаешь... А уж невесту вашу Олёнушку тем паче мне укусить было бы неприличественно! Нельзя будущую жену начальника любимого за ножку и помыслить покуситься! Ибо не по-товарищески оно было бы! Хотя вон вы с Маняшей-то, поди...

— Всё сказал? — кротко спросил я.

— А ещё она бесовка бывшая.

— Теперь всё?!

— Куснул бы, да и отравился ещё...

Дольше он судьбу не искушал, быстренько упрыгав в терем. Я же, наверное, минут десять — пятнадцать топтался у поруба, размышляя над всем, что он мне тут вруливал. Могло ли быть рациональное зерно во всех этих бреднях? Митька не так глуп и не такой дурак, каким иногда любит выставлять себя в обществе. Если вдуматься, то для человека из глубинки, всего год назад выучившегося читать у дядка Фильки, он не на шутку увлёкся психологией и делает на этом поприще заметные успехи. Что, если он спонтанно нащупал решение? Я вспомнил о небезызвестном городском юродивом Гришеньке. Интересно, а мог ли он сказать, что ему в последнее время крупно не везёт? Если нет, то к Митиному открытию стоит присмотреться повнимательнее...

Вечер двигался уже по накатанной схеме: везение — невезение, везение — невезение, и так до глубокой ночи. Кстати, не забыть себе отметить в блокнотике — ночью Лихо спит, видимо, тоже нуждается в отдыхе, и будить его не стоит — себе дороже. Невыспавшееся злобное одноглазое существо способно доставить втрое больше неприятностей. Хотя пока всё это на уровне логических умозаключений, об истинной природе «преступника» мы всё ещё знаем мало.

А ведь я сам, между прочим, уже две ночи практически не спал. Когда вошёл в терем, то двигался почти как зомби, на полуавтомате, бабка заставила выпить какую-то жутко бодрящую зелёную дрянь. Моя невеста смотрела на меня самым жалостливым взглядом, но при сотрудниках лишними поцелуями не баловала. Матушка царица демонстративно ходила с палочкой, хромая, как Серая Шейка. Или у той уточки было перебито крыло? А, неважно, без разницы...

Сон накатывал как прибой, тяжёлыми волнами, едва не сбивая с ног, но я держался. Возможно, поэтому мои записи в тот вечер были сумбурными и деловыми, без лишней описательности, в меру художественными и очень по существу. А ещё я пытался выстроить схему «везения — невезения», то есть, по возможности, отыскать во всём этом некую цикличность. Что-то, кажется, получалось, что-то нет... Сравните.

Невезение. Назим достал из печки перепеченную пахлаву, долго ругался по-азербайджански, махал большим ножом, искал, кого зарезать. Пришёл к выводу, что лучше всего Ваську. Кот орал и сопротивлялся. Обоих разливали водой. Яга пила капли. Домовой плакал за печкой, паковал вещи и кричал, что «иммигрантав ныгде ны любят!».

Везение. Митя душевнейше посидел в баньке. Бабка сочла, что «мальчишечка в порубе себе всё как есть отморозил, а ить ему ещё детей

рожать, горе луковое-э!». Не спору, если бы рожать ЕМУ, то точно горе. Но уточнять момент истины не стал, а, подчиняясь диктату нашей главы экспертного отдела, отнёс этому умнику в предбанник чистую одежду, два здоровенных пирога с мясом и капустой, плюс пол-литровую бутылку настойки на ягодах и меду, сорок два градуса крепости. И Митя вернулся к нам за общий стол — сытый, счастливый, всем довольный и — «как же ему после такого за бабулино здоровьечко не выпить?! Налейте сироте в честь праздничка...».

Невезение. Припёрлись бояре. Примерно полдумы, все при полном параде, с хоругвями, музыкой, при саблях и с одной маленькой пушкой на колёсиках. Очень надеялись, что мы их не пустим, дав возможность пострелять по воротам отделения на ночь глядя. Пустили, разумеется, хоть Еремеев и возражал. Цель визита? Верните матушку государыню! Типа жить без её благостного взора более не можем, а царь не в себе, ему без женской ласки тоже хоть в петлю лезь, вот со скуки уж и на бояр своих верных гневается напрасно. Это они про то, что чуть-чуть не успели повесить меня сегодня. Поэтому и половина думы — те, кто попался под Горохову руку первыми, дома лежат пузом вниз, с примочками на поротых задницах. Короче, «бросай ты, светлая царица, энто отделение милицейское и вертайся в палаты. Всё равно слух прошёл, что тебя здесь свои же сотрудники искусаили бесчеловечно!.. Уж искусателя мы, бояре, сами на кол посадим, ты тока укажи кто и садись в карету, нагулялась, поди...».

Везение. Лидия Адольфина всех их вежливо выслушала, забыла про хромоту и взялась за палку. А рука у бывшей австрийской принцессы тяжёлая, да и опыт разгона боярских бунтов у неё есть. Мы не вмешивались, мы только любовались, вслушиваясь в музыкальные немецкие ругательства, долго таявшие в романтическом мареве ночи... Дальше ещё лаконичнее.

Невезение. Опять появился призрак возчика. Претензий всё те же — моя невеста должна жестоко поплатиться за то, что не приняла и не оценила его чувств. А начнёт он с меня, ибо по его извращённой логике если меня извести, так и ей жизнь уже не сахарной покажется. Больной на всю голову, точно больной, я бы ему в иной ситуации посострадал даже чем-нибудь. Неймётся же мужику...

Везение. А мы все его ждали! Митя дул, Олёна махала платком, царица веером, Васька лапками, Назим строил отвлекающие рожи, а бабка ловко подставила стеклянную банку, заперев негодяя «для опытов». Всё.

Остаток ночи проспал спокойно. То есть всё это можно было бы расписать страниц на двадцать, но надо ли? Я спал без задних ног, как

спаниель после недельной охоты за резиновой уткой в соседском пруду. Ни снов, ни явлений, ничего вплоть до самого петушиного крика. Да и крик в то утро нашему пернатому агрессору не задался, то ли мошка в горло попала, то ли простудился где, но звонкоголосого приветствия солнышка у него не получилось. Так, беспонтовый хрип, кашель и позорное ку-кха-кхе-ре-кха-кху-кхе-канье...

На завтраке вежливо поздоровался с благообразной Ягой, снисходительно наблюдающей, как по её указующему мизинчику бодро трудятся аж две домработницы — бывшая бесовка и беглая царица. Убедился, что все живы, полны энтузиазма, и постарался напроць выбросить из головы все мысли о войне. В конце концов, шамаханское нашествие — это проблема внешней политики, а мы, милиция, занимаемся делами внутренними, нам и их обычно выше крыши... небоскрёба. После короткого, но прошедшего в дружественной обстановке принятия пищи мы с бабулей попытались занять личный состав неотложными делами.

— Ты, Олёнка, девка спорая, давай-кось иди баньку топить! Будешь мне в экспертизе серьёзной содействие оказывать — привидению энтому скандальному язык развяжем.

Моя невеста привычно (уже привычно!) козырнула, развернувшись к дверям. Я незаметно сделал ей знак — через четыре минуты встречаемся у бани... Она, якобы споткнувшись, на миг обернулась, посылая мне воздушный поцелуй. «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино-о...» А, ладно, кино у нас тут своё, многосерийное, комедийный фолк-детектив с элементами шекспировских трагедий. Лидию Адольфину отправили в Немецкую слободу.

— Ты уж, государыня, потрудись там на благо отечества! Выспроси у немцев своих, шибко умных, с чего энтó Митенька наш после их разговоров разумом повредился? Ну и общую обстановку проясни: не случилось ли ещё чего, вандализму какого али дразнилок новых? Как порка утренняя прошла, розги не обломились ли, зады не притерпелись?! Да и не особо задерживайся там, ить посуда с завтрака не мыта.

Дисциплинированная австриячка, вытянувшись, рывкнула что-то вроде «яволь, майн гроссмутер!». Хорошо ещё не «майн фюрер» и руку вперёд не выбрасывала, у меня так сердце и ёкнуло...

— Ну а теперича садись, Никитушка, да расскажи-поведай мне, старой, до чего вчера с Митенькой договорились?

— Он вывел небезынтересную теорию борьбы с Лихом. Предлагает провести её как прививку в массовом порядке всему городу. У меня сомнения.

— Дык у кого же сомнений не будет, коли наш дурачок деревенский всё Лукошкино под эксперимент следственный поставить хочет, — вздохнула Яга. — А в чём суть-то?

— Ну это пусть он сам лучше расскажет. Митя, заходи!

Наш младший сотрудник зашёл на четвереньках, подвывая и помахивая высунутым языком. Моя домохозяйка мелко перекрестилась и пташкой взлетела на печку, обнявшись с выгнувшим спину Васькой. Надеюсь, домовый отсутствует по хозяйственным делам, Назим в таких случаях сразу хватается за нож...

— Фу, фу! Плохой пёс, — для острастки пожурил я и ободряюще добавил: — А теперь будь хорошим мальчиком и покажи нам, чему тебя в Немецкой слободе научили.

Митя закивал, счастливо взвизгнул, потёрся плечом о моё колено и, едва не виляя хвостом (чего нет, того нет!), пустился доказательно демонстрировать нам опытное подтверждение своих научных умозаключений. Он начал с того, что рысью, бодро твякая и почёсываясь на ходу, пробежался вокруг стола. Полетела сбитая посуда, брякнулся тяжёлый табурет, но...

Осколки пролетели мимо, острый угол табурета гулко стукнул по полу в сантиметре от Митиных пальцев — всё мимо! Тяжёлый ухват дрогнул в углу и рухнул сзади, целя ему в голову... Я с трудом удержался, чтоб не попытаться перехватить его, но мой младший сотрудник сел и завыл — ухват просвистел у самого его уха. Опять мимо!

— Бабуля... вы видели?! Ему же просто... везёт!

— Дуракам всегда везёт, Никитушка, — тоскливо откликнулась наша эксперт-криминал истка с печки. — А тока ты уйми бобика энтова, у меня от его представления ажно мурашки по всей спине взад-вперёд маршируют. Надо же какой собачий цирк учудил!

— Митя, фу! — грозно приказал я. Он замер в позе служебной овчарки на государственной границе. Я встал, погладил его по затылку и, взяв кусочек сахара со стола, аккуратно поставил ему на кончик носа. — Але-оп!

Мой напарник браво клацнул челюстями, и сахар исчез в его раззявленной пасти. Я был горд собой, словно собственноручно воспитал это чудо дрессуры из маленького косолапого щенка. Митя самодовольно почесал себя ногой за ухом, преданно глядя на меня снизу вверх, но бабка наши подвиги не одобрила.

— Не спасёт энто нас. Что горе-злосчастье людей убогих да юродивых стороной обходит, давно доподлинно известно. Ну двух-трёх, а то и

цельный десяток дурней мы собаками вырядим, их Лихо не тронет, а остальные? Нешто отец Кондрат со всей церковной братией вокруг церкви скоморошить пойдут? Нешто бояре, купцы, люди служилые смогут в колпаках с бубенчиками бегать? Ой, чёй-то я в сомнениях буду...

— Не смогут, — вынужденно признал я.

— А ежели им сам царь прикажет?! — выдвинул последний козырь Митька, но мне уже было ясно, что его блистательная теория не прошла лабораторных исследований.

— Царь у нас и без того со своей Японией шутлом гороховым выставился, — добила Яга, слезая с печи. — И ты, добрый молодец, давай-ка вылезь из образа собачьего. Не ровён час, шибко в роль вживёшься, а нам честь милицейскую блюсти надобно. И перед соседями неудобно, у них собаки как собаки, а у нас младший сотрудник в погонах на цепи с будкой. Срамотища...

* * *

Нас прервал стук в дверь. В горницу молча вошла бледная как стенка Олёнушка. Выражение лица из сериала «Убила я его, судите, люди...». Следом двое стрельцов скорбно внесли тело. Уложили на лавку, на мгновение сняли шапки, перекрестились и удалились вон. Бабка вытаращила глаза и схватилась за сердце — перед нами лежал думный дьяк Филимон Груздев.

— Чем ты его, любимая?

— Ничем...

— Сильное оружие, — признал я. — Но вроде дышит... И как ты использовала это «ничем» — по затылку или вдоль хребта? Я чисто для себя интересуюсь, на будущую семейную жизнь...

— Да не тронула я его даже пальчиком, — обиженно топнула ножкой Олёна. — Я дрова из поленницы за баней брала, а тут что-то сверху с забора как прыгнет! Да на поленницу, а она возьми и раскатись! А его башкой пустой по всем чурбачкам колотым! Я-то тут в чём виноватая?! Уж ежели б ударить захотела, так он бы не на лавке лежал, а в гробу новеньком белыми лаптями вверх!

Я покосился на Ягу. Та сдержанно кивнула, типа не врёт девка. Значит, либо дьяку очень не повезло, либо Лихо активизируется и переходит уже на

серьёзные травмы. Причём скорее второе.

— Васенька, посодействуй. — Наша эксперт-криминалистка пальчиком поманила кота.

Вася округлил zenки и театрально изобразил, что его тошнит.

— Ну не ленись, милый, — продолжала уговаривать бабка. — С меня сметаны миска, да и участковый от своих щедрот добавить обещается. Никитка, подтверди!

Я подтвердил. Вася сокрушённо помотал башкой, в два жеста изобразив, куда я могу отправиться со своими щедротами, но, заглянув в наши добрые глаза, дальше рисковать шкуркой не стал. Сделал знак всегда готовому Митяю, тот дружески прижал плечи дьяка к скамье, и приступил к делу.

В смысле кот приступил, разумеется, наш младший сотрудник только помогал. Бабкин выкормыш профессионально склонился над дьяком, делая ему искусственное дыхание методом рот в рот. Я видел такое на курсах по спасению утопающих, мы в школе милиции проходили. Но лично применить случая не было, да и «целоваться» с гражданином Груздевым на глазах моей невесты я бы не рискнул. Ещё подумает чего...

Меж тем сосредоточенный Василий трудился молча и уверенно. На миг высунувшийся Назим тихо сплюнул сквозь зубы, пробормотав: «А я так и знал пра него...» Вот это еле уловимое бормотание сработало как детонатор — Филимон Митрофанович открыл очи. И как раз в тот момент, когда бабкин кот в шестой раз накрепко присосался к нему усы в усы. Дьяк вскочил с лавки наскипидаренным лососем, всей мощью тощего тела откинув Митю к стене! Мат стоял такой, что мы все невольно пригнулись, зажав уши.

— Ах ты... зверюга озабоченная, да чтоб... оторвало да тебе же в...! А хозяев твоих... шибко умных... особо... неизвестно чем думающих... а потом ещё и... особенно участкового... и бугаю этому деревенскому тоже... ну и Яге без сомнения! Да и всему вашему отделению... и всей милиции вашей... как говорится... и... а туда же... да в довесочек!!!

Олёна, покраснев до корней волос, вдруг резко взмахнула кулачком, и легендарный скандалист всего Лукошкина вновь рухнул как подкошенный. Мы облегчённо выдохнули. Свидетелей много, все свои, в случае чего спишем на «необходимые меры самообороны». Обычное дело, с кем не бывает... Бабка молча шагнула к моей невесте и впервые, как равная равной, пожалала ей руку. Точка соприкосновения найдена — дьяк.

— А ить небось ежели б я, к примеру, так против рядового гражданина поступить угораздился, — начал было резать правду-матку наш знаток

психоанализа, но углублять тему не стал. Нас трое — он один, а если приплюсовать кота и домового, то и подавно.

— Ты бы, соколик, лучше плесканул водичкою на Филимона Митрофановича, — вежливо попросила Яга. Ну Митю вы знаете, его только попроси — мгновением позже дьяку на голову выплеснулось полсамовара! Остывшего, разумеется, мы ж не Пиночеты...

— А я на вас... в суд подам, — открыв глаза, возвестил мокрый как селедка дьяк. — Нет моего терпению больше, антагонисты глумливые...

Моя домохозяйка ещё раз глубоко вздохнула и уже сама засучила рукава. Я чуть не зажмурился, но она лишь подошла к шкафчику, достала зелёную бутылку, налила рюмку водки и, поставив на жостовский поднос, собственноручно поднесла дьяку. Что конкретно Яга прошептала над рюмкой, я не слышал. Митя мог, он ближе стоял, но если чего и заметил, то быстро прикрыл рот. Умнеет на глазах!

— Уж ты не серчай, батюшка, смени гнев на милость, — едва ли не в пояс поклонилась наша бабуля.

— Чем подкупить удумали, иуды неблагообразные?! Я ить не подзабыл ещё бутылку ту ведёрную, что ваш участковый в тюрьме у меня бесчестно выкрал! И насмешки его нелитературные над чтением моим художественных стихов философского содержания! Я ить в них душу вкладывал, не себя услаждал, а государева образования ради! А вы слугу его верного в делах самурайской чести одной лишь рюмочкой умиловить надеетесь? Не помилосердствую! Ить и не посмотрю даже, что... — Тут он резко прервался, быстро опрокинул водку, выразительно дёрнув кадыком.

Потом удовлетворённо причмокнул языком, язвительно подвигал губками, зачем-то вытягивая их в трубочку, дунул и вопросительно уставился на Ягу. Наша бабка-экспертиза молча забрала пустую посуду, передала её Олёне, а сама спокойно уселась на лавку спиной к печке, демонстративно скрестив руки на груди. Митя жалобно посмотрел на меня и незаметно перекрестился — дескать, хана дьяку, отравлен силами экспертного отдела родной милиции!

— Так вот я и говорю, будьте добренькие, поимейте снисхождение и всепрощение ко мне, горемычному! Ибо в скорби жестокой от притеснителей и злодеев к ножкам вашим светлым припадаю, — нагло продолжил гражданин Груздев и осёкся.

Олёна выронила рюмку. Я слегка окосел. Мой напарник вытаращился на дьяка, как будто тот только что спел оперную арию князя Игоря в балетной пачке. И лишь наша милая домохозяйка, не поведя бровью, даже

не поворачивая головы, уточнила:

— Заявление небось с собой заранее принёс, а? Так доставай его, чего зря скромничать.

— Да уж принёс, не постыдился. — Дьяк вновь было обрёл прежний тон, но ненадолго. — Вслух зачитывать не буду, дюже ругательное оно, а ить тут у вас женщины приличные отираются. Своими словами скажу: спаси меня, Христа ради, сыскной воевода! Одна надежда на сердце твоё доброе, на душу светлую, на ручки нежные, на очи ясные, на уста сахарные...

По мере перечисления я наливался краской, а моя невеста, наоборот, пропорционально бледнела от ярости.

— А и вышел бы ты, Никитушка, за ворота, — вновь дипломатично развернула взрывоопасную ситуацию Баба-яга. — Чуется мне, там народец больно расшумелся. Кабы забор наш не снесли. Ох, знала ведь, что не стоило ограду нашу верную твоему богомазу под вернисаж отдавать. Но ить чё не сделаешь прогрессивного искусства ради...

— Э-э, точно, — хлопнув себя ладонями по коленям, вскочил я. — Бабуль, напоминаю, с вас ещё допрос привидения! Любимая, помоги тут нашей сотруднице... чем попросит. А ты, Митя, за мной!

Мой напарник бодренько кивнул, не удержавшись, отвесил щелбан дьяку (профилактика!) и пулей вылетел во двор. Олёна выдохнула сквозь зубы, быстро глянула по сторонам, опытным взглядом выбрав себе самую тяжёлую сковородку, низко поклонилась Яге. Ласкового взгляда в свой адрес я у неё не дождался, да и времени особенно не было. Наоборот, в воздухе зримо искрило напряжение. Нет, не в нашей среде, не между сотрудниками и даже не меж нами и гражданином Груздевым. Всё это мы знаем, всем этим можно было бы и пренебречь... Я всей своей милицейской шкурой, с кителем, погонами и портупеей, ощущал, как заворачалось Лихо! Я не мог бы этого объяснить, но точно знал, что вот именно сейчас, сию минуту оно восприняло нас всерьёз и, поднабрав силы в мелких пакостях по всему городу, готовится уже к полномасштабным действиям. И что бы оно ни планировало по диверсионной работе в самом Лукошкине — с этой секунды вся его агрессия будет направлена в массу только на нас...

За воротами действительно шумел народ. Хотя правильнее было бы сказать — пошумливал. Так, два-три десятка бездельников и любопытствующих прохожих остановились у нашего забора, где авангардный богомаз Савва Новичков готовился к открытию очередной художественно-патриотической выставки. Семь или восемь картин было

развешано вдоль забора и аккуратно прикрыто длинной полосой небелёного холста. Видимо, исключительно интриги ради.

— Готовитесь к торжественному открытию? — Я от души пожал руку Новичкова, богомаз всегда мне импонировал.

— Благодарствуем, — радостно откликнулся он. — Вот вас только и ждали. Уж открывать — так при всём начальстве. А бабушка Яга будет?

— Нет, она на задании. У неё два допроса с экспертизой. Так что мы неполным составом. А вы, надеюсь, старые картины не выкинули? Хотелось бы их сохранить как оригинальный взгляд на преступников через призму иконописной живописи.

— Да разве б я посмел! Всё в целости, дома лежит, ну а новые намалевать дело недолгое, — застенчиво улыбнулся художник. — Манера самая что ни на есть реалистичная.

— Т-точно, — весомо подтвердил подошедший стрелец Заикин. — Б-батушка сыскной во-вое-вода, надо б-бы речь! Люди со-о-о-бра-лись, ждут... У-уж извольте!

Я поморщился. Ненавижу выступать с реами на публике. Разумеется, приходится время от времени, но сейчас желания ноль. Митьку попросить, что ли? Вроде здесь-то портить особенно нечего...

— Дорогие граждане лукошкинцы, — прокашлявшись, начал я. Шум мигом стих, — Спасибо, что пришли, рад вас всех видеть, позвольте от лица всего отделения нашему сотруднику Дмитрию Лобову произнести короткую, но ёмкую и выразительную речь! Митя, давай. — Мой младший сотрудник поплевал на ладошки, пригладил вихры и смело шагнул вперёд. Вот за что люблю этого увальня — за безграничную веру в мудрость командования. Ему всё равно, что делать: речь толкать, с медведём бороться, уголовнику руки заламывать — без разницы! Приказ есть приказ! Свойский парень, одобряю.

— Братья и сестры, — неожиданно по-церковному начал он. — Вот в миг сей откроем мы вам рожи злодейские, что в государственном розыске значатся. Вглядитесь! Вглядитесь в них повнимательнее! Чтоб потом завсегда знать, в кого пальцем тыкнуть, милиции отечественной помогаючи. Бдите! Бдите ежеминутно! А если какой гад парик налепит на лысину али бороду фальшивую, чтоб всё едино распознали. За то каждому от казны награда будет — цельный червонец золотом! Прикиньте! Прикиньте, выгода какова, а, братья и сестры?! Засим откланиваюсь; дёргайте, Никита Иванович...

Я одарил его одним, но очень многозначительным взглядом. Через десять минут вернёмся в отделение и я этому провокатору всё припомню —

от братьев и сестёр до червонца золотом. Да у меня всё отделение разорится после таких выплат! Все на паперть пойдём за групповое растраниживание бюджетных средств!

Новичков глядел на меня со счастливой детской улыбкой, Заикин подмигивал, дежурные стрельцы вместе с народом вытянули шеи и... Делать нечего, пришлось дёрнуть за верёвочку. Холстина медленно упала. На долгую секунду стихли все звуки. ВСЕ! Шёпот горожан, смех детей, скрип ворот, птичье чириканье — всё замерло... Потом кто-то из стрельцов выронил пицаль, а потом...

* * *

— Спасайся, православные!

— Антихристово войско явилось! Предупреждало Святое Писание, а мы, грешные, не верили... Спасибо родной милиции, уж не забудется!

— Детей уводите, детей! Да глаза им закрой, дура, ить не уснут теперича до старости! Ой, страх Господень...

— Поднимайте бабу, мужики! В тенёчек её тащи от зверства этого подальше... И кто беременную на зрелище такое без охраны отправил? Как, рожает уже?!!

Минуты через три вся территория перед нашими воротами была чиста. Кое-где клубилась пыль, валялись брошенные шапки, чей-то лапоть и недососанный леденцовый петушок на палочке. Удрали даже стрельцы! Мы с Митей неуверенно покосились на недоумевающего Новичкова.

— И в толк не возьму, что не так-то? — огорчённо развёл руками бедный богомаз. — Трудился, как мог, — ни авангарду, ни письма иконного, один реализм во всей красе его неприкрытой.

— Да уж, неприкрытей некуда... — признал я, волевым усилием избавляясь от мурашек под коленями.

Новичков в очередной раз предстал перед народом во всей мощи своего непризнанного таланта. Портреты уголовных элементов не то что были фотографичны, куда более того — они ужасали неприкрытыми порочными наклонностями! Попробуйте представить в красках...

«Варфоломей-душегубец. Пятидесяти трёх лет от роду, людишек извёл немерено. Пьёт. Зело опасен (кусается!)». Ну и сам портрет — одутловатая морда лица, рыжие патлы, чёрная борода, злобные кабаньи глаза и кривые

зубы в хищном оскале. Увидишь — вздрогнешь, а встретишь на улице — так прямо в обморок и энурез до гроба!

Сразу за ним «Митрофан-шельмец. Роду неведомого, росту двух сажений, поперек себя в плечах шире, убивец и соврёт недорого возьмёт»... Лысый кадр в раме, густящие брови, зенки налиты кровью, а изо рта сбегает зеленоватая струйка слюны. Хотели бы лично увидеться? Я — нет...

А тут ещё и «Алёшка-сластолюбец. Возрасту неопределённого от восемнадцати до сороковнику будет. Любить любит. Что баба, что мужик — ему без разницы. Ядами не брезгует. В речах сладок, чуток грассирует»... Описывать портрет не буду — типичная смесь молодого Ди Каприо с Борманом, розовые щёчки и вялотекущая шизофрения в глазах. Про остальных даже говорить не хочется, вышеописанные ещё самые безобидно выглядящие. Правда-правда!

То есть, согласитесь, выставка в целом впечатляла. Если у нас после этого вернисажа треть города не хватит кондратий, то я не лейтенант милиции, а полевая мышь в русском сарафане.

— Мить, снимай всё это.

— А? Чего? Вы мне, что ль, Никита Иванович? — всколыхнулся он, словно пробудившись. — Сию минуточку! В баньке завсегда дрова нужны, а произведения искусства, говорят, горят дюже жарко.

— Вы уж простите, что опять не угодил, — со вздохом подал голос вконец убитый художник. — Ежели надо, так я переделать могу...

— Не надо! — твёрдо заявил я, и... одна очень-очень-очень хорошая мысль тихо заглянула ко мне под фуражку. — А вот... к примеру, размножить их вы можете?

— С готового портрету повторить? Чего ж легче, а...

— А зачем — это наша служебная тайна, — вовремя прервал я богомаза. — Митя, собери всё, и дуйте оба в мастерскую к Новичкову — до завтрашнего утра мне надо примерно сотню таких красавцев!

Мой напарник ничего не понял, но послушно приступил к исполнению. А я с улыбкой до самых ушей вернулся в терем. Шамахань на подходе, уж чем там намерен их отражать надёжа-государь, неизвестно, но одно оружие психически-массового поражения мы им предоставим...

Встретил меня гражданин Филимон Груздев, добросовестно подметающий наш двор большущей метлой. А это, интересно, куда отнести — к везению или к невезению? Да чтоб думный дьяк наводил порядок на территории милиции, словно схлопотавший пятнадцать суток за мелкое хулиганство?! Точно, к невезению. Он ещё это нам потом не раз

припомнит...

Ирод-змий дюже засмути-ывся-а,
Що Христос на свит народы-ывся-а!
Казав дитэй убиваты,
Щобы з ними життя взяты Христа Бо-ога-а!

жутко противным, но полным вдохновения голосом распевал бывший скандалист, став на тернистый путь исправления. Вещица показалась мне знакомой, наверняка свистнул у запорожцев, наезжавших к нам зимою, помните?

А ангел в снi Иосифу звеща-ае,
Що-о Христа Ирод-змий шука-а-е-э,
Иосиф с Марией и дитятком
Утекають на ослятку До Еги-ипту-у...

Я вежливо козырнул ему, пожелав трудовых успехов, и взбежал на крыльцо, уворачиваясь от клубов поднятой пыли. В сенях столкнулся нос к носу с Олёной. Добрых пять минут (целых пять!) мы просто целовались, забыв обо всём на свете.

— Любимый, — наконец оторвалась она, поднимая на меня счастливые глаза, — бабушка Яга сказала, что я хоть и дура косорукая, однако ж кой-чему у Кощея научилась. Значит, в экспертном деле помогать могу, если с вопросами да советами не вовремя лезть не буду. Она берёт меня в помощницы! Примешь теперь в опергруппу? Вот только попробуй не принять, я тогда за тебя замуж не пойду.

— Надо подумать. — Мне удалось сохранить серьёзное выражение лица. — Да! Приму. Во-первых, я тебя люблю, во-вторых, я хочу на тебе жениться, и, в-третьих, бабка у нас в людях разбирается. Она подготовит из тебя высококлассную специалистку!

— Я тебя обожаю, участковый! — едва ли не взвизгнула Олёна. — Давай иди в горницу. Там результаты экспертизы по ореху, а мне ещё воды принести надо. Будем все вместе привидение допрашивать...

Как это, интересно? Оно же существо эфирное, никаких способов давления у нас на него нет, ни физических, ни моральных. Мужик усопший сгоряча пришёл разборки чинить, а мы его к сотрудничеству склоняем...

Не верю, не пойдет он на это. Ну и ладно. Посмотрим, что бабка придумала. В конце концов, в этих вопросах она профи.

Моя домохозяйка сидела, отвернувшись лицом к окну.

— Нацеловались, что ль? Ну так пора и делом заняться, а то к обеду государыня с отчётом заявится. И так двух дармоедок пои-корми, так ещё и дьяк ласковый на нашу голову, — несколько бессвязно начала бабка, чувствовалось, что она либо переутомилась, либо не в себе.

Я осторожно присел рядом.

— Ревнуете?

— А то как же... — едва заметно вздохнула она. — Люблю ить я тебя, сокола ясного, как внука единственного люблю. Рази ж легко мне руками собственными тебя под венец толкать?

— А кто меня почти два года уговаривал: женись, мол, перед людьми неудобно?..

— Дура была, — убеждённо заключила бабка, чисто волевым усилием вставая с лавки. — Ну да покуда мы энто дело не закроем и шамаханцев через назад не завернём, всё одно никакой свадьбе не бывать! Посему садись-ка ты за стол, Никитушка, да и пиши показания. Много ли, мало ли мне из того орешку вытянуть удалось, однако ж суть тут следующая...

Я расположился за столом, раскрыл блокнот и привычно приступил к записям. Диктовала Яга громко, размеренно, по два раза переспрашивать почти не приходилось. В этом смысле работать с ней всегда одно удовольствие.

Стенографировал почти полчаса. Не буду врать, что из ореховой скорлупки удалось выжать кучу всего полезного. Разумеется, хотелось гораздо большего... Плюс скорее в том, что полученная дополнительная информация помогала систематизировать и выстроить в ряд ранее не изведенные факты. Выводы можно было делать теперь абсолютно выверенные, хотя и радости нам это не добавило, увы, ни на грош.

Как вы, наверное, уже сами догадались, таинственный орешек вышел в свет из секретных лабораторий Кощея Бессмертного. Этот беспробудный уголовник с тысячелетним преступным стажем не мог остаться в стороне от замужества своей бывшей подчинённой. Каким-то непостижимым образом он сумел заполучить Лихо в концентрированном варианте, довести его до нужных параметров и, слив все три ипостаси в одну, заложить эту гремучую смесь в ореховую скорлупу!

— Ить Лихо-то оно разным бывает, — продолжала философствовать Яга. — Обычно бесполое оно. Но есть и чисто мужское, типа «что такое „не везёт“ и как с НИМ бороться». А бывает и тока женское — «вот ведь

„непруха“, и ничего ты с НЕЙ не сделаешь!». Но самое дурное не в этом, а в том, что на невесту твою оно заговорённое.

Вот это, это, видимо, было очень плохо. Злокозненным участием Кощея у нас давно никого не удивишь. И он к нам в Лукошкино заявлялся, и мы к нему на Лысую гору всей опергруппой не раз заглядывали. Было дело, он тут в столице проводил серьёзнейшие диверсии самого разного уровня — от политических заговоров с целью свержения правительства до банального «гоп-стопа» с финкой в подворотне. Мы его разоблачали, ловили, арестовывали, даже прижгли поваренной солью — жуткое зрелище! Короче, всё взаимно, все не без понятия, не первый день за хромым козлом с гитарой фиктивным браком замужем. Хотя по-прежнему неясно, как именно орех попал к Олёне? Она сама утверждает, что в глаза его не видела...

— И не врёт девка, — авторитетно подтвердила наша эксперт-криминалистка. — Дрянь эту ей в телегу на ходу подбросили. Кто? Дык, думаю, ворон говорящий, знакомец твой старый. Бона на скорлупке царапинки мелкие, не иначе как от коготков птичьих. Рано ли, поздно, а полезла бы Олёнка в туесок, перекусить чем бог послал, да и наткнулась бы на орешек. Вряд ли бы долго размышлять стала, разгрызла бы и...

То есть выходило, что, если бы моя невеста собственноручно «выпустила» Лихо на свободу, оно бы прицепилось только к ней! А там что бы уже ни делала бедняжка — всё было бы обречено на провал. Полное индивидуальное невезение — абсолютное, как абзац! От этого проклятия её не избавил бы уже никто, с таким «подарком» долго не живут...

Но слепая судьба распорядилась иначе: по всей видимости, орехом как-то завладел возчик Брыкин. Именно он дал свободу Лиху, за что поплатился жизнью. Понятно, что кое-какие нестыковки тут ещё присутствуют, но в целом основная версия следствия выглядит именно так. Надеюсь, нужные детали нам прояснит пленённое привидение. Если захочет, конечно.

— А куды ж ему деваться? — даже удивилась моему скептицизму Баба-яга. — Нешто думаешь, я с эфирными созданиями толковать не обучена?! Всё как миленький выложит, еще и соловьём будет петь, не остановишь! А сейчас выйди-ка во двор да невесту свою неспешную поторопи, помощь её мне понадобится. Вот ить нашла себе на старости лет забаву глупую, боль головную, радикулит беспочвенный — молодую бесовку премудростям житейским учить... Оно ить мне рази надо, а?!

Я улыбнулся, захлопнул блокнот и вышел. Вышел, кстати едва не прибив Олёну дверью — она давно ждала в сенях с ведром воды. Подарив

мне быстрый чмок в нос, моя любимая бросилась в горницу на ворчливый бабкин окрик. Детский сад какой-то, психологические игры для детей дошкольного возраста и пенсионеров с закидонами.

* * *

Я тихо присел на крылечке, наслаждаясь осенним солнышком. Ещё вполне тепло, листья с деревьев не сыплются, и птицы вроде тоже никуда улетать не спешат. Вот так прикроешь глаза и задумаешься невольно: а как бы сложилась моя жизнь, останься я в той далёкой, урбанизированной Москве моего прошлого?

То есть прошлое оно, разумеется, только для меня, для всего лукошкинского мира это самое что ни на есть далёкое будущее. Научный прогресс, новейшие технологии, коррупция, телевизионные шоу, гонки вооружения, теракты, международные катастрофы, очередные выборы-перевыборы... к этому тоже привыкаешь и не понимаешь, как можно жить иначе.

А иначе — это как здесь: туалет на улице, затейливые резные терема без единого гвоздя, стрелецкие наряды, боярская дума, диктат и тирания любимого царя-батюшки, знакомая работа. Да мало что изменилось по сути, люди те же. Меняются времена, эпохи, даже миры — неизменны именно люди. Возможно, мы и в самом деле слеплены по образу и подобию Божьему, а потому ВНЕВРЕМЕННЫ...

Меня вывел из размышлений невнятный шум, кажется, кто-то входил в наши ворота, но раскрывать глаза не хотелось совершенно.

— Это не есть прафильно! Ви делают всё плёхо!

— Виноват, матушка...

— Ви не так подметайт, крюгом один пыль! Мне не есть чем дышать!

— Смилуйся, государыня... А уж если туп, глуп и необучен... Просвети устами своими сахарными, а уж я расстараясь...

— О майн гот, дайт мне сюда на руки этот метла! Вот так, вот так... Ферштейн?! А не — вот так, вот так!

В принципе всё ясно. Я приоткрыл левый глаз. Довольный дьяк, вытянув ноги, уселся на чурбачке у забора, а рослая австриячка деловито и умело размахивала метлой. При такой скорости, сноровке и энтузиазме двор через пять минут будет просто сиять. Филимон Митрофанович,

похоже, думал так же, возвращать себе орудие труда он в любом случае явно не собирался. Каково, а?

Не поверите, периодически я умиляюсь этому ушлому типу. Без гражданина Груздева у нас в Лукошкине ничего не складывается! Были дела без Шмулинсона, без Кнута Гамсуновича, без Кощея, без государыни, даже без царя (!), но чтоб без дьяка...

От ворот прошествовал чем-то недовольный Еремеев. Уважительно поклонился государыне, для порядку рывкнул на Филимона Митрофановича — тот с лучезарной улыбкой пожелал ему всяческих благ и доброго здоровьечка. Начальник стрелецкой сотни нервно отпрянул, перекрестился и поспешил ко мне.

— Что-то срочное?

— Угадал, — поправляя шапку, кивнул он. — Гонец там царский к калитке прибежал, дескать, ждёт тебя Горох. Самолично прийти просит, посоветоваться...

— У него там дума в полном составе, пусть с ними и советуется. И их делом займёт, и нас по пустякам гонять не будет.

— Ты давно умный такой? Царь ведь зовёт, не кто-нибудь! Может, ему особый совет нужен?

— Вот только не надо делать акцент на слове «особый», — поморщился я, потому что идти всё равно придётся, а желания... ну ни на грош.

Меня спас Митя, вернувшийся от Новичкова. Правильно, чего ему там долго делать, сопровождал художника, помог донести портреты и рысью назад в родное отделение...

— Вон пусть Митька сходит! Он у нас спец по психоанализу, развлечёт царя-батюшку схемами и тестами до полного удовлетворения. А мне нельзя, у меня тут экспертиза важная, требуется личное участие.

Фома спорить не стал. Что, кстати, впоследствии дало мне законную возможность разделить с ним ответственность за то положение, в которое попал наш младший сотрудник. Виноват, конечно, был я, но об этом позже, всё должно идти по порядку...

Митя тоже приказу не удивился, выпросил лишь денежку на пряник печатный, чтоб не без подарочка в царский терем идти. Денежку я ему дал, целый рубль, но посоветовал вместо пряничка купить в китайской лавке соевый сыр тофу или зеленый чай с лимонником. При теперешних вкусах Гороха это будет гораздо более в тему.

...В горнице было тихо и темно. Олёна занавешивала окна, а бабка выстраивала на столе непонятную конструкцию из колб, гнутых трубочек,

перегонных кубов, змеевиков и прочих стеклянных прелестей. Более всего оно походило на самогонный аппарат тройной степени очистки с молоком. По крайней мере, сколько я разбираюсь.

В ответ на мой безмолвный взгляд Яга так же молча приложила сухонький пальчик к губам, кивком головы указывая мне на скамью. Я тихо примостился поближе к печке, раскрыв потрёпанный блокнот. Наша эксперт-криминалистка вытерла руки передничком, прочла коротенькую молитву, сотворила крестное знамение и подмигнула коту. Вася, молча и важно шествуя на задних лапах, вынес из моей комнаты стеклянную банку с надёжно запечатанным в ней привидением, торжественно водрузив её на стол.

Призрак возчика смотрел на нас злыми, бесцветными глазами, уменьшившись раз в двадцать, но не потеряв ни грамма ничем не оправданной ненависти. Это от скудоумия, такое бывает, иногда обида на весь мир за что-то недополученное так захватывает отдельно закомплексованного человека, что спорить бесполезно, ему уже ничего не докажешь. Медицина здесь бессильна, он и на Страшном суде будет препираться с ангелами и хамить «прокурору», если вы понимаете, кого я имею в виду...

— Ну что ж, девонька, иди-кось поближе, — весомо произнесла бабка. — Я тя научу, как из мужиков правду клещами вытягивать. Щас мы ему трубку-то вставим...

Вася, вздрогнув, попятился ко мне, Назим вообще не подавал признаков жизни, ему и за печкой не дуёт. Вспыхнул огонь, затрещали свечи, забулькала разноцветная жидкость в колбочках, а наша специалистка по чародейству и колдовству, умело проткнув промасленную бумагу, запечатывавшую банку, быстро сунула туда стеклянную трубку. Несчастный и пикнуть не успел, как был засосан внутрь, и ругательски ругался на нас, уже винтообразно прокручиваясь в змеевике. Слов слышно не было, но эмоциональная окраска повышенной крепости чувствовалась однозначно...

— Ну что, мил-человек, — задумчиво сощурилась Яга, — добром на вопросы отвечать будешь али огоньку с газами серными прибавить?

— Бабуль, он нас «волками позорными» обозвал, — безошибочно угадал я артикуляцию губ орущего возчика.

Олёна кивнула и молча прибавила огонь. Привидение уже явственно розовело, но в тот момент, когда колба едва не лопалась от жара, опытная бабка повернула какой-то зажим, выдернула пробку, и струя хлынувшего воздуха протолкнула несчастного в другой сосуд. Практически ледяной!

Мне кажется, что я даже слышал, как он завизжал... А может, и нет, может, просто воображение распалилось.

— Чегой-то он там опять выражается, Никитушка?

— Э-э... если я правильно понял, то «козлы драные» и «фараоны египетские», «...колготки парижские!».

— Какие-какие — парижские? — не поверила Яга. — Нешто так и сказал?!

— Именно так, «колготки парижские!», — краснея, признал я.

Бывший гражданин Брыкин через колбу в знак подтверждения показал нам язык, начиная заметно синеть от холода.

— По-разному меня мужики костерили, и было порой за что, однако же совесть и патриотизм имели... Но чтоб «...парижскою» назвать?! Да при девке молодой, которая небось слов-то таких и в пьяных кабаках не слыхала!

— Может, он «коготок» имел в виду? — осторожно вступилась бывшая бесовка, но бабка была неумолима:

— Нет ему за такое обзывательство моего сострадания. Лей самогон, Олёнка! Лей, кому говорят!

Новая струя пара, ещё один пролёт в змеевике, чмокающий звук всасывающегося воздуха — и замёрзшее привидение оказалось в большущей банке, почти доверху заполненной мутным крестьянским самогоном.

— Три минуты, — авторитетно заявила Яга, присаживаясь на край скамьи и вытирая платочком бисеринки пота с бородавки на носу. — А через три минуточки сам запоёт, да так, что тока успевай протоколы составлять. Уж я-то такую породу знаю...

На самом деле возчик заговорил гораздо раньше. Видимо, эфирные существа подвержены спиртным ароматам в куда большей степени. Тем паче алкоголь проникал в его суть отовсюду, массово и без закуски. Голосок доносился слабо, с длительными перерывами и спотыканиями, но основную суть я всё-таки успел записать.

Итак, гражданин Брыкин заметил мою невесту с первого дня её появления в обозе и, будучи натурой увлекающейся, тщеславно поспорил с товарищами, что «уломяет девицу ещё до города». Олёна дважды вежливо и один раз грубо (физически) дала понять, что едет замуж к любимому человеку. В ту же ночь к возчику прилетел чёрный ворон, говорящий человеческим языком. Имеет смысл продолжать или так почти всё уже ясно?

— И грит мне... мол, это... дай ей вона... орешек! Как разгрызёт —

вся твоя! Мне чё... сложно было? Позвал я её... жду у берёзы... жду... жду... Чё жду? А я знаю?! Ну девку жду... орешек в руке... а её нет... Да тьфу, думаю... щас пойду... да как дам ей оглоблей вдоль хребта — небось зауважает... Пока думал... орех разгрыз... А оттуда как шибанёт!

В себя он пришёл уже сидящим на берёзе. К тому же по иронии судьбы на той самой ветке, где висело его, увы, безжизненное тело. Больше не видел и не знает ничего. Объяснить, какую девушку могли заметить купцы, внятно не может. По его словам, абсолютно никого там у берёзы не было. На мою жизнь покушался от отчаяния и по причине «неуспокоенности души». А по зрелом размышлении на пьяную голову даже готов извиниться, потому что «был неправ»...

То есть, по крайней мере, в этом пункте охотно признаёт себя виновным, зла за допрос не держит и на задержание не в претензии. Я пообещал поговорить с отцом Кондратом насчёт дополнительного отпевания. Возможно, это поможет призраку возчика Брыкина упокоиться с миром...

Яга была не столь великодушна, но согласилась отпустить бедолагу под подписку о непоявлении. В том плане, что «пошёл бы ты, добрый молодец, на тот свет своею дорогою, а милицию впредь зазря явлениями не беспокоил!». На том и сошлись...

* * *

Буквально через полчаса я сидел за столом, как «Барбос среди роз!» из детской считалки. Митя ещё не вернулся, Назим был занят готовкой, Васька удрал к знакомой кошке на крышу, а вокруг меня одного заботливо суетились сразу три особы женского пола. Приятно, не находите?

Яга изображала главную хозяйку и следила, чтоб я всё съел. Олёна смотрела на меня влюблёнными глазами, жала руку под столом и заразительно смеялась любой моей шутке. Лидия Адольфина, несколько не чинясь царским званием, подавала на стол, наставительно рассказывая о пользе для желудка, печени и цвета лица того или иного натурального продукта. Я просто купался в женском внимании, беззаботно млея и наслаждаясь моментом. Все-таки в идее создания гаремов что-то есть...

Уже за чаем мы сложили все данные проведённых экспертиз в одну линию и дружно пришли к выводу, что преступление практически

раскрыто! Мы готовы предоставить доказанные факты преступного участия Кощея, его тайный план мести своей бывшей бесовке и попытки срыва моей свадьбы. А также точную классификацию Лиха как вредного для общества субъекта, по самой сути своей враждебно настроенного ко всем людям в целом.

Правда, в очередной раз отдать гражданина Бессмертного под суд за все его прегрешения вряд ли получится. Как ни грустно признавать, руки у нас в этом плане коротки.

Зато память долгая — доведётся случай встретиться, всё припомним, и он это знает!

— А что ж, Никитушка, — мечтательно протянула бабка, усаживаясь напротив. — Вот у тебя лицо сейчас было просветлённое такое, нешто удумал, как нам Лихо одолеть?

— Честно говоря, еще нет... Но есть одна рабочая идея, как отогнать шамаханов от города. По крайней мере, лошадей мы завернём точно.

— О доннер-веттер! — схватила за сердце матушка царица. — Я есть совсем забить, что у нас фойна! Или забыть?!

— Можно и так и так, но, пожалуй, «забыть» правильнее, — подумав, согласились мы.

— Я была в Немецкой слободе и иметь там речь! Мы не хотим фойны! Немцы — законопослушный народ, но я не раз говорила, что закон должен бить!

— Быть, — автоматически поправили все.

— Бить, — любезно согласилась Лидушка. — И фсе немцы, как один, встанут грудьями на защиту родных стен нашего Люкошкина! Я сама повести их на блицкриг! Кнут Гамсунович уже заряжает пистолеты, мужчины чистят ружья, а их фрейлейн шьют белые платки, махать со стен.

— Дык белым машут, когда сдаются вроде? — не поняла Яга.

— Найн! — Царица так грохнула кулаком по столу, что посуда спрыгнула на пол, две чашки убились насмерть. — Это не есть сдаваться! Это означайт, что они дождутся сфоих героеф в чести и непорочности, как белокурые нефесты! Кто скажет про сдаваться, я сама своей рука застрелю!

— Верим, верим, орать-то так зачем, — поспешил вмешаться я.

Нежная австриячка, мигом устыдившись своего эмоционального порыва, тут же принесла извинения всем присутствующим. Впрочем, на моё предложение «немедленно проводить её в царский терем к любимому мужу» государыня ответила по-женски уклончиво:

— Я, я! Это надо сделает в тяжёлый для Родины час, но... Родина ещё

не вся в опасности. Горошек ещё недостаточно настрадайт без меня. Ферштейн, майн камерад полицай?!

Да уж ферштейнее некуда. По-моему, ей у нас в отделении просто нравится. Работа непыльная, весь день в тепле, кормят как на бройлерном комбинате, баня бесплатная, политики никакой, что ж не жить-то?

Олёна в ответ на мой разочарованный взгляд только развела руками. Я грустно улыбнулся ей... До нашей свадьбы остаётся меньше недели. Чтобы всё прошло гладко и по-человечески, нам надо «закрыть» Лихо, отбить шамаханов и без суеты обвенчаться у отца Кондрата. Все последующие проблемы решать по мере поступления, и так дышать нечем...

В дверь постучали. Заявился чем-то очень встревоженный Еремеев. На приглашение Яги присесть хоть чашку чая откусать ответил категорическим отказом, из соображений безопасности держась в сенях.

— Выйдем-ка, Никита Иванович, дело есть, мужское сугубо!

Теперь уже настала моя очередь пожимать плечами. Что ж там у нас такого сверхсекретного произошло, чтоб нельзя было сказать при всех? Я подхватил планшетку, снял с крючка фуражку, послал всем дамам воздушный поцелуй и вышел вслед за начальником стрелецкой сотни. Во дворе он только было открыл рот, но увидел любопытного дьяка Филимона и жестом предложил мне выйти ещё и за ворота.

— Ну? — спросил я. — И к чему все эти тайны мадридского двора?

— Ты Федьку Заикина за Гришенькой-юродивым отправлял? Так вот, не вернётся он. Парни доложили, что посыльного твоего бабки-богомолки, одуванчики божьи, так клюками отходили, что он теперь дома пластом лежит, хорошо живой ещё...

— Не повезло, — сам себе объяснил я, а вслух уточнил: — И за что они его так?

— А за арест божьего человека!

— Глупости, я не давал приказа его арестовывать. Чёрт побери, да я вообще послал его только за Новичковым (кажется!). Насчёт Гришеньки мысли были, но на кой мне его арестовывать, он и так без пяти минут великомученик!

— Ты бы хоть меня предупреждал, — без обид, но твёрдо попросил Фома. — Не серчай, но обстановка вокруг нервная, а ты тоже не семи пядей во лбу.

— Учту. Что ещё сказать хотел?

— Хотел... Стрельцы говорят, будто бы на подворье царском что-то нехорошее творится.

— В каком смысле?

— Вроде орёт кто. Громко. То есть очень уж громко! Да ещё на два голоса поочерёдно, сперва будто бы царь, а потом и...

— Митька-а... — допетрил я. Господи боже, ну как я мог отправить его одного к Гороху, когда сам государь мается с заскоками?! Вариантов нет. — Пошли!

— Да и кричат-то не по-людски, — продолжал нагнетать обстановку Еремеев, едва поспевая за моим широким шагом. — Не слово какое, не клич боевой, а эдак на одной ноте, пронзительно, ажио мурашки по коже... Нет, я сам-то не слышал, но все говорят!

— Кто — все? — по ходу спросил я.

— Ну... стрельцы царские, бояре тоже, гости заезжие, люди прохожие... да все!

Ох уж мне это «все знают, все слышали, все видели», одна милиция вечно неизвестно куда смотрит. Мне до последнего не хотелось думать, что у царя произошло что-то серьёзное и причастен к этому наш младший сотрудник, которого я своими руками отправил на государево подворье «помочь советом».

...Увы, мой лимит везения был исчерпан, поэтому крик мы услышали ещё за два квартала. Это был пронзительный, выворачивающий душу вопль, заставляющий холодеть сердца и тяжелеть конечности. Лошади вставали на дыбы, ломая оглобли телег, рядовые граждане спотыкались на ровном месте, с забора рухнула, в глубоком обмороке, трёхцветная кошка, голуби взмыли над крышами, боясь садиться обратно, и казалось, даже сами облака шарахнулись в стороны, а солнце ещё быстрее поспешило вниз, к закату. Возможно, я так поэтично накручиваю, но всё равно впечатление было... впечатляющее! На царёвом дворе толпилась уйма народу, стрельцы осаживали особо ретивых, но лично меня сразу пропустил боярин Кашкин.

— Плохи дела, сыскной воевода, — честно признался он, провожая меня наверх, в личные покои Гороха. — Враг, не ровён час, к завтрашнему вечеру у стен наших станет. Дружина всегда в боевой готовности, да тока с порохом неладное что-то творится... И не сырой вроде, а не горит, дымится только. Лошади заболели разом, не едят, не пьют, в тоске непонятной маются. Народ окраинный в Лукошкино съезжаться начал, от нашествия шамаханов прятаться. А и сами ордынцы себя странно ведут...

— В каком смысле? — не удержался я, кивком приветствуя стрельцов личной государевой охраны.

Старый боярин сделал страшное лицо, сощурился и словно по больному секрету прошептал мне на ухо:

— Сёл не разоряют, деревень не жгут, в полон не хватают ни баб, ни детишек малых. Осторожно идут, ровно побаиваются чего-то...

— Чего это, интересно?

— Про то не ведаю.

Ладно, разберемся. Хотя чего разбираться-то? По сути, если набег шамаханов инспирирован Кощеем, то он наверняка предупредил ордынцев, что надо спешно выдвигаться к столице, не тратя времени на мелкую добычу, и ждать у ворот, пока мы сами не откроем, нахлебавшись Лиха по уши... А не дождутся! Не позволим...

— Заходи, участковый, ждёт тебя царь-батюшка! — Рослые бородачи расступились, давая мне пройти к маленькой знакомой двери. Иногда кажется, что наш Горох куда больше времени проводит в этом кабинете, чем на заседаниях боярской думы.

— Ты уж поостроже с ним там, — тихо напутствовал старший в наряде. — Заигрался государь. Кабы только его касалось, так ладно, а то уж в чрезмерности впадает, нехорошо это...

Ага, тоже прочувствовали, значит. В позапрошлый раз, помнится, уговаривали слишком на батюшку не наезжать... Посмотрим, определимся. Работа наша такая милицейская — всегда на посту, в любой дырке затычка. Я толкнул дверь и вошёл внутрь...

Горох в совершеннейшем подпитии сидел на полу, в японском кимоно, русских штанах в полоску и шерстяных носочках с финским орнаментом. Самурайский меч криво торчал в недорубленном подоконнике, корона съехала набок, а сбоку от государя стояла литровая глиняная бутылка саке. Мити не было. Надеюсь, успел смыться...

— Опять пьянствуете, гражданин? Злоупотребление алкогольными напитками до добра не доведёт. А беременным и лицам с неустойчивой психикой он вообще противопоказан.

Горох поднял на меня левый глаз, величаво изогнув кривым полумесяцем бровь, и молча указал место на циновке рядом с собой. Я разулся и сел плечом к плечу с удручённым государем. Он хлюпнул носом, наполнив две чашки.

Японские традиции побоку? Тогда почему бы и нет...

— Спешу доложить по существу. В результате плановой экспертизы получено окончательное подтверждение участия Кощея во всём этом деле. Моя невеста ни в чём не виновата, что подтверждено допросом привидения того самого возчика Брыкина. Город худо-бедно готовится к обороне. Органы милиции обычно в военных действиях не участвуют, но... Мы тоже внесём свою лепту. По поводу Лиха пока порадовать нечем. Где оно

скрывается — непонятно, как арестовать — неизвестно, то есть обезвредить пока не представляется возможным. Но это пока. Всё!

Я махом опрокинул sake в рот. Дрянь... Всё равно дрянь, по-любому, на какой температуре и какого качества ты её ни пей. Хотя привыкнуть можно ко всему... Горох наполнил по второй. Я хмыкнул, но, в конце концов, все мы так расслабляемся.

— За победу русского оружия над очередным злобным агрессором!

Царь молча кивнул. Мы выпили, традиционно ничем не закусывая, да рядом и не было ничего.

— Ну а у вас-то что случилось? Выкладывайте, чего уж...

Государь, повернув голову, пристально посмотрел мне в глаза, словно проверял, издеваюсь я или нет. Нет, я не издевался, так... слегка шаловливое настроение... самую чуточку. Эта японская водка всего-то градусов на двадцать — двадцать пять, можно и ещё по одной. На этот раз разливал уже я, очень аккуратно. И ещё раз повторил свой вопрос:

— Я говорю, что случилось? А то молчите, как пингвин с отмороженным горлом... Голос пропал?

Царь, едва не плача, кивнул.

— Что? — приподнялся я, не веря своим ушам. — Вы действительно не можете говорить?

Горох открыл рот, указал пальцем на шею и еле слышно просипел ряд непередаваемых звуков. Ой, мама родная-а...

— Врача вызывали? Понятно. Знаю вашего коновала, опять начнёт кровь пускать и слабительным пичкать. Совсем голос пропал?! Ну шептать-то хотя бы можете?

Он кивнул. Потом посуетился, вытащил из-под циновки какую-то потрёпанную книжицу с иероглифами, раскрыл на нужной странице и сунул мне под нос.

— А смысл? — ровно упрёкнул я. — У меня за плечами только английский, начальный курс, и тот подзабыл. Я в этих закорючках разбираюсь, как попадья в Бетховене...

Горох досадливо хлопнул себя ладонью по лбу, налил нам ещё, выпил первым и, видимо согрев горло, еле-еле слышным шёпотом произнёс:

— Киндзюцу.

— Что?! Ещё раз, погромче, не слышно.

— Кин-дзю-цу!

— А?!!

— Издеваешься, участковый?! — не по-детски обиделся царь. — Так я вон тебя прикажу на кол посадить, мигом расслышишь!

— А вы мне не угрожайте. — Волевым усилием сдерживая смех (гневно шепчущий Горох — зрелище то ещё!), я попросил пояснений. — Рассказывайте медленно, не торопясь и не перенапрягаясь — что это за зверь и какого чёрта вы так не вовремя охрипли?!

— Искусство это японское, самураями культивируемое... Владеют им единицы редкие, поскольку сила в нём духовная внутренняя, из самой сути человека идущая... Одним криком — киндзюцу — можно цельное войско жизни лишить! Вот я и...

* * *

Больше мучить вас его сипением мне совесть не позволяет. Поэтому перескажу короче, по существу и своими словами. Горох — государь не только по праву рождения, но и по натуре, даже по призванию. Он настоящий лидер во всём и власть в кулаке держит не столько кнутом и пряником, сколько личным примером. Коря себя за неподготовленность к шамаханскому нашествию, он лихорадочно искал способы выхода из военного кризиса.

Проблему с порохом ему решить не удалось, а вот другой способ массового поражения противника он нашёл. Вычитал в очередной японской книжке и, будучи человеком увлекающимся, сразу решил, что вот оно — спасение! Всех делов-то — собрать воедино силу воли, внутреннюю энергию, возбудить в себе огонь боевой ярости и обрушить на врага разрушительную мощь крика — киндзюцу! В книжке было хвастливо написано, что таким образом великие самураи останавливали целые армии, доводя противника до разрыва сердца.

О тех, кто в этот момент будет находиться в городе, он, естественно, и близко не подумал...

— Резюмирую. Вы тренировали клич на пару с моим младшим сотрудником. Как «знаток психологии», он не мог вам отказать, да и самому наверняка интересно было. Вы в две глотки всполошили весь терем, потом двор и даже близлежащие улицы. Какой-то особо выдающийся вопль я за два квартала слышал... Но, не имея длительного опыта, в результате просто-напросто сорвали себе голос. Теперь — тихий шёпот, горячее молоко, мёд вприкуску и тёплая постель. Кто за вас войсками командовать будет, Бодров, что ли?!

Горох отрицательно помотал головой. Мы оба призадумались. Кашкин уже стар, да и он больше дипломат, чем вояка. Думская фракция традиционалистов только на милицию орать горазда. В бою, впрочем, тоже не струсит, но полководцев среди них, увы, нет. Просить Кнута Гамсуновича? Он вроде воевал за своего короля Фридриха и вряд ли откажет. Хотя нет, за ним могут не пойти, немец всё-таки...

— Да, по этому вопросу надо серьёзно советоваться, — неопределённо протянул я. — И кстати, Митька-то где?

— В тюрьме.

— Где?!!

— В тюрьме, говорю, — виновато прошептал государь, с горя отхлёбывая оставшееся саке прямо из бутылки. — Должен я был хоть на ком-то злость сорвать?! А он и сам подставился, в последний миг как ухватит меня под ребро — я и взвыл, света божьего невзвидев! Психолог, чтоб его... Голос тут же возьми да и сорвись!

— Н-да-а...

— И не «ндакай» мне тут! Не казнил сгоряча, уже скажи спасибо!

— Тоже верно. Спасибо! — от всей души поклонился я. — Только, если вы не возражаете, я его заберу. У меня в отделении дел выше крыши, каждый человек на счету, так что нечего ему по тюрьмам в тепле отсиживаться.

— Забирай, жалко, что ли... — надулся надёжа-государь и едва ли не со слезами попросил: — Ты это... выпроси там у Яги своей, может, она чего от горла посоветует? Удавлюсь ведь завтра со стыда перед всем войском...

— Коньяк и сырые яйца, народный метод, любая Монтсеррат Кабалье знает, — на ходу ответил я. — Бабулю, разумеется, спрошу. А вы бы... завязывали с этой Японией уже. Шамахань на носу, нам русский царь нужен, а не... «маде ин джапан», прости её господи!

Горох не ответил. И без того всё понятно, яснее некуда. Пусть подумает над своим поведением, посидит наедине с самим собой, сделает соответствующие выводы. Охранные стрельцы одобрительно смотрели мне вслед, Кашкин остался у дверей ждать царского слова. Ага, с теперешним настроением Гороха он скорее дождётся жеста...

Дорогу в «подвалы каменные, тёмные» я знал, самого туда недавно сажали. Двое стрельцов у входа в темницу первыми вежливо поздоровались и безропотно пропустили меня внутрь. Впрочем, задерживаться я не планировал:

— Митя, собирайся и домой, дел полно!

— Нет меня...

Я тихо выругался сквозь зубы и вынужденно полез в подвал. Знакомое место, та же самая темница, где держали и меня. Наш Митенька, несвязанный, без кандалов, без следов побоев на лице, свеженький как огурчик, сидит себе развалясь на соломе, в правой руке большой надкусанный пряник в форме самовара, а у левого колена полная крынка молока. Нехило устроился, не находите? Это уж кому как везёт...

— Младший сотрудник Лобов, а ну встать перед старшим по званию!

— Был младший сотрудник, а ныне зэка Лобов, — мрачно подкорректировал он, но поднялся. Правда, не в полный рост — из-за низких потолков ему пришлось стоять на полусогнутых, с опущенной головой. Но хоть так мы были на равных.

— А теперь докладывай, что ты учудил у государя и как здесь оказался? Только без театральщины! Не перед кем, а я тебя давно как облупленного знаю.

— Без песен жалостливых, стало быть? Уж без них и не знаю как...

— И я не знаю, но ты постарайся.

— Обидели меня, Никита Иванович, — хмуро засопел он, и чувствовалось, что это серьёзно. — Без дела обидели, без вины, за помощь мою честную да сердце отзывчатое. Прямо в душу так и плюнули! И жжёт меня это, и томит, и подсознание ранимое болью полнится...

— Ну не надо... так уж... — Я невольно шагнул к нему, с трудом приобнял за плечи и по-братски утешительно похлопал по загривку. — Что там случилось-то?

— Обидели меня тут, — искренне захлюпал носом этот большой ребёнок. — Я ить, согласно приказа вашего начальственного, честь честью сюда припёрся. Государь хоть и неудовольствие изобразил поначалу, но опосля рвение моё оценил. Хочу, говорит, всё войско вражье одним криком положить! А я ему: не заболели ли, часом? А он мне: мол, там, в Японии, все так делают! А я ему: лечиться никогда не поздно... А он мне — что от крику энтого даже соловьи наземь падают! А я ему: энто оттого, что у соловьев слух музыкальный... А он мне — спорим, а я ему — спорим...

— Митя, короче!

— Побились об заклад, чей крик ворону с соседской крыши до приступа сердечного доведёт.

— И кто выиграл?

— Я! Вот пряник печатный, в честном споре добытый праведно. — Он гордо потряс покусанным трофеем. — И уж коли совсем по совести, так я государю ещё и подыграл в конце... Сунул мизинчиком под ребро — да уж

так душевнейше взвыл царь-отец! Такую высокую ноту взял, так её оформил распевно, на чистом фальцете, аж под небеса взлетел! Покуда он опускался, я на ворону махнул, она и улетела. А царь возьми да и осерчай... Ещё молча так, без объяснений! Шипел на меня только, как кот на сковороде...

Да, не повезло парню — сидеть ни за что. Впрочем, Гороху, если подумать, не повезло ещё больше. Лихо крутит свои тайные делишки по абсолютно непредсказуемой схеме, то затаится, а то ударит двойной дозой исподтишка в самое неподходящее время и незащищённое место. А ведь мы даже не представляем себе, как оно выглядит...

Фома Еремеев, быть может единственный живой свидетель, видевший его собственными глазами, никаких толковых показаний дать не смог. Типа бесформенное белесое пятно, очень плотное, не туман, куда плотнее — и один глаз! Яркий, запоминающийся, синий, настолько пронзительный, что казалось, видит тебя насквозь.

Но каким же образом можно задержать или обезвредить такого монстра? Впору идти к Кощею и упрашивать его поделиться практикой запихивания Лиха в орех... А знаете, я ведь, по большому счёту, человек негордый, то есть плюнул бы и пошёл! Ради дела, раз надо, пошёл бы! Но пока над городом опасность вторжения шамаханов, тоже никуда не дёрнешься. Итак, всё решается завтра...

За этими размышлениями я и не заметил, как мой младший сотрудник сам вывел меня из темницы, мы дружно показали язык охранникам и, не поднимаясь к охрипшему царю, выдвинулись в сторону Базарной площади.

Торговля уже давно свернулась, прохожих попадалось мало, народ, нервничающий из-за непонятого «невезения» и слухов о приближении орды, спешил пораньше запереться в домах. В воздухе витала нервозность и недосказанность, что в немалой степени было и нашей виной. Оставалась одна надежда на Бабу-ягу, она у нас спец, она непременно что-нибудь придумает.

У ворот с метлой наперевес ходил дьяк Филимон. Либо еремеевцы резко обленились, либо у меня специфичный глюк, либо... Версии кончились. Гражданин Груздев опустил метлу к бедру, браво стукнув концом древка о землю, и визгливо отрапортовал:

— Здравия желаю, Никита Иванович, отец-кормилец-поилец-работодатель! Всё в порядке, всё по-хорошему, а тебе дай Бог всяческого благополучия, здоровьишка отменного и друзей верных с устами сахарными!

Та-ак... По-моему, бабка в чём-то переборщила. Он этими «устаами

сахарными» уже всех достал. И какой идиот оставил его при отделении?! Нет, я всё понимаю, царь у нас служил в стрельцах, царица вот сейчас в посудомойках служит, а этот-то куда лезет... Можно подумать, что у нас тут своеобразная трудовая колония по перевоспитанию отдельно взятых личностей. Я обошёл дьяка, нырнув в калитку. Митя за моей спиной рявкнул: «Чтоб службу нёс, аки цепной пёс, проверю!» — и догнал меня у крыльца.

* * *

...Осенние сумерки опустились быстро, словно бы падая на город, тихо и без предупреждения. В другое время я бы это оценил, попытавшись припомнить вслух подходящий стишок из классики. Сейчас настроение отнюдь не тянуло в сторону лирики...

Мой напарник предпочёл отсидеться в сенях, а я вошёл в горницу. Вроде бы на первый взгляд всё тихо и мирно. Наверное, я уже всего шугаться начинаю. Наша эксперт-криминалистка сидит за столом, что-то высчитывая на пальцах. Наверху легкий шум, смех и разговоры, — значит, Олёна и царица пока там. Васьки не видно, Назима тоже.

Я медленно опустился на скамейку напротив Яги:

— Как всё прошло?

— Грех жаловаться, Никитушка, — отвлечённо ответила бабка, явно думая о чём-то другом. — Дьяка, вишь ли, совсем бояре заклевали, так я уж позволила мученику одну ночку в отделении на часах простоять. Девки обе в комнатке твоей дурью маются. Лихо сегодня на наш двор не заглядывало...

— Зато оно у царя весомо отметилось, — вставил я, вкратце пересказав историю потери голоса Горохом.

Яга сострадательно покивала и продолжила:

— А до тебя тут монашек от отца Кондрата забежал, напомнить, что венчание завтра запланировали. Ты ить вроде сам его уговаривал на пораньше перенестись...

— Да завтра к нам шамаханьы подойдут!

— И что ж? Он про то ведаёт, — чай, не впервой. Ну придут они, город в кольцо возьмут, будут костры жечь да стрелы калёные метать, а нам с того боязни нет. В осаде не один месяц просидеть можно, только и веселья, что

кому ни есть свадьбку устроить. Так ты женитьбой своей весь город и порадуешь.

— Оригинально, — малость офигел я. — То есть все проблемы побоку, а свадьба превыше всего?! Бабуль, вы темните...

— Чего темню? И ничего не темню, чё ж мне темнить-то.

— Ладно женюсь, но при одном условии. — Я посмотрел ей прямо в глаза и пошёл ва-банк. — Мы никуда не уйдём, останемся жить здесь, на втором этаже. А когда у нас родятся дети, вот тогда и съедем...

— Это почему ж? — тихо буркнула Яга.

— Ну... дети маленькие... лезут везде, пищат, кота будут за хвост тянуть, у Назима под ногами путаться, да и...

— Чего «и»?! — приподнялась моя домохозяйка, раздувая ноздри. — Ты уж давай договаривай! Думаешь, я на них облизываться буду? Думаешь, я детей ем? Да врут всё сказки! С самого начала врут! Не ела я их ни одного! Ни Иванушек, ни Лутонюшек, ни сестриц Олёнушек, никого... Мне, может, завсегда детки малые нравились! Я, может, тока о внуках и мечтаю! А ты вона как, значит, детской ласки да радостей бабкиных меня лишить удумал... Да я ж да щас прям тут...

Меня каким-то чудом успел втянуть под стол бдительный азербайджанский домовый. Потом раздался грохот, в горнице запахло дымом, и шум болтовни наверху мигом стих...

— Не спускайтесь, девоньки, не лезьте под горячую руку, — надрывно раздался дребезжащий бабкин голосок. — Мы с сыскным воеводою тайные планы служебные обсудить изволим. Подтверди, Никитушка-а!

— Да-да, всё в... порядке! — тонко прокричал я, отчихиваясь от гари. Похоже, на столе отбушевал маленький целенаправленный пожарчик.

Назим вынырнул наружу, залил что-то теплым чаем и подал мне знак вылезать, типа можно, безопасно, больше не уьёт...

Я высунулся и ахнул! От ватрушки одни угли, на скатерти мокрое обгорелое пятно, две серебряные ложечки оплавлены, и моя домохозяйка сидит в уголке, прижухавшись, как во всём виноватая белая мышь.

Я осторожно освободил себе место у края стола, достал планшечку и приготовился записывать:

— Итак, мы остановились на свадьбе и её аспектах в плане преодоления фактора скуки у горожан во время вынужденной осады. Продолжаем тему?

Яга на кого-то выругалась сквозь зубы, промокнула уголки глаз платочком и тихо призналась:

— Прости меня, дуру старую... Сорвалась я. Теперича хоть саму себя

за шиворот в угол ставь. Это из-за детёнков всё... Люблю я их! Вот так бы и потискала, пообнимала, понянькалась бы... А люди злые ввали, будто я их ем. Ты не верь, Никитушка, неправда это.

— Я и не верил. Но давайте ближе к делу. У вас сегодня такое выражение лица было, словно вы что-то нащупали... Мы ведь не первый день вместе работаем. Раскрывайте карты!

— Ох и хитёр же ты, участковый! — восхитилась наша эксперт-криминалистка. — Опять прям белку... тьфу, тьфу! Не хотела, прости, Господи, меня, грешную! И чё мне плохого энта белка сделала? Ну да не в ней смысл. А вот отметила я закономерность странную... С того самого дня, как злое Лихо у нас в Лукошкине объявилось, почитай всем нам не повезло. Да кой-кому и не по одному разу! Однако ж есть среди нас человек, которого Лихо не трогает. То ли боится, то ли стороной обходит, а может, и по какой иной причине не касается...

— Олёна?! — не поверил я. Бабка кивнула. Я лихорадочно захлопнул блокнот и начал подсчитывать на пальцах. Я — пострадал, Митя — пострадал, Яга — пострадала, царь, царица, дьяк, отец Кондрат, Еремеев, Новичков, Заикин, тётка Матрёна, Кнут Гамсунович, да все! Так или иначе, но задело всех, кто хоть каким-то боком близок к нашему отделению. Моей невесте не свезло один лишь раз в бане, и то она выбралась вовремя, а всерьёз досталось другим.

— Девкиной вины в том нет, про это и думать не моги! — твёрдо напомнила блюстительница женской солидарности. — А вот нутром чую — бережёт её Лихо. Может, приглянулась чем, а может, и сперначалу такой приказ был: всех, кто к невесте твоей близко суётся, со свету извести, ей самой опосля одна дорога — в петлю али к Коцею в ноженьки!

— И... что теперь?

— Что теперь. Думать давай, ты ж у нас сыскной воевода!

— Любимая, — громко позвал я после минутного размышления. — Спустись, пожалуйста, нам надо серьёзно поговорить!

Вряд ли имеет смысл дословно описывать каждый момент, каждую фразу нашего разговора. Кто что сказал, кто и как на это ответил, какой завязался спор и к чему это всё в результате привело. Если так детализированно размахиваться, то никакой бумаги не хватит, а я свои «внеслужебные» записи веду на хорошей, мелованной, доставляемой в Немецкую слободу из Австрии, по дипломатическим каналам, и в основном плачу за неё из собственного кармана. Ну чтоб никто не сказал, что это взятка от иноземцев...

Хотя, кстати, речь-то совсем и не об этом. А о том, что моя Олёнушка,

выслушав все гипотезы и версии Яги, сама предложила рискованный, но вполне рабочий ход — попробовать взять Лихо на живца. То есть на мою невесту. Нет, разумеется, арестовать мы его не сможем, насчёт этой нелепой фантазии бабуля нас сразу предупредила. Но можем (если ОЧЕНЬ повезёт!) увидеть его, определить его реакции, параметры, мощность и степень агрессии. В этом смысле игра стоит свеч. Маскарад начался буквально через полчаса...

— Митя, платочек поправь! Бабуль, на нём платье не очень трескается?

— Никитушка, ить самый большущий сарафан у тётки Матрёны одолжила...

— У кого?! У вредительницы энтой?! Снимите с меня сей же час, умру я в нем, душит он меня... задыхаюсь-а... Ой, чего ж сразу драться?!

— Любимая, вот только не надо так улыбаться. Я и без того чувствую себя полным трансвеститом...

— А по мне дык очень ничего вы и выглядите, Никита Иванович, сзади так и соблазнительно даже. Особенно когда эдак бёдрышком поводите... Ой, да за что ж опять подзатыльник-то, бабуленька?!

Если вы ещё не поняли, на дело шли мы втроём — я, Олёна и Митя. Олёна изображала беззаботно гуляющую по ночи девицу, а мы её улыбчивых подружек. Стрельцам Еремеева дали строжайший приказ — не вмешиваться ни при каких ситуациях, даже самых опасных. В том, что они будут, мы не сомневались — в конце концов, сами шли на них нарываться. Весь смысл в том, чтобы спровоцировать нападение ночного криминального элемента и дождаться заступничества Лиха за мою невесту. Я, может быть, коряво выражаюсь, но цель примерно такая. Яга торопливо перекрестила нас на дорожку и собственноручно вытолкала за ворота.

* * *

Дьяк Филимон Груздев, честно марширующий вдоль забора с метлой наперевес, проводил «трех граций» восхищённым взглядом, даже флиртозно присвистнул вслед, но знакомиться не полез. Уже приятно. Итак, мы с Митей чувствовали себя, мягко говоря, как две балерины в солдатской бане...

— Никита Иваныч, а ежели увидит кто?

— Мы и вышли, чтоб нас увидели.

— А ежели узнают?

— Притворимся, что это не мы.

— Добрый вы человек, Никита Иванович, а уж утешить умеете-э...

Олёна взяла меня под руку, оттащив от брюзжащего Митяя. Тихо болтая на наши личные, никому, кроме нас двоих, не интересные темы, мы прошли пустой Базарной площадью, крутанулись у царёва подворья и под нескромное гоготание государевых стрельцов остановились на «военный совет». Советовались мы двое, я и она, Митька, не выдержав, набычился и, подобрав подол, попёрся что-то доказывать особо старательному молодому зубоскалу. Щас два раза быстренько по морде докажет и назад.

— Зря мы здесь ходим, любимый. Кто ж по главным улицам воров да разбойников ловит? Они, чай, тоже с головой и от стрелецких глаз ох как хоронятся...

— Возможно, ты и права, — согласился я, одёргивая неудобный сарафан. — Днём бы по кабакам прошвырнуться, а ночью спят все. Нет у нас ещё традиции по ночным клубам тусить от заката до третьих петухов. Но у меня всё равно чёткое ощущение, что за нами кто-то следит.

— Стрельцы твои еремеевские, с самим сотником во главе, — спокойно подтвердила бывшая бесовка. — Я их уже дважды видела.

— Я же приказывал...

— Значит, им жизнь твоя дороже твоих приказов. — Олёна нежно погладила меня по руке, и мой праведный гнев мигом улетучился. — Беспокоятся они о тебе, и правильно делают — горяч ты у нас и доверчив сверх меры... А ещё участковый!

— Всё, больше не будешь любить?

— Буду! И любить, и беречь, и лелеять, и по службе помогать, а ещё близняшек тебе рожу!

Мы плюнули на возможных свидетелей и обнялись. Уж не знаю, кто что мог подумать о двух девушках, целующихся ночью вблизи царского терема, но если даже очень нехорошее, пусть оно останется на его совести. Тем более что нас быстро прервал спешащий Митяй:

— Уходим, батюшка сыскной воевода! Я тама одному зуб выбил, двум штаны на голову надел, а четвёртый за подмогой побёг... Божился всё войско под ружьё поднять и меня же шамаханом переодетым обхамил из-за забора. А ить разве я на шамаханца похож? Нет! Вот и валим отсель, от греха подальше.

— Я знаю куда, — развернула нас Олёна. — Пойдём-ка на Лялину улицу. Там до глубокой ночи на кистень воровской нарваться можно.

— Самое то! — признали мы оба и припустили за ней как мальчишки. То есть внешне как девчонки, но всё равно девчонки так с задранными сарафанами не бегают. Я, признаться, и не ожидал, что данный род одежды так сковывает движения. Хотя облегающие джинсы по фигуре, с заниженной талией и лейблом от ведущих китайских производителей здесь тоже ещё не скоро приживутся. В любом случае на Митькину задницу точно размеров не достанешь, китайцы такой ширины просто не шьют...

А во всём остальном ночная прогулка по засыпающему городу была сущим развлечением! Фонари нигде не горят, и можно отчаянно сильно целовать любимую девушку, пока верный напарник смотрит в другую сторону. Огни стрелецких костров на пустынных площадях мы обходили, как шпионы-ниндзя, прижимались к стенам и заборам, по-японски щуря глаза и с трудом удерживаясь от естественного хихиканья над самими собой в столь нелепых нарядах и ролях.

А ещё я на ходу любовался удивительными осенними звёздами, яркими и прозрачными, как мои хрустальные воспоминания о далёкой утраченной Москве уже незнакомого двадцать первого века, откуда я ушёл не по своей воле, но куда я по своей воле никогда не вернусь.

Потому что моё место и мой мир отныне здесь, в Лукошкине, и ни одно Лихо, чего бы оно из себя ни строило, не будет командовать в моём городе. В нашем городе! Здесь не всё порою гладко... И царь бывает самодуром, и бояре — идиоты, и граждане несознательные, и преступники, но... Но! Это наш царь, наши бояре, наши граждане и даже местный уголовный элемент всё равно — наш! А Лихо я найду, обещаю...

— Пришли, — мрачно прокомментировал Митяй, когда дорогу нам преградила толпа явно не очень трезвых девиц.

Лялина улица — небольшая, в шесть-семь домов, на окраине столицы. Сюда ходят позабавиться, расслабиться и отдохнуть представители мелкого купечества и всякая разбитная молодёжь. Два кабака, дом свиданий, знаменитый вертеп хозяйки Марфы Дормидонтовны, то есть местечко небезопасное во всех смыслах.

— Чегой надоть? — с грубой крестьянской прямоотой спросила самая рослая, на голову выше моего напарника, грудастая девка.

Я с тоской оглянулся назад, вот когда Еремеев с ребятами пришёлся бы кстати...

— Чегой надоть, говорю, а?! — Её подруги упёрли руки в бока и пошли на нас, угрожающе качая бёдрами.

— Девчонки, — тонким голоском, как волк из сказки про козлят, начал я, — вы нас не так поняли... Мы не конкурентки! Мы тут просто...

— Бей стерв ненашенских!

Как меня не затоптали сразу — ума не приложу. Драться с женщинами вообще проблема. В первую очередь из-за психологического барьера (всё-таки слабый пол!), а во вторую — из чувства самосохранения (они же меры не знают!). Зато моя ненаглядная без малейших комплексов: съездила одной по физиономии, другую пнула под коленку, третью раскрутила за косу и собственноручно извлекла меня с поля брани. Оставшиеся пять или шесть девиц отчаянно гвоздили Митьку, матеря его самыми нехорошими словами. На какой-то миг он вырвался, демонстративно сорвал оплётанный платок и заорал:

— Совсем сдурели, овцы психованные! Нешто не видно, что я мужик?!

На минуту повисла нехорошая тишина. Потом та же рослая скотина тяжёлым грудным голосом простонала:

— Ох, силушек моих нет... Раньше так девки у нас клиентов отбивали, а теперича уже и мужики нарасхват пошли! В сарафаны рядятся, щёки румянят, брови сурьмят, того гляди, нас с Лялиной улицы вытеснят! Нешто мы такое бесстыдство терпеть будем, а?!!

— Бей его, противного-о!!!

Мы переглянулись и кинулись спасать парня. Какой ни есть, а он мой напарник. Мне удалось плечом посредством грубой силы растолкать двух-трёх, пробившись к Митьке, но в этот момент какая-то особенно неуравновешенная или пьяная дура выхватила нож и поймала Олёну за руку. Я не успел за нее даже испугаться.

Удар был молниеносным, но по непонятной траектории движения ушёл почему-то вбок, наискось, и остриё ножа резко вонзилось... в колено самой же нападающей. Олёна не делала ничего! Абсолютно ничего, в этом я готов поклясться! Как и в том, что за её спиной на миг возникло необычайно чёрное густое пятно с сияющим глазом посередине...

Есть! Значит, сегодня мы впервые увидели Лихо лицом к лицу. И оно действительно почему-то защищает мою невесту.

— А ну разойдись! — Со всех сторон раздались громкие окрики наших стрельцов. Агрессивные девахи бросились врассыпную, но уйти удалось не всем.

Еремеев умеет работать, и его подчинённые нахватались опыта по наведению порядка на улицах. Той, что была с ножом, оказали первую помощь. Стонущего Митю на руках, как древнегреческого героя, понесли в отделение. Хотя он наверняка больше притворялся, но пусть пока покатается. Самое главное, что мы сумели провести этот следственный

эксперимент и добились именно тех результатов, которых ожидали. Значит, всё следствие движется в правильном направлении...

— Ты его видела, любимая?

— Нет, родной, но ощутила всей кожей, аж до мурашек...

— А я видел. И знаешь что, Яга права — у него был абсолютно мужской взгляд!

Олёна только покачала головой, стараясь прижаться ко мне поближе. Я обнял её, и мы так и шли до самых ворот отделения, ни от кого не скрываясь, ни от кого не прячась, потому что, в конце концов, сколько можно...

* * *

И спал я в эту ночь — изумительно! И разбудил меня утром наш преданный петух, и если б я только мог до него дотянуться, то расцеловал бы прямо поперёк клюва, не боясь общественного мнения! Да, я порою злился на него, но за что? За то, что он приветствовал звонкоголосой песней начало нового дня?! Так ведь именно для этого его и создала природа! А кто я такой, чтобы указывать ей, чего надо было создавать, а чего не надо?

Отныне, посмотрев Лиху в глаз, я готов принимать и благословлять весь этот мир, созданный Господом Богом во всём своём изумительном многообразии. И петуха тоже. Даже более, петуха в первую очередь! Я не помню, что мне снилось, не уверен, гладко ли всё прошло, не знаю, как себя чувствует Митя, крупно пострадавший после вчерашней разборки зон влияния на Лялиной улице, — неважно...

И это неважно, и то! Дайте мне десять минут на умыться, привести себя в порядок, отдышаться и настроиться на новые подвиги. Впрочем, на это и двух минут хватит, с настройками у нас быстро. Я умудрился встать так рано, как бодрый французский кок, что бабка ещё не вышла из своей горницы, а Олёна с царицей вообще ещё сопели в четыре дырки. И только (наверное, потому как вечно бодрствует) Назим тут же подал мне азербайджанский чай с чабрецом в хрустальном стаканчике и два вида пахлавы — узбекской и арабской. Узбекская мне понравилась больше, но всё на любителя.

Из сеней раздавался сдвоенный храп. Если я правильно понимаю, там

спят Митя и дьяк. Обоих решено не будить до обеда. Один честно отдежурил у ворот полночи, имеет право — в связи с производственными ранениями на оперативной работе. Это даже хорошо, что ещё все спят. Мне требовалось время, чтобы утрясти для себя кое-какие детали. Я отодвинул блюдце, раскрыл блокнот на чистой странице и начал вычерчивать схемы. Первая — по обороне города от внешней агрессии, вторая — план мероприятий по борьбе с врагом внутри, на территории самого Лукошкина. Картинки получились смешные...

Лихо — большой неровный круг с глазиком посредине, вокруг квадратики с именами (я, Олёна, Яга, Митя, Фома, царь, дьяк), отдельно прямоугольничек (и прочие). От Лиха прямая линия к Олёне — её оно не трогает. От Олёны — такие же прямые линии ко всем нам, она на нашей стороне. Теперь от Лиха зигзагообразные, как молнии, закорючки в меня, Ягу, Митю и так далее, по полному списку. То есть нас оно бьёт и не жалуется.

Отсюда ряд вопросов на полях: 1) Какова цель Лиха — уничтожить всех или спасти Олёну? 2) Сможет ли Олёна защитить всех нас, пользуясь своим явным фавором у Лиха? 3) Всё равно должен быть способ остановить Лихо, но почему мы его до сих пор не нашли? По моему глубокому убеждению, ключ крылся в разгадке личности одноглазого преступника. Уже забодался повторять Яге, что мы слишком мало о нём знаем!

А всё равно узнать может только она, я чародейными способностями не обладаю, ясновидению не обучен, разве только в детстве сказки народов мира читал, но там... Нет там ничего такого. В смысле ничего подходящего нет. Разве что...

По-любому нет! Глупости. Не может быть. Я постарался выкинуть из головы общеизвестный образ главного героя скандинавских мифов и, разговаривая сам с собой, перешёл к прорисовке схемы обороны города.

— Значит, так, на воротах мы вывесим портреты знаменитых уголовников кисти нашего авангардного богомаза Саввы Новичкова. Если у шамаханов волосы не станут дыбом, а их мохнатые пони не начнут шарахаться — я съем самый большой портрет, прилюдно, без соли. На стены степняки не полезут; сколько мне известно, Лукошкино выдержало уже не одну подобную осаду — приставных лестниц, таранов и штурмовых катапульт у шамаханов нет. Стрелецкие пищали могут держать на расстоянии вражеских лучников. Горожане, дружина и прогрессивные бояре будут драться при любом, даже самом невыгодном, раскладе ситуации. Остаётся один вопрос... Нет, два, но второй вытекает из первого.

Смогут ли шамаханы так долго держать осаду, чтобы Лихо успело фактически дестабилизировать столицу?

— Да кто ж их знает, сокол, — тихо ответила наша домохозяйка, бесшумно возникая за моей спиной. — Я ить, как и все старики, сплю мало. Слышала, как ты тут колобродил, чай пил да что-то важное под нос себе бурбулил. Покажи давай, чего удумал?

— Ну вот примерно так, может быть... — Я разложил перед Ягой обе схемки, но та укоризненно покачала головой:

— Ты кому врёшь, Никитушка? Али я дура совсем, али мне как сотруднику доверия нет, али ещё что... Ты уж сразу честно скажи. А бумажки энти с каракулями твоими смешными знаешь куда годятся? Вруливает он мне тут, поглядите на него...

— Бабуль, я могу высказать одну гипотезу? — честно решился я. — Понимаю, что глупую. Более того, она настолько бредова и притянута за уши, что мне даже стыдно всерьёз эту тему поднимать. Но... вот влезла одна зараза в голову, и не вытащишь её оттуда, как зубами ржавый гвоздь из... не знаю чего, но туда его крепко вбили!

— Смеяться не буду, — твёрдо пообещала она.

Я набрался духу и быстро-быстро затараторил:

— В мифологии древних скандинавов есть некий бог Один. Верховное божество, мужского пола, крупная шишка и во всех делах главный авторитет. Он у них типа самый умный, потому что в своё время выпил (или сожрал?) весь мёд познаний у какого-то дерева. Ну не помню я, с чего дерево мёд давало, может, там в дупле улей был, может, вообще какая-то символика без конкретики. Короче, он за этот мёд оставил в уплату один глаз! И стал мудрым. Ну уж самым крутым среди местной братвы богов — это точно! Все покушения на него кончались неудачей... Он же успешно дожил до ихнего рагнарёка, в смысле апокалипсиса, или ядерной войны локального уровня, и в последней битве добра и зла с почетом якобы сгинул. И человечество стало строить из пепла новый мир.

— А нам-то чё? — подозрительно беспечно спросила бабка.

— Наменяю; древний, могучий, одноглазый, одинокий, мужского рода... Никаких параллелей не возникает?

Вместо ответа моя домохозяйка покрутила пальцем у виска и залилась счастливым старушечьим хохотом! Я почувствовал себя облитым помоями при посторонних людях...

Нет, это, наверное, слишком крепко сказано, но... состояние, знаете ли... Вот если над вами хоть когда-нибудь искренне и заливисто гоготала трёхсотлетняя старушка, которой вы только что раскрыли душу, — вы меня

поймете! Нет — ваше счастье.

Я заткнулся, мрачно отвернувшись к окну. Яга в изнеможении плюхнулась на край скамьи, но, видимо, слишком близко к краю. Скамья опасно накренилась... Я невольно заинтересовался. В тот же миг бабка хряпнулась задницей об пол, на ходу пытаюсь удержаться за край стола, а в результате свезла на себя всю скатерть с посудой, да ещё была пришиблена причудливо извернувшейся скамейкой сверху! В горнице воцарилась неестественная тишина...

Я замер в своём углу. Назим (верный, но думающий!) тоже не рискнул вылезти с утешениями.

Яга абсолютно молча, без стонов, без мата, без контрзаклинаний выбралась на свет божий, мокрая от остывшего чая и липкая от варенья и мёда. Потом чинно перекрестилась на иконы в красном углу, поклонилась им низко-низко и скромно повернулась ко мне: — Древний бог, говоришь, Никитушка? Более с тобой по-пустому спорить не буду. Иди-ка делами служебными займись, не ровён час, уже и к обеду шамахань пожелают. А у тебя ещё и свадьба завтра, я вечер точненько договорилась. Отец Кондрат на что уж ох как венчания переносить не любит, а пришлось! Ну и я, старая, покуда информацию всякую тебе на иноземца твоего поразыскиваю. По своим каналам, не по официальным... После чего, даже не взглянув на меня, твёрдым строевым шагом отправилась к себе в горницу. Через пару минут с тазиком тёплой воды и полотенцем туда же нырнул заботливый азербайджанский домовый. По лестнице встревоженно простучали женские каблучки...

— Что случилось, милый?

— Всё в порядке, — нежно улыбнулся я. — Неровно сел, навернулся на скамье, что-то пролил, чего-то разбил, всё по мелочи.

— Где есть неприятель?! — грозно прорычала Лидия Адольфина, появляясь следом, в ночной рубашке и с дубовой табуреткой наперевес. Грозная у нас царица! Это хорошо, это, кстати, просто замечательно, потому что именно это нам сегодня и надо.

— Ваше величество, к обеду все ожидают подхода шамаханской орды. Ваш супруг сейчас не в лучшей форме, боюсь, что ополчение придётся возглавить вам. Возвращайтесь в родные палаты и...

— Найд.

— Не понял... — Мне показалось, что я ослышался, и даже Олёна удивлённо подняла брови.

— Найд, я не могу туда пойти... — каким-то совершенно упавшим голосом прошептала царица. — Горошек больше не есть меня любить. О

майн гот, как тут всё больно...

Она значимо стукнула себя кулаком в обширную австрийскую грудь и тихо опустилась на ступеньки лестницы. Я беспомощно посмотрел на бывшую бесовку, но она ответила мне неожиданно строгим и неуступчивым взглядом, типа: «Довёл бедную женщину? Все вы, мужики, козлы...»

Ну, с очевидным не поспоришь, козлы среди нас есть, и немало. Хотя стерв среди женского пола тоже хватает, что ж нам, из-за этого прямо сейчас разборки устраивать?! Дел неупрокорот! Да и я вам тут не штатный психолог, а обычный лейтенант милиции. У меня, в конце концов, совершенно другие функции и задачи...

— Митька-а!

В сенях раздался грохот, и вскоченная голова моего напарника высунулась из дверей ещё до того, как я перевёл дух.

— Младший сотрудник Лобов, приказываю — быстро умыться, привести одежду в порядок и, не тратя времени на завтрак, провести с матушкой государыней нравоучительную беседу с целью психологической разгрузки. Ей сейчас тяжело и грустно, поэтому велю проявить максимум такта и товарищеского участия.

— Слушаюсь, Никита Иванович, — всё ещё сонно кивнул он. — А повесть жалостливую деревенскую прочесть можно?

— Можно, — подумав, согласился я. — Но только не в лицах и не на три часа без антракта в туалет. Коротенько перескажешь, по существу. Ей всё ж таки ближе к обеду войскам вдохновенные речи зачитывать. Так что настрой соответствующим образом. Да, выйдешь во двор, свистни ко мне Еремеева!

Митька тряхнул чубом в знак покорности моему начальственному диктату и исчез. Царица, вздохнув, пошла к себе наверх, явно огорчённая, что прямо сейчас табуретку сломать не об кого. А вот свою невесту я попросил остаться. Да какое там... Я только рот открыл, а она уже спорхнула вниз и присела рядышком, нежась виском о моё плечо. Я мягко обнял её, тихо целуя в затылок...

— У меня сегодня много работы. Вернусь поздно. Лихо, война, шамахань, наша свадьба, всё надо успеть...

— Свадьбу перенесём, потерпим уж как-нибудь, — с пониманием откликнулась Олёна.

— Больше никаких переносов, Яга договорилась, отец Кондрат не поймёт. Он очень строг в разделении дел мирских и церковных. Раз поставлено венчание, значит, будет! А там хоть землетрясение, хоть Третья

мировая, его уже не колышет, у него свой взгляд, свои приоритеты. Богу — Богово, и в первую очередь!

— А мне чем скорее за тебя выйти, тем радостнее, — не скрывая горящих глаз, прошептала моя ненаглядная. — Забрал ты сердце моё, дяденька участковый... Вот сейчас бы в храм позвал — пошла бы не думая! Без платья подвенечного, без подруг, без девичника, без смотрин, без свахи, без дружек, без изюма и роз, без соболей, без благословения материнского и отчего, без поезда свадебного, без гостей с подарками, без черниц с псалмами, без...

— Стоп! — Я с трудом удержался, чтоб не прикрыть её дивный ротик ладонью. — Это что же, ещё неполный список того весёлого мероприятия, в котором нам предстоит участвовать завтра в первой половине дня?

— Уже сегодня, — всё ещё улыбаясь, подтвердила моя Олёна. — Свадьбу ещё до венчания праздновать начинают, и чтоб жизнь у молодых по-людски сложилась, немало времени на всё потратить надо. Знаешь, сколько народных примет на свадьбу написано? У-у, до ночи читай — не прочтёшь...

— А вот без всего этого никак? Я только-только отошёл от поздравлений и обещаний, у меня пол-Лукошкина в гости набилось, и каждый со своим «прими, не побрезгуй!». Милая, а нельзя просто тихо обвенчаться у отца Кондрата и сбежать в свадебное путешествие куда-нибудь на Золотые Пески в Болгарию? Там сейчас тепло! А Митя с Ягой пусть тут всех хоть неделю упивают...

— С тобой — куда захочешь, только пальцем помани!

— Счастье ты моё ясноглазое. — В воодушевлении я расцеловал любимую в обе щеки, а в дверь деликатно постучали. Мы сдержанно отодвинулись друг от друга.

* * *

— День добрый, сыскной воевода, — сняв шапку, зашёл Фома Еремеев. — Звал?

— Здорово, Фома, заходи. Чай будешь?

Стрелецкий сотник бросил косой взгляд на разгром у печки (блин, ну никто же не подумал убрать!) и отрицательно покачал головой.

— Ладно, как хочешь. Есть такая тема, ты ведь о шамаханах

наслышан? Кашкин говорил, что ждут их к обеду.

— За стол сажать будут, что ли?

— Фома, ты ещё не язви! Есть новости об их приближении?

— Народец окрестный с утра за стены городские со всем хозяйством едет. Животину в лесах прячут, дома бросили, сожгут — так не жалко, до зимы и новые поставим. А вот тока странность одна есть...

— Именно?

— Медленно они идут, — задумчиво потербил бороду Еремеев. — Обычно ведь степняки на скорости берут, на лошадей своих надеются. Налетят внезапно, людей порубят, добро похватают — и назад давай бог ноги... А эти идут шагом, коней не торопят, по пути ничего не грабят, не палят, не трогают. Народ без спешки спрятаться успевает, телегами нажитое увезти. Какой же это набег?

— Действительно, странно, — с сомнением признал я. — Сколько помню из школьного курса истории, подобное поведение нехарактерно для буйной и недисциплинированной орды. Ну, положим, идут не спеша — это от уверенности. Знают, что сейчас в городе Лихо и нам будет не до них. Да что деревеньки и хутора не разоряют, тоже можно как-то объяснить — не хотят распылять силы и берегут своих. Соответственно, по логике вещей можно предположить лишь одно: они терпят и держат себя в узде, чтобы потом по полной программе оторваться в Лукошкине!

— Видать, решили за стенами нашими кровавую жатву снять, — в тон моим мыслям продолжил сотник. — В недоброе время ты с женитьбой затеялся, сыскной воевода... Много народу на свадьбе той пьяными полягут, да не поднять их с хмеля того смертного... Ни мужиков, ни баб, ни стрельцов, ни люд служилый, ни бояр, ни голытьбу городскую... Не фатую брачную невеста твоя лик скроет, а саваном погребальным... Не с любезной женой ты поцелуем сочетаешься, а со смертушкой белолобою...

— А ну цыц! — Неожиданный окрик Бабы-яги заставил всех нас вздрогнуть и сбросить холодящее оцепенение страшных пророчеств Еремеева. — Тоже мне вещун-краснобай нашёлси! Постыдился бы людей пугать, а ещё при отделении, с шевроном милицейским ходишь...

— И впрямь, — смущённо икнув, опомнился он. — Чегой-то повело меня... Ровно и не своим языком с вами разговаривал, простите, Христа ради!

— Бог простит, ежели о службе прямой не забудешь. Ты его зачем звал, Никитушка?

— Хотел попросить проконтролировать развешивание на воротах в город новых картин Саввы Новичкова. Они могут помочь в плане

визуального давления на психику шамаханской конницы.

— Слышал? Вот и иди, стрелец-молодец, исполняй приказание! А не то... сам знаешь... вдругорядь не проквашаешься!

Еремеев мигом поклонился, нахлобучил шапку и, открыв дверь лбом, бросился из горницы. В сенях раздался грохот и сдержанный мат.

Минутой позже чисто умытый, в новой рубаше, расчёсанный до прилизанности Митя важно поднялся к царице наверх проводить «психологический тренинг». Следы вчерашних побоев заживали на нём как на собаке...

— Тоже дело срочное, — объяснил я Яге. — Надеюсь, нам удастся до начала боевых действий вернуть Гороху жену. В конце концов, они оба погорячились, и короткая разлука наверняка пойдёт на пользу обоим. Обновит чувства, так сказать...

— Добро, — согласилась моя домохозяйка. — Ты, девка, помоги-ка Назиму порядок в доме навести, а мы покуда с участковым прогуляемся под ручку, тут недалеко...

Пока бабка собиралась, кутаясь потеплее (всё-таки осень на дворе, хоть и ранняя), я вышел во двор. Еремеевские стрельцы у ворот привычно собирали в специальную корзинку прошения, жалобы и заявления. Большинство этих бумажек мы впоследствии успешно использовали на растопку, но иногда попадалось что-то и по существу. В любом случае читал я их все! Это и работа, и развлечение, и прицел на дальнюю перспективу — когда-нибудь я соберу большую подборку особо выдающихся «перлов» местных литературных талантов, а потом издам где-нибудь в церковной типографии. Думаю, раскупаться будет, как пирожки с вязигой на Великий пост.

За этими коммерческими планами меня и застал главный поставщик заявлений — дьяк Филимон Груздев. Спрятаться я не успел, и пришлось выслушивать...

— А вот и доброго тебе здоровьечка, батюшка сыскной воевода! Хранитель ты наш, спаситель да от всякого зла защита и опора! Дай хоть ноги твои натруженные обойму, облобызаю обувь начищенную, потом уж и к устам сахарным...

— Что надо, гражданин? — Я спрятался за спины стрельцов, их наш перевоспитанный скандалист ещё как-то где-то побаивался.

— Прощение имею. К государю нашему любезному на службу вернуться хочу! Ведь ждёт он меня, ненаглядный, точно ждёт... Как вспомню о нём, так сердечко ретивое и тоскует и томится-а! По очам его соколиным, по речам его царственным, по ухваточкам молодецким, по

щёчкам румяным, по устам сахарн...

— Так в чём проблема-то?! Возвращайтесь, ради бога, кто вас тут держит!

— Дак ведь бояре нежные не пускают! — возопил праведно дьяк, по-прежнему не имея возможности выговорить ни одного грубого слова. — Порицанию нечеловеколюбивому через кола оседлание предать обещались! Ужо посодействуй, отец и благодетель! Ужо похлопочи, а я тя за то хоть в груди белые, хоть в уста сахарные, хоть в...

Мне удалось выскользнуть за ворота, стрельцы придержали ретивость Филимона Митрофановича, да, впрочем, он и сам не рискнул бы высунуть нос на улицу днём. Мстительные бояре всерьёз вознамерились поквитаться с предателем, а в закон об охране жизни свидетелей гражданин Груздев у нас пока не вписывался. Да и чем мы вообще, в сущности, могли быть ему обязаны?! Тем, что как прыщ в ермолке выскакивает на каждом нашем расследовании, так что даже в деревне на каникулах от него продыху не было...

— Никитушка, ты чегой-то грозный такой? Али съел чё неудобоваримое... — Из калиточки неспешно вышла Яга.

Я неопределённо дёрнул уголком рта, мол, так, мелочи, не стоит обращать внимания. Не жаловаться же ей на дьяка, что с него, переколдованного, теперь взять...

* * *

Мы пошли по окраинным улочкам, в обход базара и особо людных мест. Должен признать, к чести лукошкинцев, что никакой паники или хотя бы явной тревоги по поводу наступающих шамаханов нигде заметно не было. Народ занимался повседневными делами, даже жалоб на «невезение» стало гораздо меньше. То ли попривыкли, то ли просто решили не обращать внимания, исходя из чисто русского фатализма — если долго не везёт в мелочах, то потом точно повезёт по-крупному!

Яга в это наверняка не верила, но у неё и своих колдовских заморочек на все случаи жизни хватает. Я первое время долго привыкал к тому, что нельзя плевать через правое плечо, надевать первым левый сапог, поднимать найденную монетку, качать ногой, свистеть в доме, стряхивать воду после умывания, зевать с кем-нибудь одновременно, класть ключи на

стол, вертеть в руках фуражку, брать деньги вечером и самое странное — сидеть на дверном пороге...

Всё бабка отвадила, от наиболее зlostных привычек даже подзатыльниками. Последние, конечно, не при свидетелях, а так вполне обходились уговорами и объяснениями. Как, надеюсь, обойдёмся и сейчас...

— Кхм... — прокашлявшись, начал я. — Мне кажется или мы специально выбрали такой маршрут, где с нами не может случиться ничего чрезмерно неприятного?

— Не искушай судьбу, участковый, — рассеянно пробормотала наша эксперт-криминалистка. — Кой в чём ты и прав: Лихо сейчас в толпе людской себя проявлять будет, да на складах оружейных, да в погребах с запасами зерновыми, а за нами двумя, глядишь, и не уследит...

— Вы хотели сообщить мне нечто важное?

— Он энто, Никитушка.

— Один?! Я так и зн...

— Вот тока орать-то зачем на всю ивановскую? — укоризненно прикрикнула на меня Баба-яга. — Сверилась я с книгами старыми, погадала на картах египетских, по всем раскладам так и выходит, что прав был ты. И много чего разного правда твоя по капельке к портрету преступному Лиха добавляет.

— То есть теперь мы можем его задержать?

— Про то не ведаю.

— Почему?

— А по кочану! Нет у него слабых мест — никак не ухватишь, не укусишь, — развела руками бабка. — Покуда он богом был, хоть и могучим, да ранимым, шансы были. А теперича от него образ один невнятный, одноглазый... как ему руки за спину завернёшь да в острог посадишь?

— Но навредить он нам по-прежнему может? — Я уже начинал заводиться. По моему (!) городу нагло разгуливает недобитый анахронизм, ходячий отголосок дохристианских суеверий, и целое отделение милиции ничего не может с этим поделать! Абсурд какой-то...

— А на девку твою он точно запал, — с улыбкой продолжала добивать моя всезнающая бабуля. — Я ить такие дела нюхом чую. Олёнка-то тебя любит, и поводу для ухажёрства она охальнику энтому ничем не давала. Уж тут ты мне, старой, на слово поверь...

— Так с чего тогда?

— Ну, видать, она ему кого напомнила, может, супружницу, может,

дочку, может...

— Валькирию, — предположил я. — Были у них там такие красивые всадницы на крылатых лошадях, Разъезжали по полю битвы, собирали наиболее храбрых мертвецов и увозили в царство Одина, где души умерших проводили время в пирах и застольных мордобоях.

— Участкового на них не было!

— Это точно, — мрачно подтвердил я.

Яга некоторое время молчала, а потом тихонько спросила:

— Слышь, Никитушка, может, я путаю чего, а вот валькирии твои — это не те срамницы, что верхом голыми скачут?

— Нет, то амазонки... наверное... Не уверен точно, но там ведь северные страны, без одежды, в бикини, особо не наездишься.

— Ну а нам на Руси что валькирия, что бесовка — всё едино! И пришло мне в головушку вот что... Кабы не Олёнушка твоя была единственным слабым местом у Лиха нашего... Ить, похоже, что только через неё мы до него и доберёмся...

— Ни-за-что!!! — едва ли не заорал я, но бабка быстро поставила меня на место:

— А ну молчать, дитё неразумное! Нешто я тебе али ей что непристойное предлагаю?! Наоборот! Жениться вам надо образом срочным! А бог твой одноглазый наверняка мешаться полезет, да тока куда ж ему супротив креста православного, а? Вот тут-то отцу Кондрату и карты в руки! Недаром его сам Кощей боится.

— Ну... я... конечно, «за»... Так ведь у нас и так венчание запланировано, куда уж ещё срочнее?! Хотя если кроме факта нашей свадьбы это ещё и остановит Лихо... — на всякий пожарный уточнил я, несмотря на то что подробный разговор на эту тему у нас уже был.

Ясно. Можно. Даже нужно. Не представляю себе, что там Яга уж удумала по поводу нейтрализации Лиха в процессе венчания, но в целом её концепция выглядела примерно так: «Женись, Никитушка, — спаси Лукошкино!» А при такой раскадровке, как вы понимаете, выбора не было ни у меня, ни у Олёны. Нас вообще никто особенно не спрашивал, то есть просто повезло, что данный акт самопожертвования полностью совпал с нашими личными интересами. Венчаемся срочно!

Обратную дорогу к отделению шли уже куда веселее. Глава нашего экспертного отдела мысленно перебирала все возможности поимки и заключения древнего бога Одина. Я же лихорадочно размышлял, как можно избавиться от древнерусской свадьбы со всеми её обрядами. Если честно, то на самом деле, оказывается, я не представлял себе и четверти той

бракосочетательной медвежути, что нас ждёт. И это ещё чисто городской вариант, в деревне всё ещё усугубилось бы непременно приглашением колдуна и целым рядом маловразумительных церемониальных действий по этому поводу. Вплоть до того, какой ногой топнет конь, запряжённый в первую телегу брачного поезда молодых!

Но об этом позже, сейчас боевая труба в лице суесящегося сотника Еремеева звала меня пред ясные очи тихо шепчущего государя. Горох дважды присылал за мной и сейчас всенепременно жаждал видеть мою светлость на крепостных стенах...

— Шамахань раньше времени пожаловали? — поинтересовался я, пока бабка входила в ворота.

Фома кивнул, поправил саблю на перевязи и вызвался меня сопровождать.

— А Митька что?

— А что Митька? Вроде из дому не выходил, — пожал плечами сотник. — Ребята сказали, что ты сам ему какое-то задание указал, психологического разворота. Ещё не закончил, поди...

— Дьяк тоже при отделении?

— А вот его ты, Никита Иванович, зря оставил! Хоть зараза эта и духовного звания, однако милицию нашу на дух не переносит! Чую, хлебнём мы с ним ещё.

— Кто бы спорил, Фома? Но так он хоть на глазах...

О господи, если бы я только знал, какую страшную ошибку совершаю... Быть может, именно в тот момент, когда мы с Еремеевым дружно топали к надвратным стенам, думный дьяк Филимон Груздев, пользуясь полным отсутствием хозяев в доме, тихонько открывал дверь комнатки, где наш младший сотрудник производил психологическую разгрузку царицы Лидии Адольфины...

Я бы, наверное, бросил к чёртовой матери всё и попытался его остановить! Но, увы, всё было, как было, и сейчас поздно вносить липовые коррективы в реальное полотно истории. Что было, то было, не замажешь...

А к царю мы добрались быстро. Горох, в парадных доспехах, уродливом японском шлеме на голове и с двумя мечами за поясом, находился в окружении десятка прогрессивных бояр в одной из сторожевых башен. Царь вглядывался в даль, не отрываясь от золочёной подозрительной трубы (подарок немецкого посла Кнута Гамсуновича). Меня он приветствовал коротким кивком...

— Говорить может? — сквозь зубы полюбопытствовал я у

подоспевшего Кашкина.

Старый боярин лишь сострадательно смахнул слезинку из совершенно сухих глаз:

— Шепчет только... Что шепчет, порою и не разберёшь, а попросишь погромче повторить, так, глядишь, и на плаху залетишь за оскорбительство!

Я протолкался поближе к государю. Горох молча передал мне трубу и ткнул пальцем в горизонт.

Ну-с... что у нас там эдакого особенного? Ага!

Из-за голубеющей полосы перелеска не торопясь выползала пёстрая масса ордынских конников. Довольно много, на мой неопытный взгляд, тысяч пять-шесть. Вроде бы только верховые. Ни пехоты, ни осадных башен, ни камнемётательных орудий не видно. А вот слева заметен обоз, или, правильнее, длинная вереница пустых телег под ожидаемую добычу. Я бы предположил, что неприятель не намерен стоять под нашими стенами слишком уж долго. Хотя, по совести, опыт ведения военных действий у меня нулевой. Милиция не для этого создана...

— Что думаешь, участковый? — прямо мне в ухо еле слышно просипел Горох.

Я с огромным трудом поборол искушение переспросить «погромче».

— Мне кажется, что нас намерены осадить, но не штурмовать. Учитывая рост мелких неприятностей и общий уровень невезения в городе, оно им недолго ждать, пока мы сами откроем ворота. Но из меня в плане обороны некомпетентный советчик, может, лучше своих воевод спросите?

— Спрошу, — всё так же на ухо, но явно более грозным тоном пообещал осипший царь. — Бона двух спросил уже, до сих пор задницы поротые чешут! Порох сырой, пушки нечищенные, кони некованные, доспехи ржавчиной едены... А что там твои стрельцы-молодцы с нашими воротами мудрят?

— Развешивают профилактические плакаты, в доступной форме объясняющие даже самому неграмотному шамахану, почему ему не стоит заходить в Лукошкино, — подумав, оптимально объяснил я.

— Ну-ка, а дай посмотреть!

Я свесился меж зубцов вниз и долго орал, пока не докричался до Еремеева. Он понял, покивал и отправил к нам на стену кого-то из ребят. Развернув полученный свиток, я в первую очередь передал его царю. Горох глянул, вздрогнул, пригладил ставшие дыбом кудри и передал ближним боярам. Послышались тяжёлые вздохи, плевки, матюкания и молитвы «спаси и сохрани такую-то рожу на улице встретить!». По-моему, это был

портрет Севастьяна-кровопийцы, обидчика вдов и сирот, а также непримиримого народного борца с боярским благосостоянием...

— Дык что ж сразу-то не сказал? Ясное дело, с энтими мордами ворота целей будут, к ним и на полверсты никто не сунется. Тут мы в безопасности. А кто рисовал-то?

— Савва Новичков.

— Хороший мастер, — уважительно прошептал царь. — Хотел я его в своё время на кол посадить, да, видать, Провидение уберегло. А он вот где нам пригодился... Шамаханов отобьём — награжу шубой с плеча! Мне всё одно новую покупать надо.

Я практически приготовился попрощаться со всеми (собственно, чем мне было там на стене любоваться?), когда на сцене появилось новое лицо — вежливый дьяк Филимон Груздев. Редкое невезение...

* * *

— Слово и дело государево! — вопил дьяк, расталкивая бояр и стрельцов. — Расступись, нежные мои, ибо важную весть несу отцу нашему! Расступись, а не то не посмотрю да и по устам сахарным дланью натруженной не помилую-у!

— Чего хочет, дурилка? — шёпотом крикнул Горох.

— Ась?! — простодушно оттопырил ухо Филимон Митрофанович, не замечая, как все вокруг быстро пригнулись.

— На дыбу... — страшным голосом просипел государь, и я поспешил вмешаться:

— Гражданин Груздев, что вы себе тут позволяете? А ну сбавьте тон и обратитесь к его величеству по всей форме! Ну а ещё лучше передайте письменное заявление...

— Нетушки! Ему самому тока и скажу, что ведаю, чему свидетелем был. Ни боярству верному, ни тебе, участковому любимому, а тока царю нашему всемилостивейшему! Уж не вели меня пыточным неприятностям предавать, вели слово молвить!

— Ну молви, молви, хрен с тобой! — окончательно завёлся Горох, и дьяк подписал себе смертный приговор, ещё раз оттопырив уши:

— Чегось?! Ты погромче бы, а, кормилец?

Лицо надёжи-государя стало наливаться краской, он схватился за

сердце, потом затопал ногами и едва ли не пустил струйки пара из ушей. Преданные бояре, рискуя головой, схватили несчастного дьяка в охапку и, может быть, даже успели унести, но этот мракобес худосочный начал извиваться и орать:

— Государыня-а! Во горнице-э! С Митенькой наедине-э! Руки чистые, щёчки маковые, уста сахарные-э...

Я звонко хлопнул себя ладонью по лбу, прикусив язык, чтоб не выматериться. Горох медленно перевёл на меня пылающий взгляд, и я увидел в его глазах горящее синим пламенем родное отделение милиции...

— Убью, — одними губами пообещал царь и рысью кинулся по внутренней лестнице вниз. Все присутствующие со стонами и молитвами понеслись следом. Я один особо не спешил...

Во-первых, некуда. Пока они толпой устроят массовый забег, Лихо наверняка не упустит случая подставить кому-нибудь подножку. Во-вторых, незачем. Что бы там ни нафантазировал себе озабоченный чужим моральным обликом дьяк, наверняка на деле всё окажется абсолютно иначе. И, в-третьих, сколько я знаю Ягу — наша доблестная домохозяйка встретит неожиданных гостей закрытыми воротами, ошетилившихся стрелецкими пищалями, в полной готовности с честью умереть под неспускаемым флагом лукошкинской опергруппы!

Ну в целом всё и произошло согласно моим логическим умозаключениям... Бегущая по городу толпа ведущих бояр с царём во главе возбудила здоровый интерес народа. Все, кто не были заняты, были заняты, но не очень, или очень заняты, но всё равно интересно, присоединились к неожиданному общегородскому спортивному мероприятию, выясняя друг у друга на бегу:

— А куда летим-то, православные? Может, где бесплатно дают чего?! Так я бы мешок захватил, на всю родню...

— Люди-и! Сама знаю, сама видела — царя убили-и! Головой в колодезь — и убили! Какого царя? Нашего! Какого этого? Ах этого нашего... что наперёд всех бежит... А я-то сплю себе и вижу — царя убили-и! Но не нашего...

— Наддай ходу, государь! Гляди, бояре ужо и на пятки наступают! Утри им нос, толстопузым, выше, дальше и быстрее! Ну, пошёл, пошёл, пошёл! Давай, родненький, щас второе дыхание откроется, не подведи меня-а...

Бег продолжался с весельем, гиканьем и чисто русским размахом! Бояре, в кафтанах тяжёлых, шапках, с посохами в руках, разумеется, первыми не выдержали темпа. Кто-то падал в обморок, кого-то отливали

водой, а кого-то уже привычно волочили на своих плечах верные холопы.

Горох, в тяжёлых доспехах, с короной в одной руке и двумя дурацкими мечами за поясом, тоже безбожно сдал. Городские ребяташки со счастливым визгом, мелькая голыми пятками, сделали их всех! Если бы у ворот нашего отделения красовалась финишная ленточка — первой бы ее, бесспорно, порвала оголтелая пацанва.

Когда народ осознал, что бежали-то мы все, собственно, к воротам отделения, здоровый энтузиазм заметно стих. Теперь уже люди гадали, а с чего они всей толпой сюда припёрлись. Постепенно одиночные выкрики и споры стихли, резюмировав общее, удовлетворяющее всех предположение:

— Дык небось бояре государя-батюшку нашего чем-то обидели. Вот он и побёг от них защиты в милиции искать. А Никита Иваныч — человек правильный! Щас от царя-кормильца заявление примет да и заступится по справедливости... Верно говорю, православные?

Ворота, как я и предполагал, были наглухо заперты. Из-за тесового забора временами мелькали лишь высокие стрелецкие шапки, дула пищалей да посверкивали начищенные бердыши. Толпа задумчиво остановилась, что делать дальше, никто не знал.

Горох, отдышавшись, бесновался у ворот, но поскольку он и без того едва шептал, то никто из наших не знал, чего ему, собственно, надо. Пришлось протискиваться вперёд, спасая положение и царский престиж...

— Открывайте, ребята, это я!

— В-вы, что-о-оли, Ни-и-икита Ива-а-анович? — раздалось из-за ворот. Ясно. Кого ещё они могли додуматься поставить на охрану, с ним же рехнёшься, пока договоришься. — А че-эго случи-илось-то?

— Стрелец Заикин! — как можно строже возвысился я. — А ну прекратить глупые расспросы! Приказываю немедленно впустить на территорию отделения меня и вашего законно избранного государя!

— Е-эсть! — гулко донеслось из-за ворот, но с осторожным уточнением: — А ежели б-бояре попрут, стре-элять ли?

— Нет, — натянуто улыбнувшись подоспевшим членам боярской думы, отрубил я. — Они просто постоят, подождут, наконец-то тесно пообщаются с электоратом. А царь хочет побеседовать со своей супругой наедине...

Горох встрепенулся было, но, поразмыслив, кивнул, одобряю его позицию. Правильно, чего раньше времени сор из избы выносить...

Ворота открылись ровно настолько, чтоб мы двое смогли поочерёдно протиснуться, и накрепко закрылись вновь.

— В-военное положе-эние, — извиняясь, пояснил Фёдор Заикин. —

Ша-амаханы же!

— Угу. Разумеется, спасибо за героизм, молодцы! — Я похвалил служебное рвение наших ребят и жестом пригласил Гороха пройти в терем.

Государь то бледнел, то краснел, у него дрожали руки, и вообще чувствовалось, что человек на пределе. На крыльце нас встретила бабка, в новом сарафане, чистом платочке, с традиционным подносом с хлебом-солью.

— Откушай, царь-батюшка!

Горох страдальчески покосился на меня: типа нашли время церемонии разводить, но честно отломил кусочек и макнул в солонку. Вслед за Ягой показалась моя Олёна, стройная и красивая, в своём скромном платье. В руках она держала серебряную тарелку, на ней тридцатиграммовая рюмка водки.

— Откушай, государь! — ещё раз поклонилась наша домохозяйка. — А опосля уж и в дом заходи, чего ж на пороге стоять?

Растерявшийся царь на полуавтомате опрокинул рюмку, крикнул, замахал рукавчиком и скромно сказал: — Спасибо.

Я было подумал, что ослышался. Горох тоже... Он нервно огляделся, зачем-то сунул палец в пустую рюмку, лизнул его, подозрительно вперился в Ягу и попробовал говорить погромче.

— А-а-а... Бе-э... Хм?! Аз, буки, ве-ди... Иже еси на небеси... Я есть государь и самодержец... Ага! Получается-а! Голос вернулся! Вот уж спасибо так спасибо! Излечила, спасла, вернула к жизни, свет мой бабушка! — И наш восторженный царь подхватил Ягу, воодушевлённо кружа её на крылечке.

Я облегчённо вздохнул, Олёна только подмигнула мне, приложив пальчик к губам.

— Митя где? — еле слышно просигналил я.

— В баньке спрятался, — так же тихо ответила она.

— Ничего не было? А то там дьяк...

— Ни-че-го! Мы уж и сами его заметили, да поздно, бабушка твоя даже стрельцам чуть приказ не дала — пальнуть вслед, авось кто попадёт...

— А об чём это вы тут шепчетесь? — обратил внимание на наши перемигивания надёжа-государь. — Я-то вроде по делу сюда бежал... А, вспомнил! Это... короче... ну... где моя?

— Царица, что ли? — сделала непонимающее лицо бабка. — Дык посуду перемыла, в отделении убралась, а ныне в горнице наверху книгу умную читает да небось слёзы точит по тебе, чурбану бесчувственному...

У меня чуть фуражка с головы не упала. Да чтоб наша Яга такое

ляпнула в глаза самому царю?! Храбра старушка, пора представлять к медали «За отвагу». Надеюсь, не посмертно...

— Лидушка-а-а! — возопил Горох, так и не найдя что ответить, и опрометью бросился в дом. Мы спокойно вошли следом. Сверху раздавался шум, взаимные рыдания, мольбы о прощении, звонкие чмоканья...

* * *

Да нормально всё, должны они были помириться, куда бы делись с подводной лодки? Я мирно сел за стол, бабка тоже присела рядом, моя ненаглядная невеста быстро накрыла всё к чаю. Разговор получился короткий, но душевный и по существу.

— А собственно, что тут у нас произошло в моё отсутствие?

— Да ничего особенного, Никитушка, — прихлёбывая чай, отозвалась бабка. — Митенька наш государыню на постель уложил, сам рядышком присел на табуреточке. Книжицу раскрыл, вопросы задавал разные, больше духовного содержания. Я-то знаю, заглядывала посмотреть из любопытства старушечьего...

— Тогда с чего это дьяк так завёлся? Он же там при государе и боярах такие намёки делал... Всем аж неудобно стало.

— Не было такого! — твёрдо заявила Олёна, прямо глядя мне в глаза. — А сплетник этот у нас после твоего ухода двор подметал, зашёл спросить, чего ещё исполнить. А бабушка Яга как раз наверху была. Дьяк за ней шустро так шмыгнул, да как увидел, что царица в присутствии Мити на кровати лежит, сразу в крик ударился и бежать! Мы поначалу и не поняли, это он уже за воротами об «устах сахарных» орать начал...

— Бабуль, — устало улыбнулся я, — всё понимаю, со всем согласен, дьяка воспитывать — себя не уважать. Но хоть вот эти «уста» ему на что-то другое поменять можно? Задолбал уже всех, никаких нервов не хватает...

— Дело закончишь, в архив сдадим, тогда и расколдую, — привычно отбоярилась моя домохозяйка. Мы с Олёной понимающе переглянулись.

Шум наверху стих. Если не задушили друг друга в порыве взаимного великодушия, то сейчас спустятся. Действительно, парой минут позже венценосная пара застенчиво поклонилась главе нашего экспертного отдела.

— Как говорится, спасибо за хлеб-соль да ласку, — торжественно

произнёс Горох, не отпуская льнущую к его плечу супругу. — О Лидушке моей позаботились, меня, грешного, на ум-разум наставили, честь самурайск... тьфу!.. государеву уронить не позволили! За то просите у меня любой милости. Вот вам, бабушка, чего угодно было бы?

— Да чего уж в мои годы просить-то, — развела руками Яга. — Разве что место козырное на кладбище... Ну да я подумаю...

— А тебе, друг участковый? Хочешь терем новый, хоромы высокие, двор полной чашей?

— Ещё фермерское хозяйство, свечной заводик, яхту и личный остров на Канарах, — прикинул я. — Знаете, я, наверное, тоже пока пас. Придумаю — сообщу, время терпит...

— Ну а невесте твоей, моей жены любезной подруге и утешительнице, не надо ли чего?

— А мне, как Никите, — улыбнулась Олёна. — Всё на двоих.

— Ну что ж, как скажете, — важно кивнул государь. — Засим и нам пора, дела царские ждут, бояре у ворот томятся, да и орда с минуты на минуту под стены пожалует. Пошли, Лидушка...

— Майн либен, ти есть забил ещё один очень важный персон в отделении?!

— С чего это?

— Ты забил Димитрия!

— Лидушка, а чего ты так имя это холопское мечтательно произносишь? — поднахмурился Горох, но тут же сдался: — Опосля о нём потолкуем, но без награды щедрой не оставлю. Моё слово твёрдое! Всем так всем...

— Ти есть мой герой! — восхищённо простонала матушка царица. — Я тебя всё это показать... доказать... не отказать на ночь! Я есть любой птичка!

— Э-э... вам точно пора! — Мне оставалось пожать руку царю, получить дружеский поцелуй в щёку от государыни и вежливо сопроводить озабоченную парочку на выход.

А во дворе меня уже дожидался встревоженный Еремеев.

— Орда на подходе!

— Ворота портретами обклеить успели?

— Всё исполнено, как велено, — откликнулся он. — Все наши, что от дежурств свободные, уже на стенах, фитили раздувают. Идём?

— Бабуль! — обернувшись, крикнул я. — Мы с Фомой на стену, хотим посмотреть, как шамахань на новичковские портреты отреагируют. Вы в отделении или с нами?

— С вами! — ответила за мою домохозяйку Олёна; Яга лишь пожала плечами... Знаем мы это показное равнодушие, бабке тоже было дико интересно!

— Тогда захватите с собой Митьку и догоняйте.

— Ну ты это... сокол наш ясный, — опомнившись, прокричала нам вслед Баба-яга, — попроси их там, шамаханцев энтих, чтоб без нас не начинали!

И я, и Еремеев, и царь с царицей согласно обернулись и покивали. Цирк, одним словом! В городе явный преизбыток клоунов, и мы, похоже, главные. Ну и ладно...

Зато когда мы вышли за ворота, народные массы встретили нас дружным снятием шапок и буханьем на колени. Горох с супругой чинно шли под ручку, раздавая монаршие знаки внимания направо-налево. Внешне это выглядело совершенно по-семейному, а потому особенно умирительно:

— Здорово, Сидор! Всё пьёшь? Нехорошо, зря ты так уж...

— Не есть то полезно, Спидорь... Фам надо думать о семья. Ми молиться про фас...

— Царь-батюшка, царица-матушка, жизни за вас не пожалею!..

— Здорово, Игнат! Как жена, дети? Слышал, ты отца схоронил, ну царствие ему небесное...

— О майн гот, какое неесъсчастье... Игнат, ми всегда рады фас фидеть, что редко заходите? Ви не сердитесь на нас, найн?!

— Матушка царица, царь-батюшка, да я... да за вас... да за родину любимую!

— Здорово, дядя Миша! Спина не болит? А то, ежели что, у меня там мазь немецкая на пчелином яде — как рукой радикулит снимет...

— Я, я! Ми давно помним про вас. Горошек так фолнуется, так фолнуется, ви успокойте его, дядя Михаэль...

— Отец родной, мать наша! Всем миром за вас пойдём! Вот уж послал Господь благодетелей...

Ей-богу, они так навскидку обошли человек десять — пятнадцать, и ко всем обращались напрямую, всех знали в лицо по имени-отчеству, так, словно всё Лукошкино было большим родным домом для каждого человека, каждой семьи, каждого рода, без разделения по национальности, цвету волос и форме носа. Что-то было в этом единении завораживающее, укрепляющее дух и веру, чтобы не раздумывая, а лишь помолясь, идти всем миром в золотую даль, потому что там тепло и свет, а свет всегда сильнее тьмы, и от осознания этой банальности на душе легче...

Царская чета, сопровождаемая счастливыми толпами народа и безрезультатно пытающимися протиснуться в первые ряды боярами, отправилась в свой терем.

Мы с Еремеевым увильнули в сторону от Базарной площади и быстро добрались до городских ворот. Там по-прежнему нёс службу бдительный старик Кашкин, наши стрельцы, держась чуть в сторонке от царских, охраняли свой участок стены непосредственно над воротами. Теперь шамаханское войско можно было разглядеть и без подозрительной трубы. Они шли на нас широким полумесяцем, не скрываясь и не таясь, тьма всадников и длинные ряды пустых телег для ожидаемой добычи.

Опытный боярин с усмешкой отмёл мои предположения о численности противника:

— Да бог с тобой, сыскной воевода, отколь им стока силы взять? Мы ить их по прошлом годе как славно угостили, думали, лет на десять уроки запомнят... Ан нет. Плодятся они, конечно, как мыши полевые, но и сейчас, думаю, не более двух тысяч на город идёт. Глянь-ка, а энти что удумали?

Передовой отряд в пару сотен клинков с визгом вырвался вперёд, направляясь прямо к нашим воротам. Стрельцы, перекрестясь, взяли прицел. Я как-то не сразу сообразил, что издалека большие белые листы холста могут быть восприняты как знак сдачи без боя. Видимо, шамаханам пришла в голову та же мысль, за что они дружно и поплатились...

Первые ряды с наскоку не долетели каких-то пять-шесть метров. Потом их лошади сделали круглые глаза, выплюнули удила, внаглую поснимали с себя сёдла вместе с полуобморочными всадниками и налегке дунули во все стороны! Такого я не видел даже в мультфильмах... Добрые полчаса шамаханская конница атаковала наши ворота и, толком разглядев уголовные рожи работы великого маэстро Новичкова, воодушевлённо разбежалась. Причём иногда спешенные всадники удирали куда быстрее своих же лошадей! Как говорится, две ноги переставлять легче, чем четыре...

— Душевейше бегут, — с завистью признал старый боярин. — Эх, где мои семнадцать лет... Меня ить в те поры тоже мало кто догнать мог. Я энтим и пользовался. Залезешь, бывало, на ночь не по-честному в окно к Степаниде-вдове, Варьке-ключнице, Марфе, стольниковой дочери, Настасье-стрельчихе, а любезнее всего к Нани, княжне тифлисской, — ох и шороху потом было... А я бегу себе поутру, гордый такой!

— Да, Яга рассказывала, — сразу припомнилось мне. — Но, возвращаясь к нашей теме, а основные силы атаковать не будут, что ли?

— Дык кто ж их, басурманов, разберёт... Ну-козь, молодцы, пальните

для острастки!

Раздался очень нестройный залп. По-моему, всего в три выстрела. У остальных не загорелся порох, потухли фитили, выкатилась из ствола пуля, замок заклинило, или вообще в суматохе забыли зарядить.

— Что ж за невезение такое? — по-детски огорчился Кашкин.

Я не стал вдаваться в объяснения. Лихо по-прежнему было в городе и всё так же постепенно набирало мощь. И это ещё только стрелецкие пищали не сработали! Пушкари, сколько мне известно, вообще отказывались пушки сырым порохом заряжать, от греха подальше. Впрочем, врукопашную биться рвались вроде бы все, но приказа делать вылазку не было, а на прямой штурм шамаханы пока тоже не разбежались. На первый взгляд у них всё так же не было осадных лестниц, но, может, они ждут своего часа в обозных телегах?

Прошу простить за лишние подробности, но лично я, например, в боевых действиях участвовал впервые, мне всё было в новинку, всё интересно. И как разворачивалась конница неприятеля, как достаёт он из-за спины маленькие кривые луки, натягивает тетиву, как...

— Пригнись, дурачина! — Бледный Кашкин едва успел толкнуть меня за зубец стены. В воздух взвились тысячи стрел, так что на миг даже потемнело в глазах, я невольно зажмурился и...

* * *

Рядом нервно хихикнул более храбрый Еремеев. Стрельцы поднимали головы, недоумённо переглядывались, пожимали широкими плечами и ничего не могли понять. Я поначалу тоже... Суть в том, что ни одна стрела не попала в цель! Половина не долетела, остальные пошли в стену, в ворота, в деревянную кровлю башни, даже во внутренний двор, но и там, по счастью, никого не задело. Один из наших ребят вытащил чёрную стрелу из шапки, но сам не получил ни царапинки!

— Чудны дела твои, Господи, — выпрямляясь во весь рост, благодарственно перекрестился боярин.

При повторном залпе прятаться не стал уже никто. И никого, опять никого не задело! Кажется, я начинал понимать, в чём дело, но стоило проконсультироваться с моей домохозяйкой. Что ж она запаздывает?

Пока окончательно обалдевшие шамаханы лаялись между собой и

обзывали нас нехорошими азиатскими словами, я, пригнувшись, побежал по крутой лестнице вниз. В голове билась всего одна мысль: а ведь шамаханам просто «не повезло»! Видимо, Лихо не рассчитало силы и, накрыв волной невезения всех наших на стенах, так же захватило и залповый огонь противника. Их стрелы попали в «зону невезения», а значит, не могли причинить никакого серьёзного вреда. Пусть ещё спасибо скажут, что Лихо не заставило их развернуться и лететь в обратном направлении...

В самом низу я едва не сбил Бабу-ягу, врезавшись в неё на полной крейсерской скорости. То есть с ног сбил, разумеется, но упасть она не упала — нашу бессменную эксперт-криминалистку подхватил бдительный Митенька. Вся опергруппа в сборе! Олёна тоже выходила из-за угла. Если меня сейчас ни в кого не превратят, я даже при всех её обниму.

— Никитушка, а шамаханцы-то нас ждут? — вместо того чтобы ругаться, скромно спросила бабка. — А то ить с моей ногой всё представление пропустишь...

— Нет, — честно признался я (правда — лучшее оружие!). — Они никого не стали ждать, даже царя. Напали невежливо, орали как сумасшедшие. Первая атака была отбита реалистичными картинами Саввы Новичкова, а две последующие просто захлебнулись по невыясненным причинам.

— А ты сам-то их просил погодить?

— Так точно! — блестяще соврал я (правда — не всегда лучшее оружие!). — Но, по-моему, они меня не поняли...

— Совсем, нехристи, милицию не уважают, — сокрушённо покачала головой блюстительница чести нашего мундира. — Ну а ты чё ж встал-то, Митенька? Давай неси меня на стену! Всё одно охота лишний раз шамаханцу меж зубцов крепостных чё неприличное изобразить...

Как вы понимаете, мне оставалось только согласованно покивать и незаметно пожать прохладные пальцы Олёны. Она ответно улыбнулась, и я вновь понял, что лучшей жены мне не сыскать на всём белом свете. Да и кто добровольно, по любви выйдет замуж за тихого участкового? Хотя-а...

В нашем случае это значит не абы за кого, а за сыскного воеводу! Чувствуете разницу?! Сыскной воевода — это такой чин, что уже почти титул! Плюс весомый статус, солидное положение в обществе, государственный престиж, стабильная зарплата, серьёзные социальные гарантии. Вообще-то совсем неплохо получается. Не в плане материальной выгоды, а скорее в смысле моей возможности и готовности содержать семью. И раз моя невеста мне в этом плане доверяет, то это приятно...

Пока Баба-яга, не слезая с Митиных рук, выбирала себе место «пообзористее», мы с Олёной, держась рядом, встали над самыми воротами. Как бывшая бесовка, она быстро оценила все сильные и слабые стороны стоявшей перед нами армии.

— Этих узкоглазых знаю. В войске Кощеевом шамаханских племён много. Которые похрабрее, которые хитростью берут, а которые и в бой не пойдут, покуда их вдсятеро больше противника не будет. Те, что перед нами стоят, на стены не полезут, но издалека гадить могут...

— Милая, расшифруй, как это — гадить издалека? — не удержался я. — А запах?

— Что? — простодушно не поняла она, а поняв, щёлкнула меня по носу. — Ты болтун, любимый! Слушай лучше... Не пойдут они в прямую атаку, трусливы да хитры. Раз с первого наскока не взяли, значит, переговорщика пришлют. Ждать будут...

— Долго?

— Нет, — на минутку задумавшись, определила она. — Если к завтраму их в город не пустим, то они всю округу пожгут и уйдут восвояси. Видать, Кощей пообещался, что Лихо само им ворота откроет, да милицию твою в расчёт не взял...

— Нам надо посоветоваться, — нахмурился я.

То есть сам факт того, что враг долго ждать не намерен и может уйти уже завтра, несомненно, радовал. Проблема вырисовывалась в другом. И проблема серьёзная...

Да, за одни сутки Лихо не сможет настолько дестабилизировать атмосферу в городе, что все мы от отчаяния сдадимся. Не вышло у него с этим. То ли мощности не хватило, то ли из-за «отношения нежного» к моей невесте, то ли ещё что, но не смогло оно, не смогло! Плохо, как вы уже поняли, другое...

Шамаханцы шли к Лукошкину непривычно тихо. Убрали мешающие им пограничные отряды, но больше за всю дорогу до столицы не тронули никого! Народ расслабился... Люди, видя приличие и даже вежливость шамаханской орды, остались в своих деревнях, возможно, уже возвращали из леса припрятанный скот, женщин, детей и стариков. Дескать, степнякам только Лукошкино нужно. Туда шли — не тронули, а уж обратно с добычей пойдут, тем более Бог милует! Но будет-то всё абсолютно иначе. Прекрасно понимая, что царя сейчас дожидаться бесполезно, я быстренько собрал инициативную группу ответственных товарищей в составе: меня, Бабы-яги и боярина Кашкина. Сложность и нестандартность сложившейся ситуации осознали все. Высказывались по старшинству, первое слово взяла бабка:

— С Лихом шутки плохи, однако ж и мы не везде мёдом мазаны. Я уже по своей дружбе старой направила тётку Матрёну кое-куда с порученьцем. Бог даст, отвлечём мы злодея одноглазого от дел пакостных...

— Добро, — весело поддержал седобородый боярин. — А мы покуда переговорщика умного да вежливого к шамаханцам отправим. Пущай им до утра зубы заговаривает...

— Значит, в принципе нам нужен человек, которого потом и потерять не жалко? — логически доведя до конца мысль опытного царедворца, резюмировал я. — Таких у нас немного... Митя!

— Да ты что, участковый, — всполошилась Яга. — Нетто Митеньку ордынцам-сыроедам отдать удумал?!

— Ну-у... вообще-то он кого угодно может заболтать своей системой психоанализа, — на мгновение смутился я. — Но на самом деле у меня к нему другое поручение...

— Звали, Никита Иванович?

— Звал, Митя. Будь другом, найди-ка нам сюда побыстрее гражданина Филимона Груздева!

Боярин и бабка, не сговариваясь, поочерёдно пожали мне руку. Всё по справедливости, с дьяка причитается — за попытку дискредитации честного имени матушки государыни и нашего младшего сотрудника. Ладно, младшего сотрудника мы бы ему ещё простили (Митя у нас и сам не подарок!), но всенародное оскорбление царицы простить никак нельзя. Зуб за зуб, как говорится...

— Милый, ты же не всерьёз? — тихо спросила Олёнушка, прячась за моим плечом. — Шамаханцы скоры на расправу...

— Не бойся, нашего дьяка убить нельзя. Он уже эпический персонаж, без кого угодно можно обойтись, только не без Филимона Митрофановича. Яга так невероятно кстати сделала его жутко любезным, что этим грех не воспользоваться. Ордынцы не смогут не купиться на его «уста сахарные»...

— Но он вернётся, ты мне обещаешь?

Я обнял её и нежно поцеловал в щёку. В целом, как я понимаю, подобные вольности до брака здесь, мягко говоря, не особо приветствовались. Почему для нас делали такие поблажки и исключения, я, честно говоря, по сей день не понимаю.

Да, сыскной воевода — довольно высокий чин, но у многих бояр и родословная подревнее, и должность повыше, и связи покруче, и на рожон не лезут, ведут себя, как принято, без новомодных закидонов. Из-за нашей дружбы с государем? Так он и сам старинные традиции особо нарушать не рискует... А может, просто потому, что люди здесь человечнее? Ну просто

хорошие, нормальные люди, видят, что мы счастливы, и не лезут с нравоучениями.

Искомого дьяка Митя с Еремеевым доставили довольно быстро. После полного провала своей террористической (или революционной?!) акции по открытию глаз Гороху на «аморальность» его жены перепуганный поборник нравственности и морали сам намеревался тишком перевалить на верёвочке через крепостную стену, укрывшись от грозы всё в той же Подберёзовке. Митина мама наверняка не откажет впустить «кандидата в мужья», а деревенские — народ сплочённый, своих не выдадут. Поэтому взяли его тёпленьким, пока бедолага мельтешил туда-сюда, от башни к башне, выискивая, как бы из столицы удрать и к шамаханам не попасться. Тут же на крепостной стене, под неподкупными взглядами наших товарищей, был устроен небольшой импровизированный суд чести. Прокурором был я, защитником Баба-яга, судебным приставом Митя, судьёй старик Кашкин, свидетелями Олёна и Еремеев. Вполне легитимное собрание, не находите? Далее цитирую быстренько по протоколу (ордынцы действовали на нервы, и в наших жизненных интересах было бы нанести им первый упреждающий удар дьяком)...

Я (*торжественно*). Гражданин Груздев, вы обвиняетесь в государственной измене, клевете на саму царицу, выставлении царя «рогоносцем», бездоказательной хуле на нашего младшего сотрудника и возмущении народных масс к сносу ворот Лукошкинского отделения милиции!

Боярин Кашкин (*сурово*). Так ли оно было, свидетели? Тока коротко — «да» либо «нет»...

Олёна (*сбивчиво, краснея*). Да. Почти. Ну, если по-честному, то...

Еремеев (*во всё горло*). Да! Было! Сам видел: бежал, участвовал! Казнить его! Вот из-за таких у нас по сей день престиж международный хромает на всю голову...

Баба-яга (*загадочно*). Защита воздерживается от высказываний.

Дьяк (*суетливо*). Смилитесь... Ить я ж... я тока... думал... оно ить до того... да он уж и к устам её сахарным почти...

Я (*бескомпромиссно*). Требую смертной казни!

Боярин Кашкин (*взвешенно*). Таковое злодейство великое только на кол сажанием али четвертованием наказывать следует. Защита скажет ли чего?

Баба-яга (*громко*). Защита протестует!

Дьяк (*крестясь*). Славься Господь на небе-си... Ох, спасибо те, светлая заступница, Матерь Божья...

Баба-яга (*продолжая*). Сурово наказание без меры! Человек он

немолодой, звания духовного и хоть добрых дел за ним особо не отмечено, однако ж и нам милость проявить следует...

Боярин Кашкин (*подмигивая*). О какой милости просишь?

Баба-яга (*злорадно*). О лёгкой смерти! Пущай вон хоть расстреляют, что ль...

Дьяк попытался винтом уйти в обморок, но Митя надёжно держал его на весу за воротник. По знаку боярина на стене появились шестеро наших стрельцов с пищальями на изготовку...

Боярин Кашкин. По решению судебному и разумению скорбному нашему выносим приговор: дьяка Груздева Фильку предать смерти безвременной...

Митя (*гулко хлопая себя ладонью по лбу*). Ох ты ж мне... Дозвольте слово молвить! А нельзя ли Филимону Митрофановичу какую службу искупительную исполнить? А то ить казним сейчас, а у меня потом маменька в деревне огорчиться может...

Все загомонили наперебой, а дьяк, мигом придя в себя, кинулся на боярина с очередной угрозой лобызания сапог, а потом и «уст сахарных».

— Ладно, ладно уж, — с трудом вырвался Кашкин, поймал сбитую с макушки высокую шапку и провозгласил: — Вот ежели помочь нам с шамаханцами возьмётся, то, может быть, и заслужит милость да прощение!

— А чего надоть-то, миленькие? — наивно распахнул глазки бедолага.

Мы хором пустились объяснять. Через десять минут всё понявший и взвесивший дьяк с чувством сказал:

— Ни-за-что! — и вновь попытался удрать.

Не вышло. Бдительный Митяй разом прекратил все возможные ходы и дипломатические выверты возможной дискуссии по этому поводу, просто поймав Филимона Митрофановича за пояс и аккуратно выбросив за стену! Мы замерли...

Подобного решения я не помню со времён Александра Македонского и разрубания какого-то шибко мудрого узла на телеге в городишке Гордий. По крайней мере, эффект был наверняка тот же...

* * *

Горловой писк гражданина Груздева быстро растворился в удовлетворённом рёве шамаханской орды. Яга величаво просеменила к

стене, вытащила из-за пазухи чистый белый платочек и заботливо сбросила его тощей жертве нашего произвола.

— Теперича они его не тронут, пущай он им до утра сказки рассказывает да псалмы поёт. А у нас своя служба не ждёт. Пойдём-ка в отделение, Никитушка, надо нам этой же ноченькой самим Лиху невезением обеспечить. Пущай нашей ложкой своего же варева отхлебнёт...

Все согласно кивнули. Уходя со стены последним, я бросил мимолётный взгляд вниз — гражданин Груздев старательно размахивал белым платочком, а ему навстречу уже выезжали три неумытых, обманчиво улыбчивых шамаханов...

— Ну, чёрное дело сделано, — подцепила меня под руку наша бойкая старушка. — Но, чур, до терема родимого рта не раскрывать! Не хочу, чтоб бог древний, зловредный, нас подслушивал, но имею я мысль оригинальную, тока б Олёнка твоя согласилась...

Ох, если бы я хоть на мгновение мог предполагать, что задумала многоопытная глава нашего экспертного отдела. Но в этом расследовании ведущая роль принадлежала не мне, я вообще мог бы записать в свой положительный баланс лишь догадку о многовековой трансформации одноглазого Одина в Лихо Одноглазое. Однако ведь главное умение любого начальника — правильно поставить конкретные задачи перед подчинёнными и подконтрольно добиться от них нужного результата. Это у меня пока неплохо получается.

До отделения добрались без проблем, город жил своей привычной жизнью, народ доверял правительству и толщине крепостных стен, потому в панику никто не ударялся, суматохи не было, а если что и доставляло людям лишние заботы, так это «невезение»... А к нему, как я уже говорил, просто начали привыкать. Это же мне подтвердила и Яга на закрытом совещании нашей расширенной опергруппы — в горнице, за чаем.

— Провалился план Кощеюшкин, не рассчитал он менталитета русского. Иноземцы бы от Лиха в три дня взвыли, по лекарям да костёлам с молитвами прятались. У них же всё по уму построено, как в механизме часовом: одну песчинку ветром забросило, и никакой мастер не починит. Восточный народец — дело иное... На Востоке бы от Лиха нашего не отрешивались, приняли бы его как часть бытия, лапки вверх подняли и не сопротивлялись, покуда само не пройдёт. Ну а у нас на Руси про всё свой размер и подход собственный. Раз нам избавиться от Лиха никак нельзя, так стоит его от нас избавить!

— Конкретизируйте, — серьёзно попросил я, зная, что Яга больше

длинных слов не пугается и словарный запас у неё значительно расширен.

— Кон... кор... тизирую, — почти правильно выговорила бабка. — Раз оно у нас на Олёнку твою глаз единственный положило — надоть вам сиюминутно под венец идти! Пока ты, девка, в невестах обретаешься, к тебе всякий подкатываться вправе — вдруг да и передумаешь? А вот законную жену уже сам Господь хранит. Ну и муж, ежели не простофиля.

— Я согласна, — серьёзно подтвердила бывшая бесовка.

— И я согласен, — столь же важно поддержал Митя.

Я почувствовал себя несколько неуютно...

— В каком смысле согласен? Ты-то здесь при чём?!

— Не знаю покуда, — честно признался он. — Но ить бабуленька щас всё одно придумает. Рази ж может какое дело опасное быть, чтоб она меня, сироту, не задействовала...

По коротком, но зрелом размышлении все признали, что «да», не может. Наша домохозяйка, правда, поворчала минутку-другую, что, дескать, «товарищи по службе из неё опять тигру бенгальскую делают», но успокоилась быстро и действительно завалила Митьку заданиями.

— Во первых делах к немцам сбегает. Передашь Кнуту Плётковичу, чтоб со всем войском слободским к полуночи у ворот городских собрался и приказу ждал. Царица про то знает, а уж Гороха до утра при себе удержит. Говорит, это её долг перед новым отечеством...

Я понял, что бабка разработала сложный, многоступенчатый план, что она вовлекает в него уйму людей и ресурсов, что гарантий на успех никаких, но всё-таки, а хуже всего, что меня в курс дела посвящать никто не собирается.

— Уж прости ты меня, грешную, — поймав мой унылый взгляд, покаялась Яга. — А тока ни тебе, ни Олёнке всего знать нельзя, и без того Лихо с вас глаза ненасытного не сводит. Просто поверь бабушке...

Все мои беды и влипания обеими ногами в разные субстанции, ситуёвины и проблемсы начинались, как правило, именно с этой почти библейской фразы: «Просто поверь...» Ага! Нашли дурачка... и искать долго не пришлось!

— А ты, Митенька, опосля того как всех немцев под ружьё поставишь, бегом беги к храму Ивана-воина. Кого по дороге заметишь, с собой тащи, а никого не будет, так вона хоть еремеевскую сотню стрелецкую полным составом пригони. Лишними не будут, главное, чтоб вопросов лишних не задавали.

Я окончательно потерял нить бабкиных рассуждений, разве что... Мама дорогая, но ведь отец Кондрат назначил венчание только на завтра?!

В дверь постучали. Молоденький стрелец попросил разрешения передать Бабе-яге записку от подруженьки. Ей-богу, он так и сказал — от подруженьки. Кто бы сомневался в её идентификации. Тётка Матрёна как пить дать!

Яга бегло прочла переданную бумажку, победно почесала знаменитую бородавку и, подняв вверх узловатый палец, сообщила:

— Дело решённое! Тянуть кота за гордость куриную не станем, а всеми силами дружно к делу выдвинемся, тока дорожками разными. Ты, девка, с Еремеевым пойдёшь, он мужик проверенный, в обиду не даст. Мы с Никитушкой отправимся, ужо вдвоём-то и отмашемся, ежели что. А ты, Митенька, своё задание исполняй. Чё где не справишься али перепутаешь — уж не серчай, терпенья у стариков мало... Тебе как самому-то больше нравится, кошкой али собакой?

— Понял, — мигом расшифровал наводящий вопрос наш младший сотрудник, — не утруждайтесь, бабушка, удружу так, что небось не пожалеете! Да и чё сразу с угроз-то?!

Бабка ответила, Митя — ей, она — ему, слово за слово, пока они крепко зацепились языками...

— Ты догадываешься, что она задумала?

— Ох, милый. — Олёна мягко скользнула в сторону и прижалась ко мне, спина к спине. — Она думает, что если мы сегодня же обвенчаемся, то Лихо наверняка этого допустить не захочет. Но в храме его мощь слабее, а если он растратит силы ещё и на людей рядом...

— Бабуля хочет опять упрятать его в орех?

— Да, но для этого он должен стать зримым. Нельзя заколдовать то, чего не видишь и чью природу не знаешь. А если Лихо ослабеет, то...

Риск, конечно, был. Но и шанс на успех этой авантюры тоже. Сколько я научился разбираться в колдовстве, и Олёна и Яга правы — нам надо увидеть противника в лицо!

Ловить невидимку практически невозможно. Вот даже для сравнения вспомним, как мы задерживали мою же невесту в шапке-невидимке. Увидеть владельца такой шапки нельзя, но можно разобрать его следы, пытаться облить водой, обсыпать мукой, пустить по следу собаку — и всё равно задержать!

С Лихом это не прокатывало... Оно было невидимо не посредством ношения волшебной экипировки, а, так сказать, само по себе. И случай с Еремеевым, и та памятная драка на Лялиной улице с появлением одного светящегося глаза доказывали, что оно, растратив энергию на каком-то ярком, эмоционально неконтролируемом выплеске, становится видимым

хотя бы частично.

Значит, наша задача на сегодня добиться, чтобы древний бог раскрылся окончательно, и бросить на это все резервы, и человеческие и духовные. Святой Иван-воин уже помогал нам в заговоре Чёрной Мессы, надеюсь, поддержит и сейчас...

Споры кончились. Митя словил два подзатыльника и выторговал себе ватрушку «в честь дела лютого и опасного». Баба-яга увела Олёну к себе в горницу давать ценные указания и секретные инструкции. Вальяжный кот Васька, фамильярно подмигивая, потёрся об мою ногу, недвусмысленно намекая, что сметана в погребе, бабка не видит, а я ему по гроб жизни обязан. Пришлось проявить твёрдость и попросить Назима усилить контроль за расхищением подотчётных ему продуктов. Домовой сурово кивнул, клацнул на кота зубом и выставил мне хинкали. Пока я быстро насыщал организм, почти не чувствуя вкуса (мысли были не тем заняты!), он подкатился сбоку и протянул мне маленький блестящий предмет:

— Зэркало. На!

— Зачем? — не понял я, может, у меня прыщ выскочил или перемазался чем-нибудь...

— Беры, пригадица. И чтоб Ягу минэ сбирёг!

Я окончательно запутался, но у домового были такие серьёзные глаза... Пришлось сунуть зеркальце в карман, хлопнуть Назима по плечу и дать слово мужчины, что буду беречь нашу домохозяйку пуще собственной фуражки. Он кивнул, смахнул слезу и исчез под печкой. Жаль, что мы не можем взять его с собой — небритый азербайджанский домовый с выдающимся носом и большущим кухонным ножом мог нагнать ужас на любого, самого отпетого преступника...

Мы вышли за ворота уже ближе к вечеру — я с бабкой и Еремеев с моей невестой. Митя, разумеется, удрал на час раньше. В Немецкой слободе его уже принимали почти как своего, надеюсь, он ничего не перепутал и не внесёт в довольно простенькое служебное задание чрезмерной доли отсебятины. Так, чтоб совсем без неё, Митя не умеет, вирус творчества в его крови живёт и прогрессирует с каждым днём. Это та самая ситуация, когда год идёт за два, а в нашем случае и за все три. Хотя ворчу я, видимо, исключительно по привычке, на самом деле представить нашу опергруппу без этого разгильдяя с душой ребёнка и сердцем телёнка абсолютно невозможно...

До Базарной площади шли все вместе, далее по плану Яги следовало разделить. Я начинал чуточку ревновать к Еремееву, который незаметно подкручивал усы и всё время забекренивал шапку, и так неизвестно каким чудом удерживающуюся на левом ухе. Но с этим разберёмся позднее...

— Что ж, соучастнички, разбежались? — заговорщически предложила старейшая сотрудница нашего отделения. Мы кивнули, но...

В общем, Лихо ударило первым, нам крупно не повезло. Из-за угла вышли два брата-купца Анисимовых в сопровождении трактирщика Грымова с привязанной фальшивой бородой. Лица у всей троицы были очень решительные.

— Вот мы и встретились, участковый, — недобро прогудел старший, а младший резко свистнул — за нашими спинами возникло ещё четверо человек, видимо слуги или холопы.

— Что всё это значит, граждане? — ещё не успев толком оценить реальность происходящего, строго спросил я. Предположения о том, что на двух штатных сотрудников милиции плюс начальника стрелецкой сотни, да ещё бывшую бесовку могут напасть в центре города... Ну это уже даже не смешно!

Купцы напряженно сопели, видимо тоже не зная, с чего начать, а вот трактирщик сорвался уже через минуту:

— Уж ты извиняй, как хочешь, сыскной воевода, да тока к тебе у нас обид нет! И бабушке твоей, и Фоме Силычу в моём заведении почёт и рюмка бесплатная завсегда обеспечены будут. А вот девку отдай! Из-за неё все беды, пущай ответ перед народом держит. А то... вона как! Кому без бороды ходить опозоренному, а её милиция от смертоубийства обеляет?! Не по совести энтю!

Да-а... предупреждала меня бабка. Не верил. Вот и получил прилюдно, в лицо, умыли так умыли... заслуженно. Однако, вместо того чтоб извиниться и разобраться со всем по-человечески (они же нормальные люди!), меня вдруг захлестнула жгучая обида. Да не буду я никому ничего объяснять!

— Пошли вон с дороги, — незнакомым мне самому голосом рявкнул я. Еремеев за моей спиной с готовностью выхватил тяжёлую саблю.

— Ты это... участковый, не дури, — опять начал старший Анисимов. — Мы ж не звери, сами мужики, всё понимаем, а тока ведьма

она. Брыкина почём зря извела, хороший работник был, а теперь вона и тебе глаза застила... Отойди, по-человечески просим. Не след за такую заступаться...

Объяснять кому-либо, что моя Олёна ни в чём не виновна, теперь было бесполезно. У тех, кто сзади, покачивались в руках солидные дубины, сами купцы вытащили из-за пазухи разбойничьи кистени, и чувствовалось, что владеть они ими умеют ничуть не хуже, чем торговать.

— Мильцанера и стрельца со старушкой до смерти не бить! — тонко напомнил Грымов, поправляя фальшивую бороду, чтоб не мешала говорить. В его руке тускло блеснул засапожный нож. — А с этой чернявой разговор короткий, она самолично к нам в дом горе-злосчастье привела... Да побыстрее, не увидел бы кто?!

— Вот тока троньте девку, — хищно ощерилась Баба-яга, и в тот миг я не дал бы за купеческие жизни самого затёртого грошика, но моя невеста сама загородила главу экспертного отдела, и кто кого ударил первым, было уже не разобрать.

Помню лишь, что поначалу все мы развлеклись от души. Я броском с упором ноги в живот нейтрализовал об забор младшего Анисимова, Фома с рёвом кинулся на холопов, бешено махая саблей, а Олёна, закусив косу, как боец Шаолиня, в доли секунды так обработала старшего купца, что он рухнул всей тушей на месте, даже не успев всхлипнуть. Трактирщик ужом проскользнул у меня под рукой и мог бы натворить бед, если бы в то же мгновение над улицей не раздалась лающая немецкая речь:

— Ахтунг, ахтунг! Хендэ хох! Бросьте оружие, вы все арестованы за попытку нападения на сотрудников лукошкинской милиции!

В пылу кратковременной схватки никто и не заметил, как мы оказались в плотном кольце ружейных стволов. Суровые лица законопослушных немцев Кнута Гамсуновича не оставляли нападавшим ни единого шанса!

— Тьфу, нехристи басурманские, — тоскливо взвыл трактирщик, бросая на землю нож.

Немецкий посол тут же шагнул к нему, хлёстко отвечивая благородную пощёчину.

— Дурак! Мы любим наш город, нашу слободу, наших русских друзей. Никто не смеет нарушать правопорядок и угрожать органам полиции. Дас ист беспредел! Вы все должны будете понести суровое наказание, и, если герр Ивашов даст такой приказ, я собственноручно расстреляю вас по закону военного времени!

— Спасибо, господин посол. — Я отряхнул китель и пожал ему

руку. — Вы вовремя, но в принципе мы бы и сами справились. Митя при вас?

— Найн, он передал ваши указания и куда-то убежал ещё. Мы выдвигались на предначертанный нам участок несения службы.

— Продолжайте, — по-военному кивнул я, ибо обстановка волей-неволей обязывала. — По пути сдайте этих правонарушителей первому же наряду наших стрельцов.

— Яволь, герр Ивашов! — Немецкий посол отсалютовал мне парадной шпагой. — Мы будем стоять там, где приказано, и не отступим! Со мной все честные немцы. Лукошкино — наш фатерланд...

— В этом плане нашим ещё есть чему у вас поучиться, — себе под нос буркнул я и чуть громче добавил: — Ещё раз спасибо за своевременную помощь!

— Сочтёмся, — чисто по-русски подмигнул мне господин Шпицрутенберг, и мы пошли своей дорогой. Побитых и не успевших удрать нападающих увели под дулами немецких охотничьих штуцеров.

Я подошёл к Олёне и обнял её, чувствуя, как её сердечко бьётся в мою грудь. Ну вот... наверное, это стоило бы назвать боевым крещением — бывшая бесовка Кощя бьётся с уличными хулиганами за честь милицейского мундира. Еремеев, завистливо глянув в мою сторону, начал оттирать полрой кафтана несуществующую кровь с клинка, по-моему, он никого не порезал, только удерживал на расстоянии. Яга вообще ворчала, дескать, её «опять обошли, и подраться-то не дали, и в поросят превратить никого не позволили, а Олёнка твоя дерётся охально — не пристало жене участкового так высоко коленку задирать...» и так далее.

— За это следует поругать, — для виду согласился я и нежно шепнул на ушко любимой: — Не делай так больше. Они были опасны, а я не хотел бы потерять тебя перед самым венцом. Да и с кровавыми ранами отец Кондрат в церковь не пустит.

— Я буду стараться, защитник ты мой, сыскной воевода! Ни храбрее, ни краше тебя нет, а уж заботливее...

— Издеваешься?

— Ага! — счастливо мурлыкнула она, чмокнула меня в нос и, обернувшись, притопнула каблучком. — Ну так что, мы идём али нет? Служба службой, а у меня свадьба!

— Да уж, на такое дело грех опаздывать, — засуетилась Яга, отпихнула Олёну в сторону, привычно подцепляя меня под локоток. — Отсель расходимся. Встречаемся у храма. Лихо нам сейчас, конечно, подгадило, однако ж, думаю, главный бой у алтаря будет. До сих пор оно

только силушку пробовало, а там уж... Эх, не попустим, сослуживцы!

Все собрались, выдохнули и пошли — двое налево, двое направо. Хорошо бы Митька первым добежал до храма и вовсю приложился к неутомимой провокации древнего бога. Кстати, не знаю, заметила ли наша специалистка по магии и чародейству, что в городе увеличилось количество прямых столкновений.

Я в том плане, что драк стало больше, стрельцы докладывали. А этот момент надо учитывать. Не исключено, что одноглазый бог просто не может не ввязаться в потасовку. Быть может, ему это напоминает о кровавых боях и великих сражениях прошлого, когда он на восьминогом коне с копьём в руках водил в атаку целые армии! И если оно действительно так, то я нащупал у нашего таинственного противника самое слабое место...

Впрочем, сама Баба-яга мои рассуждения на эту тему слушала рассеянно, у неё был свой план. Но раз она со мной им не делится, то и я оставляю за собой право действовать по собственному усмотрению. Надеюсь, мы не слишком столкнёмся лбами? В конце концов, у нас одни и те же интересы.

...Мы добрались. Обе группы. Причём практически одновременно. Не пострадала одна Олёна. Всем остальным так или иначе не повезло. Похоже, Лихо догадалось о наших намерениях и распоясалось вовсю.

Мы столкнулись нос к носу у ворот маленького храма Ивана-воина. Видели бы вы глаза моей невесты, когда она заметила, что я сильно хромаю, а Баба-яга почти едет у меня на спине, крепко зажмурившись и закрывая лицо руками. Видели бы вы мою вытянувшуюся физиономию, когда я понял, что бывшая бесовка едва ли не прёт на своём горбу тело нашего коренастого сотника. Голова Еремеева была обвязана неровной белой полосой, оторванной от подола нижней рубашки моей Олёны. Глупых вопросов на этот раз не задавал никто, мы лишь уточнили детали. Не кого и почему, а где и как.

— Кошка дорогу перебежала, в неудачном месте, резко, без предупреждения, из-за угла. Я чуть наступил ей на хвост, дёрнулся, упал, подвернул лодыжку. Бабуля плюнула на эту заразу, но не попала, а кошка прыгнула на забор, стряхнув на нас пыль и чьи-то опилки. Яге глаз запорошило, левый, открыть не может. Но дошли...

— Со мной ничего, любимый, ни царапинки, а вот твой друг... Бревно ему на голову упало. Да-да, я сама удивилась! Шли себе осторожно, вроде чисто всё, а как купола увидели, сразу шаг прибавили, а там дерево на конце улицы, дуб старый. С него жёлудь упал Фоме Силычу по шапке. Он

жёлудь-то подхватил да на нервах обратно запустил, шагу не сделал — сверху огромная ветка отпала и... Прямо по голове! Ветка сухая, толстая, как бревно... Ну или как полено, всё равно больно ведь! Я перевязала, чем могла, и к вам...

— Угу, — понимающе кивнул я. — Заносим по очереди?

— Куды?! И гдей-то я?! — донеслось из храма, и покачивающийся отец Кондрат уставился на нас совершенно ословелыми глазами.

Сказать, что он был пьян, значило бессовестно смягчить ситуацию. Наш самый суровый священник был абсолютно никакой в хлам, как распоследний питерский сантехник в канун дня праздника Парижской коммуны! Какое венчание?! Он на ногах-то едва держался, взгляда сфокусировать не мог, а языком пролялькивал такие невразумительные вещи, что хорошо, если понимал себя сам.

Я заскрипел зубами, мы проигрывали ещё до прямого столкновения...

* * *

Бабка кое-как сползла с моих плеч и поковыляла за ограду. Одной пощёчины хватило, чтоб батюшка пришёл в себя. Хотя бы частично...

— Даведьнебоолее... — попытался развести руками отец Кондрат, роняя в бороду крупные, обиженные слёзы. — Единый стаканчик кагор у церковного... голосовых связок кради! Чтоб сомной такое?! Нининини! Ведро могу вославу божию выкушать... Что ж это творится православные?!

— «Последний бой, он трудный самый. — Я припомнил слова известной песни и помог Олёне сгрузить бессознательного Еремеева к церковной ограде. — А я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму-у...»

— То же что ли принял горя? Так не уверен не женись не женись сын мой...

— Лихо энто лютует, — высовываясь из дверей храма, громко объявила бабка. — Ну да ничего. Вона я святой водицей глазик ополоснула, и прошло всё. А теперича, опергруппа, слушай мою команду!

Мы с Олёной приняли стойку «смирно», одновременно с двух сторон удерживая хихикающего священника, радующего мир пантомимой «корова на льду».

— Вы двое, — марш венчаться! И долгогривого с собой волоките,

какой-никакой, а ему таинство брачное освящать. С невестинной стороны я свидетельницей буду, а с жениховой... Фома точно не встанет? Эх, да где ж наш Митенька опаздывает...

А Митеньку принесло если не в ту же минуту, то через полторы. Запыхавшегося, делового, довольного и буквально распираемого от чувства удовлетворённости собой любимым...

— Всё как есть исполнено! — на всю улицу гаркнул он. — Немцы у ворот, людей взбаламутил, щас начнётся...

— Мить, — укоряющее нахмурился я, — ну чего ты орёшь, люди спят кругом...

— Не извольте беспокоиться, Никита Иванович, отец родной, — перекрывая нарастающий гул, прокричал мой напарник. — Ужо небось не уснут. Я-то по приказу вашему начальственному кожевников супротив кузнецов подбил. Дело нехитрое, тому в рожу дал, этому в бороду плюнул, а тех просто послал по матушке попутным ветром с пером для лёгкости... Вроде и понабежали все, нет?

В то же мгновение маленький белокаменный храм оказался окружён шумной ревущей толпой. Если мои предположения верны, то это был хоть какой-то шанс...

— Ну, молодёжь, куйте сами своё счастье, — взялась за дело Яга. — Подымайте батюшку под белые рученьки да к алтарю волоките. Митенька за жениха свидетельствовать будет. А с кузнецами, кожевниками да прочими хулюганами уже опосля разберёмся...

— Минуточку, — попросил я, видя, что настрой толпы несколько охлаждается из-за близости к культовому зданию и наличия сотрудников милиции. — Младший сотрудник Лобов!

— Я! — вытянулся Митя, изображая лаптями бравое щёлканье каблуков. — А тока в церковь побыстрее бы, побьют ить, я им такого наплёл...

— А теперь ещё наплети, на две минуты, прямо противоположного. Нам нужно, чтобы Лихо отвлеклось на драку. Не просто пытались отвлекать всех мелким «невезением», а именно влезло в большую, крупномасштабную драку! Очень нужно, Мить, выручай...

На миг повисла знаковая тишина, священная, как минута передышки под канонадой злых фашистов. Те же напряжённые лица, сжатые губы, выразительные глаза, та же затаённая боль, несмываемая усталость и... вера в победу! Не хватало только трагической музыки Шостаковича.

Митя молча перекрестился, поклонился всем нам в пояс и пошёл.

Он шёл медленно, но торжественно и уверенно, словно христианский

мученик на древнеримскую арену Колизея. Это было настолько зрелищно, что глаза Олёны наполнились слезами, а мужики за оградой замерли, не веря своему счастью...

— Отца Кондрата волоките, — еле слышно прошептала Яга. — Доведём венчание, чтоб не даром... сгинул... Митенька наш...

Мы подхватили счастливого и довольного всем священнослужителя (тяжёлого, как мордосвин, и уже напевающего под нос какой-то бравурненький псалом!), с натугой затаскивая его на порог храма. Царица, конечно, обидится, что венчались без неё, но Кнут Гамсунович поймёт, вариантов нет. Если совсем уж будут настаивать, перевенчаемся ещё раз... возможно...

Небо над нашими головами так явственно нахмурилось, что это почувствовалось даже сквозь темноту ночи. Оно пришло! Или уже всё-таки правильнее — он? Если раньше он ещё не был полностью уверен в нашей цели, то теперь не отступится ни за что! По-моему, это почувствовали все, толпа за воротами окончательно смутилась, считая внезапные погодные перемены явным гневом небесным. В определённой мере всё так и было, но...

— Братие мое, православное, — густо и значимо вознёсся проникновенный голос нашего Митяя. — Уразумейте слово моё, от сердца идущее, из книг святых взятое, теплом божьим отогретое...

Толпа замерла. Такого младшего сотрудника милиции они ещё не видели. Те, кто успел удрать шагов на десять, спешно возвращались назад проверить — не послышалось ли?! Мы тоже неуверенно задержались на пороге, хотя эту тему уже слышали...

— Дух проклятый, Антихристово семя, вошёл в дома наши и ныне над головами нашими кружит, души христианские смущая! Не попустим врагу рода человеческого! Не уйдём, братие, а стеною станем на защиту родной милиции! С нами крестная сила! Не посрамим Отечества-а!

— Воистину, — неуверенно ответил кто-то, и народ поддержал:

— Да ты толком скажи, чего надо-то?! Ужо не подведём небось...

— Тут дело тонкое, деликатное, — быстро заговорил Митька, мигом переходя на нормальную, невоцерковленную речь. — Покуда мы Никиту Иваныча с его невестой браком законным сочетаем, вас попрошу силу нечистую дракой доброй отвлечь. Известно же, что где брань, там и бес! Помесите тут друг дружку с полчаса, а?

— Ну-у... ежели потом проблем с милицией не будет, — раздумчиво отозвались в толпе, — Дык нам жалко разве? Отметимся со всем нашим удовольствием! А ну, братва, разделись по совести, тяжестей в руку не

братъ, всё по-честному, на кулачки...

— И за это вам большое человеческое спасибо, — до земли поклонился наш младший сотрудник.

Толпа мгновенно разделилась по профессиональному признаку, перекинула туда-сюда несколько человек для равновесия и поплевала в ладошки.

— Храни Господь сыскаго воеводу, умеет уважить, когда душа просит... Эх, навались, православные-э!

Бешеной волной разудалой русской энергетики нас попросту впихнуло в храм. Митька, врезавшийся мне в спину, только завистливо простонал, что ему-де «в такой упоительности драчливой» поучаствовать не дали. Бабка быстро нахлестала отца Кондрата по щекам, он невероятным усилием воли взял себя в руки, достал из ящичка две венчальные иконы и скороговоркой начал обряд.

Лично я женился впервые, венчался тем более, мы с Олёной вообще стояли как две ромашки в чистом поле под шум комбайна. Всё вокруг громыhalo и тряслось, древний бог не мог открыто войти в церковь, и его это злило...

— Раб божий Никита, берёшь ли ты в жёны рабу божию Олёну?

— Да.

Стены храма мелко вздрагивали, народ за забором старался вовсю: раздавал тумачи, начищал зубы, развешивал фонари и пересчитывал рёбра! Лихо не могло оставаться в стороне, щедро рассылая флюиды невезения направо и налево...

— Раба божия Олёна, берёшь ли в мужья раба божьего Никиту?

— Да.

Митька, заботливо водрузив над моей головой тяжёлый венец, вовремя заметил изнемогающую от такой же непыльной работы бабку и теперь держал уже оба венца. Яга переводила дыхание, отец Кондрат, даже в пьяном виде, являл высочайший профессионализм и верность долгу. Таинство продолжалось несмотря ни на что!

— Венчается раба божья Олёна рабу божьему Никите! Господу помолимся-а... Господи, помилуй!

Шум драки за воротами то стихал, то вновь набирал мощь. Видимо, ряды кожевников и кузнецов быстро таяли, Лихо знало своё дело... Но, привлечённые неожиданным ночным развлечением, набегали другие горожане, ибо народец у нас любопытный, а шумиха была изрядная. Уяснив суть проблемы, лукошкинцы безоговорочно засучивали рукава и рвались от души помочь моему бракосочетанию. Древний бог викингов

просто не мог уйти, дабы обрушиться на нас всей накопленной мощью. Он завяз и вынужденно тратил силы на массовой забаве...

— А теперь, дети мои, как муж и жена — поцелуйтесь! Господу Богу на радость, а нечистому — во посрамление...

Я осторожно коснулся тёплых губ уже не невесты, а моей законной жены. По её щекам текли слёзы, наверное, она до последнего не верила, что это случится. Люблю её! Всё, конец моей холостяцкой жизни, и меня это по уши устраивает. Честное слово!

Шум за стенами достиг апогея, казалось, там бушует нечто среднее между Ледовым побоищем и ежегодным карнавалом в Рио. А потом резко обрушилась тишина...

* * *

Мы все встревоженно переглянулись. Отец Кондрат икнул, молча благословил нас напоследок и рухнул пластом, где стоял! Его миссия была выполнена...

— Идём, Никитушка, пора покончить с ревнивцем энтим одноглазым.

— И то верно, бабуленька, — значимо прогудел Митя, сдвигая брови и отыскивая взглядом икону потяжелее. — Тока явите милость христианскую, дайте мне первым ему засветить!

— А ты что скажешь, милая? — Я обнял Олёну за плечи.

— А куда иголка, туда и нитка, — храбро ответила она. — Я за мужем любимым хоть в огонь, хоть в воду!

Мы так и вышли из храма, вчетвером, дружным боевым отрядом, героической опергруппой Лукошкина, едва протиснувшись в неширокие двери. И не было на тот момент силы, которая могла бы нас остановить! То есть если без патетики, то сила эта была, конечно, но мы её увидели позднее... А пока нам предстало абсолютно ужасающее зрелище!

Докуда хватало взгляда, везде вповалку лежали побитые русские люди. По всему периметру храмовой ограды стонали, почёсывались, ругались и пытались встать на ноги кожевенники, кузнецы, ткачи, конюхи, плотники, торговцы, купцы, стрельцы, нищие, а кое-где даже бояре! Драка действительно имела общегородской резонанс! Пониманием и самоотверженностью наших людей можно было только гордиться... Создавалось впечатление, что ради моего счастья тут полёг весь народ.

Если бы я был только милиционером, то имел обалденный шанс посадить ВСЕХ на пятнадцать суток или оштрафовать каждого на серебряный рубль. Как раз хватило бы на двухмесячное свадебное путешествие по цивилизованной Европе! Признаюсь, такая грешная мысль у меня мелькнула. Но я давно не был просто ментом — это мой город, мои люди, моя земля, и здесь главное не то, что в кармане, а то, что в сердце... Как говорится, честь мундира!

— Митя, поищи наших. Если кому нужна срочная помощь — пусть окажут, если... Мить, ау! Олёна? Бабуль? Меня вообще слушает хоть кто-нибудь?!

Похоже, что нет... Мои друзья замерли в какой-то странной гипнотической неподвижности, а прямо передо мною из ничего материализовался очень тощий высокий старик. Причём даже не целиком, просто худое лицо с длинной бородой, крылатый шлем на голове, каменные черты лица и один пылающий глаз. Второй был скрыт чёрной повязкой, что придавало ему черты классического героя пиратских романов. Но я-то сразу понял, кто передо мною...

— Очень сожалею, гражданин Один, но вы опоздали, — как можно твёрже попытался произнести я. — Олёна — моя супруга, мы венчаны перед алтарем, и вам её не отнять. Я настоятельно рекомендую написать явку с повинной, исправить весь вред, причиненный вами жителям города, и тогда, возможно, суд учтёт ваше чистосердечное...

Видимо, последнее слово было лишним. Глаз Одина вспыхнул со страшной силой, и я почувствовал, как чужая холодная рука жёстко и уверенно сжимает моё сердце. Рухнув на колени, я понял, что такой боли не испытывал никогда. Взгляд древнего бога наполнился торжеством! Каким бы слабым он ни был сейчас, его сил вполне хватало, чтоб остановить сердце одного живого человека. Моё сердце...

— Предупреждаю, что... нападение на сотрудника милиции, — не слыша самого себя, прошептал я. — Карается лишением свободы на... срок... до...

Боль была такая, что я взвыл бы, если б смог! Один молчал, его единственный глаз явно из последних сил, но наливался нестерпимо ярким светом.

Последним, тупым, неосознанным и замедленным движением я сунул руку в карман. Нашупал тёплое зеркальце и, не имея больше ничего, попытался запустить им во врага. Попасть ему прямо в этот страшный глаз! Увы, от боли я рухнул навзничь...

Лихо Одноглазое торжествующе поднялось надо мной, я всей кожей

ощущал его беззвучный смех и злорадство победы. Его глаз сжимал моё сердце, и оно вот-вот должно было разорваться под напором этой неземной силы. Последним судорожным движением я вскинул руку вверх, заслоняясь от...

— Не-э-э-эт!!! — громовым голосом раздалось в черном небе. Маленькое зеркальце в моей руке разлетелось на тысячу осколков, боль полоснула ладонь, и... сердце отпустило. То есть абсолютно, оно по-прежнему билось, ровно и легко. Я поднял голову...

Ко мне бросилась Олёна, пытаюсь поднять меня с земли. Митька грозил кому-то кулаком, а потом подхватил меня на руки, как ребёнка. Баба-яга, по-девчоночьи прыгая туда-сюда, хлопала ладонями, словно ловя комарика. А я вдруг почувствовал, что всё кончилось. Не знаю почему, не знаю как, но мы победили его. Мы! Ни я, ни Яга, ли Митя — мы! Весь город. Мы его одолели. И никакое Лихо Одноглазое теперь к нам не сунется...

— Опустить меня, всё нормально...

— Никак нет, отец родной, вы ж себя со стороны не видите...

— Митя, отпусти.

— Да ни в жизнь! У вас ножки не хожалые, ручки не держалые... Не пущу!

— Мить, уволью.

Он с сожалением позволил мне стать на ноги. Я обнял Олёну, улыбнулся Яге и тихо приказал:

— Все в отделение. Кроме Еремеева!

Сотник открыл глаза, поправил повязку на лбу и, не шатаясь, встал, готовый к службе. Ох я с ним поговорю отдельно, потом... по-мужски! А сейчас...

— Фома, там у ворот немцы без дела томятся. Передай Кнуту Гамсуновичу мой приказ — немедленно атаковать шамаханов!

— Дак ить... — начал было он, но я перебил, я догадался, зачем Яга отправляла немцев к воротам:

— Знаю, что ночь. Тем лучше, враги их не ждут. И знаю, что без указа государева нельзя. Всё под мою ответственность. Поверь, царю до утра найдётся чем заняться, а если немцы вышибут шамаханов, это будет очень правильный политический ход в деле укрепления международных отношений. Тем более что наши сейчас не в лучшей форме...

Оглянувшись на стонущие ряды «павших бойцов», Еремеев только тяжело вздохнул, осенил себя крестным знамением и бросился выполнять.

...Мы сидели в отделении далеко за полночь. Усталые, вымотанные, но

спать не хотел никто. Час назад появился Фома, доложив, что немцы без единой потери рассеяли оружием огнём войска противника, торжественно вернув в родной город отбитого дьяка Филимона Груздева. Тот божился, что весь плен ругательски ругал всю шамаханскую орду и к нему даже применяли пытки. Врал, разумеется... Наверняка выжил лишь благодаря колдовству нашей бессменной эксперт-криминалистки, услаждая слух агрессоров комплиментами и самыми ласковыми словами. Но кто докажет? Никто! Народ предпочтёт поверить, так что дьяк теперь будет у нас национальным героем. Временно...

Гороху никто ничего не докладывал, решили, что завтра. Но вместе с немцами на вылазку пошёл старый боярин Кашкин. Думаю, он с утра пораньше и распишет батюшке государю, почему шамаханского войска у ворот больше не существует. Царь наверняка разорётся, затопает ногами, расшумится, почему его не разбудили, с перины не подняли, саблю не вручили, на коня не посадили, впереди всех на врага не бросили... Он такой у нас — с причудами, но справедливый. Поэтому как накричится, то первым делом наградит всех отличившихся. Особенно если ночью нашёл-таки гармонию с любимой женой...

А мы всё никак не могли поверить, что одолели Лихо! Что оно вот так, день за днём пило нам кровь, а мы его перехитрили. Что древний бог оказался слаб перед силой дружбы и любви. Банально? Да, ещё бы, банально до жути...

Все большие, настоящие человеческие чувства банальны при их обозначении словами. Вот я люблю Олёну, и это здорово. А когда говорю о том, что люблю её, Митьке, вроде уже и неискренне как-то. Или тот же Митька, он мой самый верный друг, если вдуматься. А если сказать об этом кому-то? Не поверят, посмеются... Что делать, если так мир устроен. Не нами. Мы в нём всего лишь живём. А Лихо...

— Так ему и надо, понеже — сволочь он, — согласно кивал наш младший сотрудник, незаметно наполняя свою чашку вишнёвой настойкой вместо чая. — Жаль вот тока свадьбу вашу мы покуда не отпраздновали. Надо ить всё по-людски! Чтоб царь с царицей за столом сидели, и поезд свадебный, и лошади в розочках, и девичник, и мальчишник, и дружки с гостями, и подарки всякие нужные, и...

— Митя, фу! — Я было стукнул кулаком по столу, но Олёна удержала меня. — Свадьба была что надо! Устраивать из своей личной жизни общестолничное шоу на три дня глобальной пьянки с традиционным застольем и недельным опохмелом я не намерен. То есть мы не намерены, так, милая?

— Как скажешь, родной...

Я нежно поцеловал жену. Митька фыркнул и отвернулся, тихо обозвав нас единоличниками.

— Никитушка, а вот объясни мне, старой, как ты зеркальце из дому прихватить удумал? Мне ить такая мысль и в голову не стукнулась...

— Это не я. Это мне ваш Назим дал. Я, только когда оно разбилось, понял зачем. Лихо было последним, кто посмотрелся в разбитое зеркало! Значит, теперь ему семь лет ни в чём удачи не будет. И главное, он сам в это верит!

— Не повезло-о... — улыбнулись все.

— Бабуль, а вы уверены, что он из ореха не вырвется?

— Из какого ореха, Никитушка? — сделала удивлённое лицо наша домохозяйка, но, не сдержавшись, тихо хихикнула. — Не в скорлупку я его запихнула, а в табакерку заветную. Кощеюшка, говорят, к зелью заграничному табачному пристрастился, любит трубку грызть да дым из ноздрей пускать. Вот пущай и от нас подарочек малый примет. Безвредный... до семи лет, а там уж Лихо своё по-любому возьмёт! Отольются кошке мышкены слёзки цианидом в ложке...

А потом мы смеялись. И все пили вишнёвую настойку, даже кот Васька и сам азербайджанский домовый. Который на все наши вопросы лишь смущённо улыбался и скромно говорил: «Кинижки читать нада!», совершенно не желая объяснять, как он догадался подставить Лиху его же собственную подножку с невезением. Ей-богу, в штат опергруппы надо было зачислять всех! Все старались, как могли...

А ещё стало кристально ясно, что никуда я отсюда не уйду, что Яга вполне поладит с бывшей бесовкой, что по этому терему ещё забегают маленькие детские ножки и у наших детей будет самая обалденная бабушка!

Потому что Лукошкино — наш общий дом и, если бы его не было, я бы его придумал. Сказка никогда не должна заканчиваться, даже если детство ушло, а мы все взрослые, и мир другой, и небо иное, и ничего нельзя вернуть...

Мы — остаёмся!

Р. С. Наутро, может быть впервые за всё время моей службы, меня поднял не крик петуха, а коровье мычание. Я с трудом оторвал голову от подушки, поцеловал сонно вздрогнувшую жену и высунулся в окно. На территории нашего отделения стояла крепко сбитая крестьянская девушка с узелком, что-то радостно втолковывая подбежавшим стрельцам. Знакомая флегматичная корова по-хозяйски оглядывала двор. Кажется, я ждал этого

момента всю жизнь... Быстро распахнув дверь, я громко проорал так, чтоб этот тип в сенях сразу всё понял: — Митя-а! К тебе пришли-и...

Буйство глаз и половодье чувств, или прощание с героем

Игорь ЧЕРНЫЙ

Итак, перед нами заключительная книга знаменитого цикла Андрея Беянина «Тайный сыск царя Гороха». Первая же вышла десять лет назад. Десятилетие — много ли это или мало? Если за критерий отсчета брать историю существования книги и героя в литературе в целом (пусть мы и ограничимся исключительно фантастикой), то конечно же и Никита Ивашов, и произведения о нем находятся, так сказать, в «детсадовском» возрасте. Они еще очень «юны и свежи», чтобы определять их место и роль в литературном процессе, классифицировать, вписывать в контекст и проч. и проч. Однако если рассматривать их, соотносясь с творчеством самого автора и периодом, в котором создавался цикл, то следует признать, что десять лет — это довольно значительный отрезок времени. Не будем говорить о зарубежной фантастике, развивающейся несколько по иным законам, но для отечественной десятилетняя верность писателя одному и тому же миру и герою — явление редкое. А если при этом учесть и неослабевающий интерес читательской аудитории к романам «Тайного сыска», постоянно переиздающимся большими тиражами, то цикл этот и вообще исключение из правил (справедливости ради отметим, что не единственное).

Никита Ивашов появился в то сложное для России и русской культуры время, когда мы только-только испытали потрясение дефолтом, серьезно пошатнувшим экономику и отразившимся в том числе и на духовной сфере. Неверие в собственные силы, недоверие к властям и неуверенность в завтрашнем дне вели к усилению мрачных тенденций в литературе и искусстве. Вовсю расцветала «чернуха», со страниц книг и журналов, с экранов телевизоров и кинотеатров лилась масса негативной информации, не добавлявшая гражданам жизненного оптимизма. И в таких непростых условиях, когда, прямо скажем, было не до смеха, нашлись смельчаки, решившиеся «чувства добрые лирой пробуждать», показывая, что не все прогнило в нашем государстве, что нам есть на что опереться и от чего плясать, возрождая чуть поколебавшееся величие. Среди них был и Андрей Олегович Белянин, тогда еще совсем молодой, едва переступивший

тридцатилетний порог писатель-фантаст (это сейчас такой возраст, увы, стал считаться «зрелым» для автора, а тогда было еще по-другому). Он представил аудитории такого же молодого (лет двадцати с хвостиком) героя, полного сил и энергии, не унывающего ни при каких обстоятельствах, подлинного рыцаря без страха и упрека. Этакого себе Василия Теркина эпохи «миллениума». Сходство с героем Твардовского подчеркивалось и тем, что оба парня были одеты в форму. С той лишь разницей, что Никита Ивашов имел офицерское звание (пусть и самое незначительное и «несерьезное» — младший лейтенант), а форма его была милицейской.

Уже неоднократно отмечалось, что Белянин одним из первых в постсоветской литературе возродил положительный образ сотрудника правоохранительных органов. До него на целых пятнадцать лет люди в милицеских погонах стали жупелом, олицетворением всего темного, происходившего в государстве. Рэкет, коррупция, «крышевание» преступного элемента, бандитизм — вот тот неполный букет обвинений, предъявлявшихся милиции. Даже специальный фразеологизм появился — «оборотни в милицеских погонах». А писатель-фантаст из Астрахани возьми да и покажи «нетрадиционного» милиционера. Разумеется, нетипичного для той смутной поры. А вот для литературы и кино предшествующего периода Никита Ивашов был как раз вполне по меркам. Сразу вспоминались «Сержант милиции», «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут ЗНАТОКИ», первые романы Николая Леонова о Гурове (где Лева был еще совсем зеленым и неопытным ментенком, а не заматеревшим суперменом-полковником). Наивный и неопытный, попавший из столичного РОВД в сказочное царство Гороха и сделавший там небывалую карьеру (сыскной воевода, фактически министр внутренних дел), рос на наших глазах. И как-то совсем незаметно вырос, став уже не мальчиком, но мужем.

«Мне за 30 лет, — писал одному из своих друзей А. С. Пушкин накануне женитьбы. — В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться». Если прикинуть возраст белянинского героя, то и ему уже около тридцати. Так что Никита Ивашов вполне созрел для решительного в жизни каждого ответственного человека шага — женитьбы. Тем более что шел он к этому целых четыре книги и почитай девять лет — с первого знакомства со своей будущей супругой в романе «Летучий корабль». А ведь практически с первых же книг читатели и критики были озабочены семейным положением героя. Дескать, «что-то не так» с молодым и пригожим парнем,

раз он на девок не засматривается. Надо сказать, писатель, сам сторонник твердых семейных ценностей, тут же исправил положение и обозначил контуром-пунктиром суженую Никиты, однако отягощать которую его фамилией не торопился. Оно и понятно, ведь по законам детективного жанра сыщик должен быть «волком-одиночкой». Особенно молодой. Если ты озабочен (как тот же царь Горох) выяснением отношений с дражайшей половиной и воспитанием в перспективе оравы детишек, то какие уж тут расследования и юмор?

Нужно постоянно озиаться по сторонам, чтоб не оставить жену вдовой, а детей сиротами. Это уже социально-бытовая проза, а не юмористическая фантастика.

И вот наконец герой цикла женится, а, значит, и впрямь пришел финал «Тайному сыску царя Гороха». То, что автор прощается со своим любимым созданием, видно по тональности всего повествования. Мы уже отметили, что Никита переступил тридцатилетний рубеж, отделяющий юность от зрелости. Как метко сказал об этом состоянии Есенин:

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

То же происходит и с белянинским Ивашовым. Он заметно возмужал. И если своими поступками еще иногда напоминает того, прежнего младшего лейтенанта, то его мысли свидетельствуют о духовном взрослении героя. Да, он все так же пытается усмирить неугомонного петуха, мешающего опергруппе спать (этот безмолвный персонаж стал настоящим фирменным знаком цикла), совестит Митьку Лобова, неизменно озабоченного качеством капусты тетки Матрены (тоже непременный прием смеховой культуры «Тайного сыска»), ссорится по пустякам со своей домохозяйкой Бабой-ягой и работодателем царем Горохом. Однако ж главное в романе «Жениться и обезвредить» не в этом.

Основная идея, звучащая в книге и проходящая через весь текст, — это мысль народная. «Народ всегда прав», — неоднократно подчеркивает Никита, вырастая из простого сыскаря до народного заступника. Причем под «народом» здесь надобно разуметь не только простых крестьян (Белянин в этом сериале почти далек от какой-либо социальной сатиры и критики, хотя иногда аллюзия-другая и случается), но и вообще весь

«мир», общество, включая мужей лучших и нарочитых, духовенство и самих царя с царицей. Ивашов говорит о гражданском мире и согласии, о любви ко всем без исключения ближним (включая и извечных неприятелей его, дьяка Филимона Груздева и боярина Бодрова), о единении всех и вся вокруг триады «Бог, отечество и царь».

Заметим, что царь непривычно отодвинут на третье место. Не он здесь главный. Царь Горох — это всего лишь сказочный персонаж. Пусть живой и колоритный (по признанию автора, в Горохе есть много от самого фантаста, так что это своего рода дружеский автошарж), но являющийся частичкой большого лукошкинского целого. Изюминкой романа «Жениться и обезвредить» стало увлечение государя-батюшки модной нынче японской культурой с ее неизменными атрибутами: чайной церемонией, поеданием суши и распитием саке, кодексом чести самураев, икебаной и бонсай. Лукошкино становится как бы зеркальной копией нашего собственного мира. Копией, где все уродства и недостатки приобретают гротескный характер, но, к счастью, и излечиваются также гораздо быстрее, чем у нас. Повторимся, что царь не главное, а последнее звено в триаде.

А вот Бог, православная вера — тот столп, на котором стоит здание романа Беянина. Усиление религиозных мотивов вообще характерно для творчества писателя-фантаста последних пяти лет. С особенной силой богоискательские настроения выплеснулись в его дилогии о казаке на том свете. Но если там наворочена такая бездна всего и вся, что в ней сложно разобраться без подготовки, то в финальной книге «Тайного сыска» все прозрачно и традиционно. Даже слишком. Беянинское православие исконное, народное, кондово-лапотное и сермяжное. С одной стороны, перед нами пьяный вдрызг поп, не вяжущий лыка, а с другой — мощная вера в исключительную действенность старой доброй молитвы: «Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его». Простодушное ожидание чуда Господня, надежда на то, что Творец по милости великой не оставит люди своя. И Чудо, естественно, происходит. Едва тем же священником (нетрезвым не по нерадению, а злыми кознями врага человеческого) свершается таинство брака, как все становится на свои места и привычный миропорядок восстанавливается. Как всегда у Беянина. Зло может временно отвоевать позиции у Добра, но вот победить ему не дано. Ни за что и ни при каких условиях.

Расставаться с полюбившимся героем всегда нелегко. Хотя кто говорит о прощании навеки? Ведь, в конце концов, Никита Ивашов не умер и не вернулся назад, в современную Москву. Значит, не исключено, что как-нибудь когда-нибудь он снова может погрозить окаянному петуху и

произнести свою коронную фразу: «Опергруппа на выезд». И еще одно. В самом начале мы упомянули о том, что герой Беянина появился на свет в трудную и невеселую для отечества годину, чтоб оружием смеха сразиться с мрачными и невеселыми настроениями, царившими в обществе. Символично, что прощальная книга о Никите Ивашове выходит в свет в точно такую же суровую пору, когда весь мир трясет лихорадка экономического кризиса. Может быть, добрый смех и вера в милосердие Господне снова помогут нам преодолеть лихое время, плюнув на Лихо Одноглазое и отправив его восвояси? Очень надеемся на это.